

Е. А. Михалёв

Воздушные рабочие войны

трилогия

Повесть о вертолётчиках.

Родник. Пять глотков.

Зимняя сказка.

Санкт-Петербург

2018 г.

М69
ISBN 978-5-4334-0419-9
УДК 821.161.1
ББК 85.374

Е.А. Михалёв. «Воздушные рабочие войны». Проза. СПб., издательство «Гамма». 2018 – 182с. Тираж 100экз.

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в создании книги:

Участнику боевых действий в Афганистане, штурману Отдельной Вертолётной эскадрильи советников капитану в отставке Каташуку Михаилу Даниловичу.

Участнику боевых действий в Афганистане Матвейшиной Валентине Николаевне.

Боевой подруге воина-Афганца Степеновой Ирине.

Члену союза писателей России Аваковой Ирине за любезно предоставленные стихи.

Выборгской поэтессе Тимониной Виктории. В повести использованы её стихи.

Отзывы автор просит присылать на телефон: 8 911 794 74 21

ISBN 978-5-4334-0419-9

© Михалёв Е.А.

Беспримерному подвигу Советских вертолётчиков в небе Афганистана и женщинам, воевавшим рядом с нами, посвящается.

Образы героев повести не являются вымышленными. Эти ребята воевали в составе Ограниченного Контингента Советских войск в различных районах Афганистана. Автор лишь объединил их и дал имена близких ему людей. Тем не менее, некоторые эпизоды – плод фантазии автора.

На войне не только правит смерть и кровь, на войне ещё царит и властвует любовь.

Автор

*«Видно, все мы рано повзрослели –
Воздушные рабочие войны».*

*Песня из кинофильма
«Хроника пикирующего бомбардировщика»*

«Повесть о вертолётчиках» Е. А. Михалёва.

С огромным интересом прочитала повесть, посвящённую невероятному подвигу наших вертолётчиков в Афганской войне.

Хотя автор пишет о том, что пережил сам, - это не мемуары, а живая, интересная, захватывающая повесть, написанная хорошим литературным языком, лишённая назидательности или ненужного пафоса.

Параллельные лейтмотивы повести:

Один – это душа русского воина, его героизм, мужество, смекалка, чисто славянское благородство, даже по отношению к врагам.

И другой – посвящение легенде о пресловутом «интернациональном долге». «Это не долг, а просто война» - несколько раз повторяет герой повести. Это повесть-исповедь.

Огромным уважением проникаешь к главному герою повести – Геннадию Михееву. Его личность не только органично вписывается в обстановку военных действий, но и выделяется самобытностью, независимостью характера, способностью принимать решения в экстремальных ситуациях, неиссякаемым юмором даже тогда, когда каждый прожитый день – уже подарок.

Широта души, милосердие, какая-то неистребимая доброта, товарищеская выручка – вот что восхищает в русском человеке даже в таких адских условиях.

Потрясает рассказ о командире Миши Трамбо, погибшем при попытке спасти в горящем вертолёте заминировавших бочки с горючим афганцев.

Простота и бесхитростна, и оттого светла и трогательна лирическая часть повести. С огромной симпатии относишься к встрече героя с женщиной, которая может стать его судьбой, с радостным сочувствием следишь за развитием их отношений.

В этой небольшой повести есть и моменты, которые вызывают чувство негодования и бездарные, а, может, провокационные приказы кого-то из высшего командования, которые ставят вертолётчиков в тупиковые ситуации, и хорошо, если им помогает выжить, так называемое, «шестое чувство».

Коснулся автор и события в Чернобыле, когда наши вертолёты бросались в самое жерло радиационных выбросов.

О многих аспектах повести ещё можно говорить, но скажу главное – здесь раскрыта душа русского человека, Славянина, который даже в этих ужасах войны сохранил свои истинно человеческие качества, свою честь, совесть и доброту.

*Светлана Евстафьева,
Член Российского Межрегионального
Союза писателей (СПб)*

Повесть о вертолётчиках

Глава 1.

- Эскадрилья! Равняйся, смирно! Товарищ подполковник, эскадрилья для проведения паркового дня построена. Заместитель командира эскадрильи майор Канаев.

- Здравствуйте, товарищи!

- Здравия желаем, товарищ полковник!

Дружно рявкнул строй. Не знаю, как в пехоте, а у нас в авиации так принято. Подполковников, находясь в строю, мы дружно именуем полковниками. Это, во-первых, престижно для командира – его, как бы уже повысили на одну ступень в звании; во-вторых, это и проще для нас. Попробуйте, когда-нибудь группой человек в 70-80 дружно, коротко и внятно крикнуть слово «подполковник». Не получится, конечно. А «полковник» совсем другое дело.

- Капитан Михеев.

- Я!

- Ты почему не здороваешься?

- 40 минут бежал по горе из бригады, ещё не отдышался.

- Все бежали из бригады, вставать надо раньше, чтобы отдышаться.

- Понял, командир.

Построение на парковый день назначается на аэродроме у склона горы, а жилая зона – ДОСы, 100-квартирные панельные дома, где размещались семейные вертолётчики – действительно находилась в месте дислокации десантно-штурмовой бригады, в простонародии ДШБР, на вершине горы. И если утром надо было одеться по форме и сбежать с горы за 30-40 минут, то после окончания рабочего дня подъём на ту же гору превращался в каторжный труд.

- Сейчас я всех обрадую, будете здороваться громко, бодро и весело.

- Эскадрилья! Равняйся! Смирно!

Для выполнения интернационального долга в ДРА добровольно-принудительным порядком шаг вперёд ша-а-агом марш!

И вся эскадрилья дружно шагнула вперёд.

Стояли мы на бетонке таёжного аэродрома Могоча Забайкальского военного округа. Был жаркий июнь 1985 г.

Глава 2.

- Капитан Битеряков!

- Я!

- Командир вертолёта.

- Есть.

- Старший лейтенант Поляков!

- Я.

- Помощник командира вертолёта.

- Есть.

- Старший лейтенант Ревякин!

- Я.

- Бортовой техник вертолёта.

- Есть.

Оглашали штатное расписание личного состава для предстоящей спецкомандировки.

- Капитан Михеев.

- Я.

- Бортовой техник вертолёта.

- Никак нет. Старший бортовой техник-инструктор!

- Я сказал, бортовой техник! Все претензии к полковнику Краснову!

Список оглашали минут 20. После команды «Разойдись» решил пойти к командиру полка. Понижение в должности, хотя и смехотворное по авиационным понятиям, мне казалось обидным и чуть ли не кощунственным.

На должность инструктора назначались борттехники из числа наиболее подготовленных, имеющих солидный опыт работы, большой налёт, грамотно эксплуатирующих авиационную технику и на земле, и в воздухе. К тому же боевые действия в Афганистане длились вот уже шестой год, ребята возвращались оттуда с боевыми орденами и новыми звёздами на погонах. А меня почему-то назначали с понижением.

- Разрешите?

- Заходи, Михеев.

- Товарищ полковник, разрешите обратиться по лично-служебному вопросу? Командир полка, полковник Краснов, был у меня командиром экипажа, и я по всем писаным и неписаным законам мог обратиться к нему непосредственно.

- Товарищ полковник, я в отношении командировки в ДРА.

- Сегодня ты идёшь в наряд дежурным по стоянке части. Зайдёшь вечерком, а сейчас я, как видишь занят.

Стол в кабинете действительно был завален какими-то таблицами, метеобюллетенями и прочими документами.

- Вечером так вечером. Разрешите идти?

- Свободен.

Поплёлся в инженерный отдел на инструктаж. Простая формальность с кучей росписей в журналах по мерам безопасности, по правилам обращения с оружием, по плановой таблице прилетающих и улетающих вертолётов.

Странно, почему начальник штаба не объявил на построении о заступлении в наряд. Наверное, запарился с афганской командировкой. Доложил инженеру эскадрильи и потащился в гору домой на отдых перед нарядом.

«Тропа мужества», как именовали у нас подъём по склону горы, проходила вначале через речку Лангрушку, затем углублялась в живописные весной заросли таёжного багульника, дальше по каменистой осыпи уводила в сосновое мелколесье и, наконец, упиралась в КПП десантно-штурмовой бригады. ДОСы были расположены лесенкой на противоположном склоне горы. Жилая зона встретила магазином военторга, куда мы частенько заглядывали за коньяком во внеслужебное время, чтобы хоть как-то скрасить суровые будни Забайкалья. Сегодня я иду в наряд, и коньяк, естественно, отменяется. Домой не хотелось – семейные отношения давно разлажены: жена вот уже несколько лет не работает, по дому ничего делать не умеет и не хочет; дети, сын и дочь, в школе. Своим ключом открываю дверь и застаю привычную картину: на кухне рядом с керогазом (электрические и газовые плиты в гарнизоне не предусмотрены) в алюминиевой солдатской миске гора окурков вперемешку с куриными косточками, соль из солдатской же миски

рассыпана по всему столу, рядом сиротливо притулилась опрокинутая бутылка из-под «Солнцедара» с двумя гранёными стаканами, испачканными бордовой липкой мутью. В зале стол накрыт мятой, когда-то белой простыней с прямоугольным штампом «медсанчасть»; на столе та же картина, что и на кухне, только вместо стаканов фужеры и рюмки – это будет рангом повыше, зал всё-таки. Жены дома нет, опять, видимо, с женой секретаря парткома клянчат у инженера эскадрильи спирт. Когда-то в компании, кажется на 23 февраля, на пустые бравадные угрозы калёным железом выжечь в гарнизоне пьянство, я предложил самому секретарю парткома майору Ларионову разобраться со своей женой-алкоголичкой, на что бравый политработник ответил стиснутыми зубами и холодным взглядом. Затем он молча надел майорскую шинель и вышел, хлопнув дверью. Хозяин квартиры, капитан Гуржий, тихо заметил:

- Ну, Гена, и врага ты себе нажил.

На что я, не раздумывая, ответил:

- Ничего, Афган всё спишет.

Командировка за речку ни для кого секретом не была, и мы прекрасно знали, что все вертолётчики по два, а то и по три раза пройдут через Афган. Сам же работник идеологического фронта предпочитал кушать коньячок да водочку в глубоком тылу Забайкалья в компании, как с собственной женой, так и с жёнами своих друзей и недругов. Что, кстати, не помешало ему завести льготное удостоверение «Участник боевых действий», а также повесить на парадный китель медаль «За боевые заслуги». Тогда удостоверения и медали не получили два прапорщика-«афганца», и мы могли только догадываться, куда это ушло.

Поднялся на 2-й этаж к «Осине» - капитану Обинцеву, штурману эскадрильи, недавно прибывшему из спецкомандировки. «Пусть, - думаю, - поделится опытом. И он поделился. Оказывается, за 7 месяцев, что Володя пробыл в Кандагаре, его жена по какому-то житейскому вопросу обратилась в политотдел бригады, где один из политработчиков намекнул на услуги интимного характера в ответ. Молодая жена была хороша собой да и нрава, очевидно, нестрогого. Словом, тогда она уступила. Остальное было, как говорится, делом техники. Вышеуказанные услуги пришлось оказывать всему политотделу, причём неоднократно. В разгар всего этого бедлама на идеологическом фронте сам «Осина» прилетел в отпуск. Друзья, как водится, незамедлительно доложили о «подвигах» его боевой подруги. Володя мягко, без нажима приступил к «разбору полётов»: мол, понимаю, дело житейское, одной трудно, я тоже в Афгане при общении с «чеканками» (так называли вольнонаёмных женщин в ДРА) не придерживался строгих правил.

Разводиться будем – жаль детей, я просто переведусь в другую часть, ты только признайся по-честному. Жена дрогнула и со слезами и истерикой поведала обо всём происшедшем. Тут и наступил собственно «разбор» с битьём посуды, рукоприкладством, полётом мебели с балкона и выставлением жены за дверь. Политотдел отреагировал моментально – боевой во всех отношениях штурман был отправлен в «пятнашку» (отделение окружного госпиталя в Чите) на психиатрическую экспертизу, где очень оперативно был признан невменяемым, списан с лётной работы, документы отправлены на увольнение из Вооружённых Сил.

Вот такую невесёлую историю поведал мне тогда бывший штурман эскадрильи, бывший капитан Советской Армии, бывший муж и бывший отец, сидя за журнальным столиком с бутылкой водки в опустевшей квартире жилой зоны десантно-штурмовой бригады одного из отдалённых гарнизонов Забайкалья.

Глава 3.

- Товарищ майор, караул и внутренний наряд для развода построены, дежурный по полку капитан Гуржий.

Начальник штаба полка майор Голубцов приступил к инструктажу на разводе. Ничего не значащие казённые фразы из уставов караульной и внутренней службы, наставлений и инструкций.

- Товарищи солдаты, прапорщики и офицеры, особое внимание обращаю на сохранность оружия и боеприпасов, а также правила обращения с ними; на соблюдение мер противопожарной безопасности; на выполнение требований дисциплинарного устава.

Истинная цена этого пустословия нам давно известна. Как-то будучи дежурным по полку, делая обход казарм после отбоя, я наткнулся на группу солдат, отчаянно молотивших друг друга солдатскими бляхами. Тогда я действовал строго по уставу – отобрал у всех ремни, развёл по отдельным кубрикам, уложил спать по разным кубрикам, вызвал старшину, поставил в известность начальника ТЭЧ, а утром о происшедшем доложил командиру полка рапортом. В итоге был лишён денежного вознаграждения за боеготовность в конце года – в простонародии тринадцатой зарплаты. Вот и верь после этого в догму: «живи по уставу, заслужишь честь и славу».

Развод тем временем заканчивался.

- У кого есть вопросы?

Делаю шаг из строя:

- Дежурный по стоянке части капитан Михеев. Товарищ майор, на разводе отсутствуют четверо солдат срочной службы – дежурных по стоянкам подразделений. Мои действия?

- Что, капитан, сильно умный? Народу не хватает, люди в Афгане, ваши ДСП по шесть суток несут службу, не сменяясь, они и дежурные, и кочегары, и синоптики, и планшетисты на полётах.

- Да, но они с оружием и двумя рожками патронов, мне бы их хоть в глаза увидеть. Вы же только сейчас говорили о правилах обращения с оружием.

- Несите службу, товарищ капитан, что Вам не понятно? - начинает разъяряться начальник штаба.

- А непонятно мне, товарищ майор, Вы приказываете мне заступать в наряд в отсутствие солдат на разводе?

- Так точно, приказываю! Становитесь в строй! - уже в открытую орёт майор. Если бы я знал, какую роль сыграет в дальнейшем этот приказ!

После развода отправляюсь в штаб полка – покосившийся барак времён событий на острове Даманский. Да и сейчас ДШБР с 2-мя приданными ей вертолётными полками дислоцируются здесь для сдерживания китайцев на Северо-Восточном направлении.

Стучу в кабинет командира полка.

- Разрешите, товарищ полковник?

- Заходи, Михеев.

Командира полка мы уважали за высокое лётное мастерство, умение ладить с подчинёнными, простоту в общении.

Как-то на лётно-тактических учениях в Хады-Булаке после сложного и длительного перелёта, мы провели послеполётную подготовку, заправили и зачехлили вертолёты, на ужин, естественно, опоздали и только собрались на моём борту, чтобы перекусить домашними припасами, как со стороны хвостовой балки вылетели два УАЗика. Это были командиры полков – нашего и боевого. Я открыл заднюю дверь и, подав руку, помог обоим полковникам забраться в грузовую кабину. Они не побрезговали кружкой спирта и домашней курицей, строжайше предупредив, что на завтра намечена предварительная подготовка, а послезавтра тревога и ЛТУ. Ответственными за сегодняшнее мероприятие были назначены инженер эскадрильи майор Редько и я. Разве мы могли в такой обстановке подвести командира? ЛТУ были отработаны с оценкой «отлично».

- Какие проблемы, Михеев?

- Товарищ командир, в Афган направляют с понижением. За что?

- Не понял. Начстрой, зайди ко мне со штабными расписаниями на спецкомандировку, - нажал на кнопку селектора Краснов.

Гена Чупахин влетел в кабинет, словно он ждал команды под дверью. Раскрытую папку с бумагами разместил на столе прямо на нардах, в которые за минуту до этого играли командир с инженером эскадрильи МИ-8 майором Ярош.

- Гена, что за дела? Почему борттехник-инструктор из Нерчинска?

- Товарищ полковник, расписание подписано в Чите.

- Ладно, твои проблемы. Чтобы Михеев был первым в списке на должности инструктора.

- Спасибо, товарищ полковник!

- Тебе спасибо за службу, и чтобы из Афгана вернулся с орденом.

- Понял, командир. Разрешите выполнять?

- Давай, давай, иди!

Вот такой у меня был командир экипажа полковник Краснов.

Глава 4.

Теперь мне предстояло обойти все вертолётные стоянки и познакомиться, наконец, с этими неуловимыми, в самом прямом смысле, ДСП. Начинаю со стоянки ТЭЧ. Прохожу в ангар – всё открыто настезь, никого нет, осматриваю ряд спецмашин, предназначенных для выполнения регламентных работ в полевых условиях – тоже тишина, четыре МИ-8 зачехлены и опечатаны, но они без охраны. И вот из-за контейнера для лопастей выдвигается, наконец, «угроза блоку НАТО» - это солдатик ростом 1,5 м вместе с пилоткой в расстёгнутом комбинезоне с автоматом на плече и двумя рожками в подсумке, свисающем до колен. Это чудо с заспанной физиономией молча остановилось напротив меня и преданно смотрит в глаза.

- Ну, что, боец, как дела? Докладывать будем? Что снилось-то?

Молчит.

- Где начальник ТЭЧ?

- Ушли домой.

- А ты-то, кто?

- Рядовой Саакян.

- Почему не охраняем вертолёты, рядовой Саакян? Устал? Придётся тебя заменить.

Замена в наряде – самое страшное наказание для молодого солдата. Мы знали, что «стариками» в казарме их всячески притесняют и помимо стирки своего обмундирования, чистки зубной щёткой унитаза, «доставания» для себя сигарет и водки, заставляют ещё бессменно, по несколько суток кряду

«тащить» за себя всю остальную службу. Естественно, снятие с наряда молодого солдата влекло за собой его замену старослужащим, а это подразумевало жестокие ночные внутриказарменные разборки. Желających занять должности старшин-прапорщиков в суровых условиях Забайкалья, как правило, не находилось, их подменяли сержанты-срочники, те же «деды», да ответственные офицеры, у которых не было ни прав, ни обязанностей по уставу – отсюда такой беспредел. Такая армия, такая страна, такое время... Челюсть у Саакяна неожиданно медленно отвисает, он тычет обеими руками куда-то мне за спину, что-то беззвучно кричит и только по движению губ я угадываю «Пожар». Я быстро оборачиваюсь, и всё тело вдруг становится ватным – над стоянкой МИ-8, ярко-оранжево устремляясь вверх и одновременно плавно растекаясь по горизонту, пламенело зарево.

Глава 5.

Голова неожиданно работает чётко и слаженно. Приказываю:

- Рядовой Саакян, охранять стоянку ТЭЧ, максимально усилить бдительность.

Последние слова команды кричу уже на бегу, одновременно расстёгиваю молнию на лётной куртке, хватаюсь за кобуру, чтобы не потерять пистолет и, что есть мочи рву на стоянку МИ-8, а до неё около километра. Когда-то в школе я занимался лёгкой атлетикой, и понятие «расстановка сил» мне знакома не понаслышке. Перехожу, что называется на средний размеренный темп, соображаю – на кроссе это около трех минут, там спортивное трико, шиповки. Сейчас в обмундировании это пять-шесть минут, только бы успеть раскатать борта и выбросить формуляры.

Навстречу летит растрёпанный боец, он босиком, гимнастёрка разорвана, лицо в саже, волосы обгорели. Кидаюсь навстречу.

- Что там?

Он машет в сторону технического домика.

- Там – там – бензин – автоматы – кочегары – это они, они.

Понимаю, что толку от него не добьёшься, в отчаянье машу рукой, дескать, беги, куда бежал. И он рванул в сторону автопарка, наверное, за пожаркой. Я же своим средним темпом устремляюсь в сторону техдомиков. Продолжаю анализировать:

- Да, горят техпомещения. Там формуляры. Только бы успеть!

Уже о пробежавшем солдате:

- Побежал в автопарк. Дурак. Где ты в нашей армии видел пожарку с водой?

Дальше:

- Аэропорт рядом. Надо успеть туда. Там пожарные ЗИЛы с водой.

Огибаю барак технического домика слева, устремляюсь к формулярной, где вся документация на вертолёт и резко, словно уткнувшись в стену, торможу метрах в десяти от окон, - нестерпимый жар не даёт продвинуться ни на полшага. Мне отлично видно, как медленно, словно нехотя, белое пламя корёжит и валит дюралевые ящики с формулярами, как тугие водяные струи из стволов подоспевшей аэропортовской пожарки только вырывают из пламени ревущие чёрно-красные жгуты искр и, казалось, только добавляют злости и ярости разбушевавшейся стихии.

Подбегаю к группе приехавших из бригады полковников и, забыв о всякой субординации, кого за рукав, кого в плечо, а кого и в загривок подталкиваю к ближайшему вертолёту. Разгоняю полковников, солдат и свободных пожарных по блокам и балочным держателям, сам хватаю водило и молю Бога:

- Хоть бы был расторможен стояночный тормоз!

На наше счастье так и случилось. Обшивка тем временем нагрелась так, что местами начала желтеть бортовая краска. Чтобы стронуть МИ-8 с места необходима слаженность и одновременное приложение всех сил. Ору:

- Слушай мою команду! Все-е-е резко взяли и-и-и РАЗ, РАЗ, РАЗ!

Вертолёт стоит на грунте и толкать его гораздо тяжелее, чем по бетонке.

- И-и-и РАЗ! Мужики, давай! РАЗ! РАЗ! РАЗ!

Многотонная восьмёрка медленно, нехотя, хвостом вперёд начинает ползти на горку.

- Пошла, пошла, родимая. Ну-у-у, РАЗ, РАЗ, РАЗ!

Таким манером с запалом и энтузиазмом принятыми только, наверное, в нашей родной Красной Армии выталкиваем вертолёт в безопасное место. На глаза попадается командир полка, он подтянут и спокоен, как всегда. Рядом стоит инженер эскадрильи майор Ярош, тот уже вторую сигарету прикуривает обратной стороной – от фильтра. В памяти неожиданно ярко и резко всплывают строки из «Наставления по инженерно-авиационной службе»: «За противопожарное состояние на стоянке части отвечают дежурный по стоянке части и зам. командира ВЭ по ИАС (инженер эскадрильи)».

Это я уже цитирую вслух. По сложившейся обстановке пора закуривать и мне.

Чья-то рука легла на плечо.

- Горазд ты, однако, полковниками-то командовать. Оборачиваюсь – подполковник Подзоров, старший инженер бригады по вертолёту и

двигателю, а в миру Анатолий Алексеевич, мой сосед по лестничной площадке.

- Да, дел-то вы тут понатворили. Будем разбираться.

И после долгой паузы:

- Назначен председателем комиссии по расследованию причин ЧП.

А ЧП-то по авиационным законам – серьёзней некуда. Две полных эскадрильи не могут летать пока не восстановят формуляры, по сути дела полк не боеготов.

- Давай-ка закурим да спокойно помозгуем, - предлагает Подзоров. Оба мы некурящие, но...обстановка требует. Стреляю пару сигарет у майора Яроша. Курим молча. Наконец подполковник прерывает молчание:

- Гена, по возможности успокойся. Обещаю, сделаю всё, что смогу. А пока забирай вон у того пожарника ствол, хорошенько пролей головёшки и не дай ветру опять раздуть пламя. Главную задачу выполнишь утром, как хочешь разгребай угли, но найди автоматы.

Немного подумав:

- И, если найдёшь, не приведи Господь, останки. Ну, понимаешь – шапки, куртки, фрагменты тел...

И тут же махнул рукой:

- Хотя какие шапки, какие куртки, всё сгорело. Понимаешь, мы ещё не знаем, сколько бойцов разбежалось, а вдруг там кто-то остался. Это другая статья, ты понимаешь.

Полковники медленно потянулись к своим УАЗикам.

Ох, и много я тогда передумал, поливая печальное кострище и глядя на редкие языки пламени то тут, то там вырывающиеся из-под обгоревших щитов барака, да на едкий дым, стелющийся сплошной пеленой над чёрно-рыжим пепелищем.

Глава 6.

Вот уже неделю в части работает военная прокуратура, и пока нет официального заключения комиссии по расследованию, предварительное резюме для меня: два-три года общего режима. На службу не хожу – от полётов я отстранён, от нарядов тоже. Наряд предусматривает ношение табельного ПМ, но оружие мне не дают, кто знает, что у меня на уме. И, выходит, последний раз я держал АКМы (автомат Калашникова модернизированный), точнее их обгоревшие останки, когда в то злосчастное утро выковыривал вилами покорёженные в огне стволы, штык-ножи, рожки-магазины.

Время провожу в беседах с Осиной и своим командиром отряда, майором Костей Боровко, который держит меня в курсе всего, что творится в полку. Вести он приносит малоутешительные: о происшедшем сразу доложили в Москву, МИ-8 не будут летать около года, отдуваться за 2 эскадрильи будут 4 борта, которые, к великому счастью с формулярами находились на регламентных работах. Почти весь тех. состав с МИ-8 разогнали по всему Союзу, по авиационным заводам для восстановления дубликатов паспортов и формуляров. Предварительно виновниками определены командир полка полковник Краснов, зам. командира вертолётной эскадрильи по ИАС (инженерно-авиационной службе) майор Ярош и ДСЧ капитан Михеев, т.е. я. На наше счастье тогда обошлось без человеческих жертв. Оказывается, четыре азиата в погонах рядовых вместо развода собрались в кочегарке технического домика, постирали в бензине комбинезон и для просушки включили трехкиловаттный «козёл» (самодельный обогреватель), поставив его рядом с ведром и бочкой с бензином. Когда спираль раскалилась добела, произошёл маленький взрыв. Доблестные охранники, кочегары и сторожа, побросав оружие, разбежались, кто куда. Пожинать плоды приходится нам, их командирам. Солдаты в авиации зачастую только числятся, чьими-то подчинёнными, порой мы их и в глаза-то не видим, но за покой и благополучие отвечаем круглые сутки. Так гласят уставы Советской Армии. Всю эту несправедливость мы медленно за стаканом коньяка «перетираем» в квартире Осины. В один из таких вечеров в дверь постучали.

- Заходи, открыто, - кричит Осина.

На пороге появляется боец, - это мой бортмеханик Нерсисян.

- Товарищ капитан Михеев, тебе командир сказал завтра идти в полк.

Надо заметить, что у армян обращение на «Вы» в языке отсутствует. И мы давно махнули на это рукой, - доказывать каждый день одно и то же мы попросту устали.

Глава 7.

На следующее утро я, побритый, поглаженный, благоухающий одеколоном, лениво ковыряю непроваренный кусок пшёнки в лётной столовой. Вдруг к столу мелкой рысью подлетает подполковник Иванцов, наш командир эскадрильи.

- Михеев, бегом на плац к штабу – тебя ждёт следователь из прокуратуры.

- Из столовой не может поднять даже сам царь-батюшка, - отвечаю, - да и, похоже, мне терять-то нечего.

Комэска меня, кажется, понял. Махнув рукой, той же рысью удаляется.

Медленно допиваю чай, одеваю фуражку и почти строевым шагом отправляюсь к штабу. В середине плаца для строевых занятий в гордом одиночестве возвышается человек в форме – это всего лишь капитан, как и я. Зато петлицы и погоны на просветах малинового цвета, а на эмблемах щит и меч – это уже серьёзно. Прикладываю руку к головному убору и докладываю:

- Товарищ капитан, капитан Михеев по Вашему приказанию прибыл.
- Козырьять будешь Краснову, - и уже повернувшись к штабу, - майор Голубцов, ко мне!

Подбегает начштаба полка, - это он проводил развод внутреннего наряда и караулов в тот злополучный день.

- Ты отдавал приказ Михееву заступать в наряд без солдат? – лениво и, как мне тогда показалось, с какой-то ехидцей вопрошает следователь.

- Так точно, - опустил голову Голубцов.

- Капитан, свободен, - это уже мне.

- Как свободен? Куда мне теперь? – недоумеваю я.

- На полёты, на службу, в Афган – ты же военный, - смеётся следователь, - а с Голубцовым будем разбираться.

Я стоял на плацу вертолётного полка, а ноги будто приросли к асфальту, горло перехватил какой-то спазм – вся моя дальнейшая судьба была решена за три-четыре минуты. Наконец, я справился с собой, чётко приложил ладонь к фуражке и, развернувшись через левое плечо, бегом - а вдруг раздумает - отправился на стоянку вертолётов МИ-6.

В эскадрильском домике доложил инженеру, что прибыл в его распоряжение. Майор Редько искренне обрадовался моему появлению.

- А, прибыл? Бортов нет, летать некому. Давай переодевайся, бери механика, выполняй на борту 08 два парковых дня, потом предварительную и послезавтра летаешь с комэском.

- Есть, - обрадовался я и опять бегом рванул на свой родной борт.

Вертолёт МИ-6 стал выпускаться серийно ещё в 1958 году, поэтому с целью повышения надёжности авиатехники проводились, так называемые «парковые дни», которые включали в себя профилактические работы на узлах, агрегатах и системах вертолёта и двигателей, которые наиболее подвержены отказам и поломкам.

Вначале проверяю все заправки маслами, жидкостями и газами. Определяю – многим системам требуется дозаправка. С верхних трапов двигателя наблюдаю: из казармы-барака медленно тащится Нерсисян, мой бортмеханик. Вручаю ему ведро керосина и тряпку, - что ещё можно доверить солдату срочной службы, да к тому же слабо владеющему русским,

- и указываю места, где необходимо промыть и протереть. Сам же, прихватив в солдатском ларьке пачку сигарет - только с её помощью можно вырвать необходимые спецмашины, - отправляюсь в автопарк. Ублажив солдата-водителя табачными принадлежностями, грузим с ним на маслозаправщик баллоны с воздухом и азотом, прибываем к моему борту. Так называемый бортмеханик сидит на камне и курит, рядом ведро с керосином.

- Нерсесян, ты почему куришь возле вертолётa, да ещё и ведро керосина рядом поставил? Ты мыл отсеки, которые я тебе показывал?

- Нет.

- Почему?

- Я в наряд!

- Так, переодевайся и бегом в казарму, готовься к наряду. Я без тебя всё сделаю.

Вот с такими «спецами» приходится работать. На земле и в воздухе.

Глава 8.

На полётах экипаж выстроен возле входной двери, командир эскадрильи подполковник Иванцов подъезжает на УАЗике. Командую:

- Экипаж, равняйся, смирно!

И тут же докладываю:

- Товарищ подполковник, вертолёт к полёту готов, заправка 9800 кг, борттехник капитан Михеев.

- Вольно.

Командир с каждым здоровается за руку. Пока экипаж занимает свои места, снимаю чехлы с приёмников воздушного давления, заглушки со входных устройств двигателей, подключаю аэродромный источник электропитания и, наконец, убираю колодки из-под колёс шасси. Бортмеханику эти работы не доверяю – себе дороже.

Подключаю шлемофон и докладываю по СПУ:

- Командир, борттехник к запуску готов.

Одновременно включаю все планки АЗСов, включаю противопожарную систему в режим автомата, открываю пожарные краны, переключаю электрическое питание на аэродромный источник питания.

- Запуск левому.

Мощный стартер-генератор начинает раскручивать турбину двигателя. Когда тонкий, свистящий звук переходит в ровное уверенно-могучее звучание, докладываю:

- Левый на малом газе, запуск правому, - и тут же, - правый пошел. Когда двигатели прогреты и опробованы, опять докладываю по СПУ:

- Командир, люки, двери закрыты, топливо на автомате, параметры силовой установки в норме, борттехник к вырубиванию готов.

И тут же, как эхо:

- Штурман готов.

- Радист готов.

- Правый готов.

- «Вахтенный», я 241-й, разрешите на полосу.

- 241-й, вырубивание на полосу с основным курсом разрешаю.

В начале полосы отрабатываем контрольное висение. Этот режим мы называем «трясучкой», силовая установка: двигатели, несущий винт, основной, промежуточный и хвостовой редукторы, хвостовой винт, - все агрегаты и приборы вертолёта работают на максимальном, взлётном режиме. И только на этом режиме экипаж достаточно полно может определить готовность вертолёта к полёту. И снова в СПУ звучат доклады. Взлетаем. Вертолёт разбегаётся, постукивая штоками амортизаторов на стыках бетонки и вдруг вся почти 40-ка тонная машина плавно отталкивает земную твердь куда-то вниз. Горизонт объёмно расширяется, всё оставшееся внизу: дома, машины, люди начинают медленно уменьшаться в размерах, их очертания смазываются.

Стрелка высотомера ползёт вверх, перед нами во всей красе разворачивается неопишуемая по своей какой-то дикой первозданности панорама забайкальской тайги. Завораживает всё: и океаны хвойного леса, и округлые вершины сопки, поросшие цветущим багульником, и скальные обрывы к бурлящим горным речушкам, сбрасывающие вниз по руслу крупные камни и мелкое скальное крошево. И вдруг в правой полусфере с вершины сопки по блистерам бьёт и тут же пропадает яркая вспышка. Это солнечный луч отразился в отполированной до зеркального блеска мемориальной пластине памятника в месте падения в позапрошлом году нашего МИ-6. Так погибший экипаж приветствует нас живых, продолжающих любить небо. Два раза в год, 9 мая и 18 августа мы приезжаем на эту сопку, точнее к её подножью. По пояс в ледяной воде преодолеваем бурлящий поток горной речки, затем минут двадцать карабкаемся по крутому склону и останавливаемся у памятника. Это небольшая пирамида с выбитыми на пластине из нержавеющей стали именами; ограждение – цепи, закреплённые на каменных брусках. По авиационной традиции с нами фляга спирта, разливаем не по стаканам, а плескаем в солдатские алюминиевые кружки, это тоже традиция. Ненужных торжественных речей никто не говорит. Пьём молча. Все знают, что у них

тогда отказал двигатель, вертолёт стал падать, чтобы вытащить его в горизонт нужна была высота. Им не хватило нескольких метров – впереди была сопка.

Глава 9.

Утром на общевойсковом построении объявляют – весь личный состав, который готовится для спецкомандировки, убывает в Судак на Чёрное море для акклиматизации и подготовки, на сборы два дня. После команды «Вольно, разойдись», все разбредаются по местам, согласно штатного расписания – лётчики и штурманы в класс, точнее барак, предполётной подготовки, техсостав по своим бортам. Нам предстоит законсервировать, зачехлить и сдать вертолёт с оборудованием и документацией в соседнюю эскадрилью. Приёмщик мне достался из числа молодых лейтенантов. Совсем недавно на стажировке я «вывозил» его и давал допуск к самостоятельным полётам. Так что все необходимые работы мы дружно и слаженно закончили к обеду. После обеда занимаем две очереди: одну в финансовую службу, вторую - в вещевую. И только там мы узнаём, что нас рассчитывают с исключением из списков части. Формулировка «исключение из списков» звучит для нас жутковато, - почему исключение, зачем, надолго ли, может навсегда?

Сегодня на «тропу здоровья» уходит времени гораздо больше, чем обычно. Дорогой размышляю. Ставлю под сомнение незыблемость понятий, которые усердно вдалбливаются в наши головы политработчиками: «интернациональный долг», «защита южных рубежей». Второе воспринимается, хотя и с большим трудом. А вот первое никак не определяется здравым смыслом. Когда, у кого и сколько я занимал или брал в долг на интернациональные нужды? И если всё-таки мне предстоит вернуть этот мифический долг, то было бы логичным предположить, что армии других государств тоже имеют какие-то долговые обязательства передо мной и моими товарищами в плане интернационализма. И если мы готовы вернуть долг уже завтра, то когда это сделают остальные?

Дома меня никто не ждёт: жена улетела, подхватив детей, к матери на Тамбовщину ещё когда я находился в глубокой опале за пожар на стоянке МИ-8. Видимо, ей нужна была зарплата капитана ВВС со всеми северными надбавками, а муж – потенциальный «Зек» - в её жизненные планы не входил. На память приходит притча о синичке, недавно справившей новоселье в своём гнёздышке. Случилось так, что это гнездо вскоре загорелось, на пожар устремились две её подружки. У каждой в клюве было

по капле, у одной воды, у второй масла. Конечно, капля воды не затушила пожар в доме синички, а капля масла тоже не сильно повлияла на случившееся – гнездо и так сгорело. Зато хозяйка наверняка узнала, кто ей друг, а кто враг.

Размышления на обозначившиеся темы продолжаем с Осиной и Костей Боровко. Как старший по званию первым слово берёт Костя. Свой Афган он отвоевал и поэтому имеет полное право на предметный инструктаж.

- Ты, главное, не волнуйся, - начинает он. - Духи по МИ-6-ым пока не стреляют, мы им жрачку и боеприпасы возим.

- Так это для народной Армии, - возражаю я с искренним удивлением.

- А как ты их отличишь? Днём они твои друзья, едят и пьют с тобой за одним столом и преданно смотрят в глаза. Ночью ты для них необрезанный кафир (неверный) и твои бывшие друзья берутся за АКМ, ну а живым к ним лучше не попадаться, - самое гуманное, что они могут сделать, так это содрать с тебя шкуру. А вообще мусульмане в тех краях думают одно, говорят другое, а делают третье. Словом, - Восток дело тонкое.

Неожиданно майор резко меняет тему:

- Слушай, а жена-то от тебя уехала?

- Ну, уехала. А причём тут жена и Афган? – вопрошаю я.

- А при том, что афганцам разрешается иметь до трёх жён.

- Так-то афганцам, я-то русский.

- Ну и что, что русский, работать-то вы будете с Народной Армией Афганистана в составе советников в отдельной эскадрилье в Кундузе – я узнал в штабе.

Из соображений секретности паспорта у вас будут афганские, их называют «тархиз». Форма у вас будет тоже афганская, только без знаков различия. Думаю, и жен вам разрешат там иметь. Ну, три-то тебе ни к чему, а одну можешь выбрать прямо в Кабуле на рынке. А что, среди афганок есть метиски – такие красивые да фигурные. И стоят недорого.

Костя делает серьёзную мину и задумывается.

- Тысяч так тридцать «афоней» – это полторы тысячи чеков, твоя зарплата за полгода. Зато привезешь домой молодую афганку.

Костя с Осиной без тени улыбки серьёзно смотрит мне в глаза.

Вообще Костя Боровко числится первым юмористом полка. Как-то мне пришлось провести с ним две недели в окружном госпитале в Чите, где я был свидетелем того, как он гонял на Кайдаловку за водкой командира полка из Степи, в форме, при орденах и полковничьей папахе. Не знаю, что уж тогда Костя наплел столь важному воинскому чину.

И еще мне удалось наблюдать, как после госпитального обеда вся болезненная братия: офицеры, прапорщики и солдаты, - все в форменных пижамах, с блокнотами в руках потянулись на центральную аллею парка и в течение двух часов записывали Костины анекдоты, вытирая слезы на глазах.

Надо отдать должное и летному мастерству моего командира отряда. На стоянке МИ-6 в течение вот уже двух лет стоял списанный вертолет с бортовым номером 04. Сама категория «списанный» предполагала, что его грабил весь полк, то есть агрегаты, приборы, блоки снимали и переставляли на другие борта, таким образом восстанавливая их боеспособность. Дошло до того, что некоторые жгуты электросистем были срезаны или перерублены. Словом, этот когда-то летающий комплекс представлял собой довольно унылое зрелище.

И тут в отделе авиации, в Москве, кому-то на глаза попадают документы: дескать, в ЗаБВО, в Могоче, на таежном аэродроме затерялся боевой транспортный агрегат тяжелее воздуха типа МИ-6, который неумные технари бесхозяйственно разбазаривают. Резолюция созрела мгновенно – «Восстановить». Сроку нам дали аж целый месяц. Из каких только зааначек, каптерок и складов мы не вытаскивали агрегаты и запчасти на обреченный к ремонту вертолет, лишь бы в срок выполнить московский приказ. И когда он стал более или менее походить на своих собратьев, стала актуальной другая еще более важная проблема: а кто же его согласится облетывать? Мы его и запускать-то боялись. Вот тогда и вспомнили о командире отряда майоре Боровко, который в то время находился у командования в глубокой опале за чрезмерную любовь к Бахусу. На предложение Костя откликнулся мгновенно. Тут же нашел исключительно талантливого и работающего, но временно отлученного от неба по той же причине, что и сам Костя, борттехника. На редкостное по своей значимости и важности мероприятие собралось едва ли не пол аэродрома. А Костя тем временем разогнал с борта весь экипаж, демонстративно выбросил на бетонку все шесть парашютов, вдвоем с борттехником запустили двигатели, прогоняли их по всем режимам, отвисели часа два над полосой, сделали круг над аэродромом и к восторгу всей авиационной братии благополучно сели прямо на свою стоянку. Правда, Костя тогда знал, что на этой стоянке я его встречаю с бутылкой коньяка за пазухой.

Вот такие люди инструктировали меня перед спецкомандировкой в Демократическую республику Афганистан.

Глава 10.

Из летных экипажей для поездки в Судак набралось 67 человек. Ранним утром следующего дня «восьмерки» перебросили нас на аэродром Укурей, где уже ждал ИЛ-18 командующего ЗаБВО. Видно, сильная нужда в нас возникла, если сам командующий выделил свой самолет.

После двух промежуточных аэродромов на дозаправку посадка в Планерном. Затем два часа ожидания автобусов и вот, наконец, мы в военном спортивно-оздоровительном санатории Судак. Разместили нас на даче ранее принадлежащей Наркому внутренних дел Лаврентию Павловичу Берии. Особняк имел два этажа и был выстроен в стиле тридцатых годов. На первом этаже просторный холл, с креслами и цветным телевизором, на втором светлая с застекленными потолками рекреация. Комнаты были двухместные с полированной мебелью и коврами на полу, так что разместились мы довольно комфортно. На расселение нам дали каких-то двадцать минут и тут же объявили построение. Перед строем, заложив руки за спину, прогуливался спортивного вида мужчина в тренировочных брюках и майке с изображением теннисной ракетки, представившийся подполковником начальником центра. Инструктаж летного состава он почему-то начал с угроз: распорядок дня помимо спортивных и специальных занятий по плаванию, гребле, ориентированию на местности, включал в себя четыре построения и внезапные проверки ночью. На опоздание или неявку на любое из этих мероприятий подполковник обещал мгновенно отреагировать тремя письмами: первое командующему авиацией округа, второе командиру части и третье жене провинившегося. Если первые два письма влекли за собой отстранение от летной работы, то третье уж точно грозило разводом, ибо начальник обещал подробно описать в нем пока еще не свершившиеся амурные похождения виновного. По аналогии с порядками в американской армии перед глазами замелькали кадры из фильмов, где во Вьетнам выезжают целые публичные дома с надувными куклами и прочими аксессуарами.

Кто-то не выдержал и прямо из строя громко спросил:

- А что в наказание? Отстраните от Афгана? Так пишите меня прямо сейчас!

Подполковник сделал вид, что ничего не слышал, видимо, за потери в период подготовки его по голове не погладили ли бы и дальнейшую службу он продолжил подальше от берега теплого Черного моря.

Следующий день начался с утреннего построения. Проверка личного состава по списку, краткий инструктаж, затем легкая пробежка к морю, зарядка под кодовым названием ОФП и, наконец, водные процедуры. Настоящее Черное

море с его песчаными и галечными пляжами, молодыми и не очень девочками в мини-бикини, спортивного вида парнями, балансирующими на серфинговых досках, парашютистами, зависающими на парапланах над береговой чертой, видели не все, и поэтому мы отрывались, что называется, по полной. Кто-то в маске и ластах уже нырял за крабами, кто выбрасывал на деревянные лежаки скользких бесформенных медуз, кто уже играл с приглашенными на наш закрытый пляж девушками в карты, а кто просто лежал на брошенном тут же полотенце, раскинув руки и отдав себя во власть ласкового солнца. И лишь по команде «на завтрак» мы гуськом потянулись в столовую.

Кормили нас, что называется «как на убой», а может, правда на убой? Тьфу, тьфу, тьфу,- сплевываю,- что за мысли лезут в голову? Столы и вправду ломились от свежих, прямо с грядки овощей и фруктов: огромные, бордово-красные с нежной мякотью на разломе помидоры, колючие пупырчатые огурцы, душистые с медовым ароматом и потрескавшейся кожурой дыни, сахарно-алые с черными вкраплениями косточек разрезанные арбузы и, наконец, тяжелые даже на вид, с продолговатыми зелеными, еще в утренней росе ягодами, кисти винограда. Конечно, в столовой на таежном Забайкальском аэродроме нас так не кормили.

После сорокаминутного отдыха в номере звучит команда «строится на занятия». Сегодня, как мы шутим, «в порядке расслабухи» у нас плавание, гребля на четверках, водные лыжи. Инструктором к нам приставили юного, видимо, только с институтской скамейки, но чрезвычайно гонористого лейтенанта. Во всяком случае, нами, уже седоватыми капитанами и майорами, и даже комэской-подполковником он пристраивался командовать, словно старшина новобранцами. В дальнейшем, а точнее через неделю я его полностью приручил, угостив в номере дюжиной бутылочного дефицитного в те времена пивом с воблой.

Занятия проходили на специально отведенной и огороженной акватории. Плавание сдавали на пятидесятиметровых, от волнореза к волнорезу, дорожках. К нормативам особенно не придирались, всем ставили «зачет» независимо от времени прохождения дистанции. Гребля на четверках-яликах с четырьмя гребцами пошла веселее, мы даже устроили соревнование: кто придет первым к маячившему чуть ли не на горизонте бую. Когда-то в детстве в спортлагере на Тамбовщине мне приходилось грести на малом ялике-двойке, груженном грифами и блинами от штанги, гантелями, дискам, ядрами, палатками и другим спортивным инвентарем, так что опыт кое-какой имелся. На свое судно я подобрал команду из третьей возрастной (кому за тридцать пять) группы. Сюда вошли комэска Иванцов, его зам. Саня Канаев,

штурман Серега Седельников и я, старший борттехник капитан Михеев. После краткого, проведенного мной инструктажа, что главное в такого рода соревнованиях – слаженность действий по команде «и раз», дыхание «вдох – выдох» тоже по команде, ну и еще строгое, безропотное подчинение своему капитану, то есть мне. Этот свой первый, пусть шуточный бой с вновь сформированным экипажем мы выиграли, опередив следующую за нами шлюпку аж на целых полторы минуты. Ну, а потом была собственно «расслабуха»: после подробнейшего инструктажа, проведенного нашим лейтенантом, и «показательных полетов», выполненных им же, каждый из нас ко всеобщему восторгу и под аплодисменты начавших подтягиваться к спеццентровскому пляжу женщин - видимо, слухи о будущих героях-афганцах как-то просочились из Бериевской дачи - пролетел вдоль береговой черты и всех окрестных пляжей, полуприсев, вытянув вперед руки, высоко задрав носки водных лыж и оставляя за собой бурун вспененной синезеленой морской волны.

Глава 11.

Все дни, проведенные в спеццентре, были похожи один на другой. Подъем, зарядка, завтрак, занятия, обед, свободное (очень относительно) время, ужин, отбой. Запомнились занятия по выживанию в горнопустынной местности. Однажды среди ночи прогремела команда: «Подъем». Зевая, чертыхаясь по поводу местных порядков, почесываясь, кое-как изобразили в коридоре подобие строя. И вдруг как гром среди ясного неба на крыльце отвратительно гнусавой трелью, и откуда он только тут взялся, заверещал звонок - такие когда-то вешали над входом в магазин. Под звуки этой дивной симфонии нас позасовывали под брезентовые тенты трех ЗИЛов и с выключенными в режиме маскировки фарами, распугивая местных кошек и обнявшихся парочек, куда-то повезли.

После сорока минут сумасшедшей тряски по каменистой пыльно-песчаной горной дороге наконец остановка. Нас быстро разделили на четыре группы, по пятнадцать человек в каждой, во главе поставили командиров отрядов и по одному инструктору от центра. О чем-то пошептавшись перед фарами, с картами и компасам наши стратеги, руководствуясь старинной русской поговоркой, погнали нас легким бегом на все четыре стороны.

Ночная прохлада взбодрила. Обсуждать в слух предстоящее себе дорожке - сбивалось дыхание. Вскоре все втянулись в заданный ритм и, стараясь дышать носом, чтобы заглатывать поменьше пыли, и ориентируясь на синий маскировочный свет инструкторского фонарика, растянулись редкой цепью.

Примерно через час объявили привал. На востоке бледно забрезжил рассвет, так что с определением частей света проблем не намечалось. Зато наметилась другая – нам хотелось пить. Инструктор спросил:

– Кто знает, как в наших условиях добыть воду?

Моментально начали озвучивать фантастические, из бабушкиных арсеналов, способы.

Инструктор молчал, видимо, набивал цену. И когда молчание, даже в нашем положении, стало неприличным, зашелестел чем-то в своем рюкзаке. На свет божий были извлечены кусок полимерной пленки, солдатская кружка и раскладная саперная лопатка. Быстро выкопав в песке ямку, инструктор поставил туда кружку и накрыл все это пленкой, края ее придавил собранными тут же камушками. В довершение всего один бросил сверху в центре. Народ расположился вокруг. Курить и разводить костер лейтенант запретил, как отрезал:

- Представьте, что вокруг «духи». Разговаривать только шепотом, - добавил он.

После часовой пробежки балагурить желающих все равно не было. Зверски хотелось пить. Язык почему-то стал шершавым и квадратным, рот заполнила противная горечь. Все взгляды сошлись на инструкторском сооружении, точнее, на одинокой капле, дрожащей над пустой кружкой.

- И сколько так ждать? – не выдержал кто-то.

И каждый понял, что вопрос задан не применительно к нашему нынешнему положению: сейчас это была игра, и по аварийному сигналу инструктора сюда немедленно придут автотранспорт для эвакуации и врачи.

А что будет там, в Афганской пустыне, кишашей «духами» после аварийной посадки или прыжка. Инструктор опять порылся в рюкзаке, достал флягу и пустил ее по кругу, велел лишь прополоскать рот и выплюнуть воду. Несмотря на запрет, каждый, конечно, сделал по глотку.

Дальше все было просто, определив части света известным каждому еще по школе способом: стань лицом к Северу, за спиной будет Юг, справа Восток, а слева Запад, и, добавив с помощью компаса к Юга – Восточному направлению 26, двинулись по указанному азимуту.

Протащившись таким образом около двадцати минут, и, чтобы не мучаться больше, вызвали ЗИЛ.

Глава 12.

В программу входило также лазанье по горам, где наша третья возрастная группа в основном созерцала, как молодежь, растянувшись в цепочку, вслед

за инструктором резво преодолевала горные подъемы и спуски, а также остальной терренкур по пересеченной местности.

После обеда были назначены стрельбы. В тир нас доставил редкий по тем временам «Икарус». Быстро разбив группу на четверки, инструктор провел показательные стрельбы из спортивного десяти зарядного Стечкина. Из ста возможных он выбил семь-десять шесть и, дружески похлопав комэска по плечу, произнес:

- Примерно так, командир, вы должны стрелять в Афгане.

Подошла моя очередь. Из трех пристрелочных я выбил «10», «9», «7». Лейтенант, заинтересовавшись моими результатами, подошел и начал подсказывать, как стоять, как держать оружие, как целиться. Надо заметить, что стрельбой я увлекался еще в школе, и когда-то на городских соревнованиях в подвале переоборудованной для этого Православной церкви вошел в тройку призеров, за что был премирован однодневной путевкой на обзорную экскурсию по областному городу Тамбову. Сейчас же я, не обращая внимания на подсказки инструктора, с двух рук сделал восемьдесят пять очков. Наш изумленный наставник долго рассматривал мишень и с той и с другой стороны, что-то зачеркивал фломастером и вычислял в своей записной книжке и, наконец, промолвил:

- Ну, ты, дед, даешь!

- Служу Советскому Союзу и авиации ЗабВО, - на одном дыхании выпалил я.

После стрельб лейтенант стал чаще заглядывать в нашу комнату, тем более, что почти всегда в холодильнике его ожидало бутылочное «Жигулевское».

Когда основная программа спецзанятий была выполнена, начали организовывать соревнования по волейболу, баскетболу, городкам. Эти занятия не были обязательными, у нас стало появляться свободное время, и каждый проводил его по своему усмотрению. Я как-то сразу сблизился со штурманом отряда из Нерчинска Сергеем Сидельниковым. Меня привлекали его серьезность, какая-то задумчивость, деловитая хватка. Вот и сегодня после волейбола, где Сергей был неплохим нападающим, а я всего лишь болельщиком. Пробежавшись по пивным автоматам, где за двадцать копеек можно было смочить горло сильно разбавленным, мутноватым «Жигулевским», мы конкретно осели в шашлычной. Это заведение нам когда-то рекомендовал лейтенант-инструктор. Здесь подавали сочные, в меру прожаренные, без крови свиные шашлыки к ледяному, янтарного цвета с высокой шапкой пены пиву. Надо заметить, что пиво вообще в Забайкалье являлось огромнейшим дефицитом, и если раз в год на день авиации и удавалось через военторг, где работала жена комэска, урвать на эскадрилью какой-то ящик, то, открыв первую же бутылку, мы становились свидетелями

необычайного явления – содержимое всей бутылки резло, словно шампанское, выстреливало в потолок. И лишь потом, тщательно исследовав этикетку, мы выяснили причину – пиво имело двух недельный возраст.

А сейчас в тихом заведении общепита на берегу Черного моря Сергей поведал мне свою историю. Вначале все было очень просто – школа, высшее штурманское училище в Челябинске, распределение в Забайкальский военный округ. Карьерный рост – за двенадцать лет от лейтенанта до капитана. Женат, двое детей – мальчик и девочка. Дальше сложнее – у Сереги, как у всех офицеров, жизнь протекала по строго определенному распорядку: служба, полеты, командировки, наряды. Надо признать, что не все жены выдерживали эту обыденную монотонность. Кто-то искал развлечений на стороне, кто-то, объединившись с разбитной соседкой, часами перетирал гарнизонные сплетни за графинчиком брусничной настойки, другие же, подхватив детей и помахав мужу ручкой в Читинском аэропорту, улетали на материк поближе к центральной России. Вот и жену Сергея более чем дела семейные стали интересовать прически, маникюры, концерты залетных артистов да танцы в офицерском клубе. Боевой штурман в ответ замкнулся в себе, стал серьезней, с головой ушел в летную работу. Я тоже поведал, как жена тесно сблизилась с парткомовскими, как, прикрываясь их фамилиями, клянчила у инженеров спирт, после чего распевала матерные частушки из раскрытого окна на весь жилой городок. Под пиво и шашлыки мы постепенно забывали про все неурядицы и жизненные невзгоды. А впереди, словно наше героическое предназначение, вставал далекий таинственный и еще тогда уважаемый нами за непокоренность во всей своей вековой истории Афганистан.

Глава 13.

Откинув спинку кресла в среднем салоне Ил-18 поудобнее, располагаюсь в нем и под мерный гул 4-х мощных турбовинтовых двигателей начинаю засыпать. Обратный путь до Укурейского аэродрома с промежуточными посадками займет около 6 часов, так что отдохнуть успею. Но не тут-то было, кто-то толкает в плечо:

- Ты Михеев?

- Ну, я.

- Видишь ли, в Судане познакомиться поближе все не было времени. Старший лейтенант Чарук, - протягивает он руку.

Пожимаю и начинаю припоминать. Да, точно, это борттехник из Нерчинска. Наша отдельная эскадрилья формируется из разных авиационных полков, так что мы еще не все хорошо знаем друг друга.

- Ты же идешь инструктором? – продолжает Чарук.

- Да, старшим борттехником- инструктором.

- Не думаю, что ты будешь таким «г...» и отлетаешь весь Афган капитаном, - непонятно куда клонит новый знакомый.

- Чего ты хочешь?

- Отдай нам с Казаком инструкторскую должность, мы по очереди получим звания и опять отдадим тебе эту клетку в штатном расписании. Разницу в окладе мы тебе вернем, ну, и с нас банкет.

Отвечаю, не раздумывая:

- Для технаря получить «капитана» - это предел мечтаний, сам собирал звезды с «мамлеев». Разница в окладе мне не нужна, а вот банкета для техсостава будем ждать.

- Ну, ты - мужик, другого ответа я не ждал, ребята мне про тебя рассказывали, - затараторил Леха (так, оказалось, зовут моего собеседника).

На прощание хлопает меня по плечу и продолжает:

- Будем вместе летать и блюсти наше технарское братство.

- Будем, - подтверждаю я и снова жму протянутую руку. Устало закрываю глаза, и уже сквозь дрему приходит:

- Что-то мне в нем не нравится, какой-то он приторный.

Глава 14.

На правах опытных, уже побывавших в Афгане боевых летчиков собирать меня в путь-дорогу взялись Осина и Костя Боровко.

- Ты, боец, не волнуйся, упакуем тебе в твой дипломат только все самое необходимое. И, чуть подумав и наморщив лоб, добавил;

- Будешь помнить меня весь Афган.

Вообще, как я давно заметил; мой командир хмурил брови и морщил лоб, что говорится, не по назначению, т.е. не тогда, когда сердился, а когда готовил крупную розыгрышную аферу. А Костя тем временем продолжал:

- Вся ответственная работа – думать, собирать вещи, аккуратно их паковать, утягивать и закрывать чемодан ложиться на нас с Осиной. Тебе же, чтобы нам не мешать и не путаться под ногами, надо будет просто бегать в военторг за коньяком и своевременно пополнять его запасы.

Не подозревая никакого подвоха, я честно накрыл на кухне холостяцкий стол и уже через каких-то сорок минут мы пили маленькими рюмочками коньяк и

закусывали жареной картошкой с тушенкой и колбасой. В процессе столь серьезного и значимого процесса как сборы в Афган мне пришлось сбегать в военторг никак не менее трех раз.

Утром в коридоре меня уже встречал Костя с большим дипломатом в одной руке и раздутой парашютной сумкой в другой.

- Так, боец, шустро бриться, умываться, одеваться. Форма одежды повседневная, завтрак в летной столовой, отъезд через семь минут.

- Да, когда же я успею? – начал было я.

- Надо было с вечера не коньяк трескать, а собираться. Автобус у подъезда, - уже с площадки кричит Костя.

В темпе натягиваю брюки, рубашку, китель. Проверяю по карманам документы, деньги, закрываю дверь на два оборота и уже на улице протягиваю ключи Косте.

- Сдашь в домоуправление.

- Сдам, сдам, можешь не волноваться.

Втискиваюсь в переполненный автобус. Следом, проталкивая мои вещи, пробирается Костя, громко возмущаясь:

- И чего натолкал в два баула? Говорил же – бери самое необходимое.

Ребята, зная его причуды, дружно гогочут. Здравуюсь за руку с теми, до кого удастся дотянуться. За старшего рядом с водителем-солдатиком срочной службы чинно разместился сам камэска Иванцов. Членам семей, дабы не портить боевой настрой убывающих, собираться у автобуса было запрещено, поэтому провожающие высыпали на балконы и столпились у подъездов. Сквозь разноголосый гомон, смех и плач неожиданно четко прозвучало:

- Возвращайтесь живыми!

Двери с шипением закрылись, и наш разбитый Пазик медленно, словно утка, переваливаясь с боку на бок, вырулил из проходной ДШБР.

На аэродроме уже молотил лопастями наш родной МИ-6, в кой веки приходится лететь на нем пассажирами. Быстрые объятия, какие-то напутственные слова, прощальные пятьдесят граммов из зеленой солдатской фляги, и вот уже трап, а за ним и грузовые створки медленно пошли на закрытие. Через раскрытую дверь кабины экипажа, - а это стало неписанным законом, когда на борту сослуживцы, кабину не закрывать, парашюты не пристегивать, - видим, как потянулся вверх «шаг», лепесток лопастей несущего винта вспухает, плиты бетонки медленно проваливаются вниз.

Время полета на маршруте Могоча – Чита три часа тридцать минут. Через блистер наблюдаем в левом пеленге пару МИ-8 – это нам почетный эскорт.

Чита, военный аэродром Черемушки. Сборную отдельную эскадрилью из Могочи, Нерчинска, Хады-Булака на бетонке возле повывавшего виды с

облупившейся краской, но ярко-красной звездой АН-12, по экипажам и штатному расписанию нас строит сам полковник Краснов (он ответственный за доставку всего, без потерь, личного состава аж до самой Афганской границы на песчано-пустынный, как мы шутили, аэродром Каган).

Глава 15.

Разместили нас в солдатской казарме – бараке со всеми видами удобств на улице. На базе учебно-перевалочного аэродрома нам предстояло пройти двухнедельную адаптацию к специфике полетов в горно-пустынной местности.

Первое вводное занятие проводил старший офицер из политуправления сороковой Армии полковник Дронов. Снова звучат избитые фразы об интернациональном долге, о необходимости защиты (от кого?) Южных рубежей. И в конце - запреты и угрозы, угрозы и запреты... Затем последовали занятия по тактике, боевому применению, знанию вероятного противника, знанию тактико-технических данных вертолетов НАТО, средствам химзащиты, сдача нормативов ФИЗО. У нас тогда выработалась стойкая уверенность в том, что нас просто хотят чем-то занять, неважно чем, но занять на эти кем-то прописанные две недели. Вполне объяснимо и наше, мягко выражаясь, прохладное отношение к этим занятиям. С гораздо большим предпочтением мы посещали вечером местные кафешки и ресторанчики, едва ли не сотнями килограммов закупаем на базаре дыни, арбузы, гранаты, виноград. Перед отбоем разбиваемся на экипажные группы для фруктовых трапез, щедро сдобренных местным сухим вином в оплетенных бутылках. Но вот звучит команда:

- Строиться на вечернюю проверку!

Нехотя переодеваемся в установленную повседневную форму одежды и опять же поэкипажно, а не по ранжиру, как в пехоте, выстраиваемся на аллее вдоль нашей казармы. Начальник штаба майор Улиев горланно с кавказским акцентом командует:

- Эскадрилья, равняйся, смирно! Равнение налево!

И четким строевым шагом, с приложенной к фуражке выпрямленной ладонью марширует вдоль строя. Ему навстречу выплывает командир отдельной вертолетной эскадрильи подполковник Иванцов. Он не совсем трезв, на нем новый с иголочки цивильный костюм, белая рубашка, галстук ... Но поражает другое: с обеих сторон под руки его ведут две дамы. Они весело хохочут, а в их кокетливо расставленных пальчиках светятся две сигаретки. И все это великолепие приветствует строй из едва ли не ста

боевых офицеров и прапорщиков летных экипажей, которым завтра предстоит воевать в небе Афганистана. В голове вихрем пронесется: «Что это: театральное шоу, американский Бродвей или построение боевого подразделения Советской Армии?» Хлопаю по плечу стоящего впереди замкомэска по летной, майора Канаева:

- Саня, я сейчас.

И, не дождавшись разрешения, убегаю в казарму. Лихорадочно сдергиваю галстук, отрывая пуговицы, сбрасываю форменный китель и рубашку, натягиваю майку с изображением сверхмодного тогда шведского ансамбля «Абба» и бегу в строй.

Я, конечно, знаю, чем грозят мне подобные художества, но остановиться уже не могу. А в голове радостно бьется:

- Сейчас, сейчас, командир, мы будем с тобой на равных.

Комаев встречает недовольным ворчанием:

- Опять ты в борьбе за справедливость.

А я гордо:

- На том стоим!

Иванцов тем временем подходит на правый фланг и останавливается прямо напротив. Девушки уже хихикают за ровно подстриженными кустиками.

- Михеев, ты чего выделываешься?

- Иванцов, а ты чего выделываешься?

- Ты как обращаешься к подполковнику?

- А ты как обращаешься к капитану?

С полминуты молча пожираем друг друга взглядами. Весь строй замер, даже девушки затушили сигареты и прекратили хихикать.

- Вольно, разойдись, - нашелся Алиев. Я тоже не выдерживаю молчания:

- Читай, командир, статья 12 Дисциплинарного устава, она называется «О воинской вежливости».

- Ну, строптивец, наград тебе не видать, как своих ушей, - сквозь зубы цедит комэска.

- Кого чем Бог наградит, увидим, - не теряюсь я и тут же добавляю:

- Собственную бы шкуру привезти домой целой и невредимой.

Иванцов медленно разворачивается и, стараясь сохранить достоинство, отправляется к своим девкам. Меня тут же окружают сослуживцы.

- Ну, ты, капитан, даешь!

- Молодец, Гена.

- Здорово ты его!

- Правильно на место поставил.

Ни к кому не обращаясь, размышляю вслух:

- Я молодец, а, может, дурак, но дурак справедливый, вы-то до каких пор будете мириться с такими порядками? Видно, звания и награды дороже.

Глава 16.

Наутро обнаруживаются первые, как мы шутим, «боевые потери» - пропал молодой борттехник лейтенант Трофимов по кличке Трифон.

Соседи по кровати клялись и божились, что вечером он вместе со всеми ложился спать, вслух восхищался моим поведением в конфликте с командиром. Дневальный видел даже, что ночью лейтенант босиком бегал в умывальник, а утром вдруг исчез. Командиры завели дневального, солдата срочной службы, в ленкомнату и около сорока минут допрашивали его с пристрастием. Солдат вначале молчал как рыба, но когда ему пригрозили десятью сутками «губы» с дальнейшей отправкой за речку, пустил слезу, пожаловался, что остался один у матери – отец-алкоголик умер еще в позапрошлом году, на старшего брата месяц назад пришла похоронка из Ташкента...

Выяснилось, что Трифон, не скрываясь, пил в умывальнике одеколон, затем, приплясывая, выдвинулся в район крыльца, где благополучно приземлился в клумбу, сел и, долго по-шамански раскачиваясь, пел вполголоса разные заунывные песни, чем привел в неопишуемый восторг всю бодрствующую смену внутреннего наряда. Затем переоделся в спортивный костюм, прихватил какую-то сумку и скрылся в неизвестном направлении.

О происшедшем, естественно, пришлось докладывать полковнику Краснову. Если сказать, что полковник был взбешен, это значит ничего не сказать. Он долго объяснял что-то Иванцову, при этом коротко взмахивал правой рукой, словно вбивая гвозди и не забывая грозить пальцем левой перед носом поникшего комэска. В общем, время на поиск нам было дано до вечерней проверки, потом, видимо, решили докладывать в Москву.

Занятия в этот день, конечно, отменили. В операции был задействован весь личный состав. Работали сразу по нескольким направлениям: больница, милиция, вытрезвитель, морг, базар, ресторан, местные девки. Иванцов возглавлял так называемый штаб поиска. Краснов контролировал и анализировал поступающие сведения. А сведения были неутешительными – больница и морг, милиция и вытрезвитель отпали сразу; достаточно было отработать списки поступивших за прошлые сутки клиентов, и стало ясно – здесь Трифона нет. А вот с базаром, рестораном и девицами было сложнее, так как в подобных инстанциях списки не предусмотрены. Базар и ресторан за прошедший день посетило несчетное количество людей в военной форме,

ну а после этих заведений следовало знакомство с представительницами прекрасного пола, что с нашей точки зрения вполне закономерно. Опросить всех девушек Кагана, склонных к знакомству с военными не представлялось возможным, хотя мы настойчиво работали в указанном направлении, и даже взяли два-три следа нашего героя, но, к сожалению, все они оказались ложными. Краснов был мрачнее тучи и мерил казарму аршинными шагами, заложив руки за спину, словно Наполеон при Ватерлоо. На Иванцова было просто страшно смотреть, и в какой-то миг я даже пожалел его. Мы знали, что при неблагоприятном исходе комэска потеряет и должность, и звезду с погон.

Инцидент разрешился неожиданно просто – улыбающийся беглец с баулом через плечо прошествовал из соседней казармы в летнюю столовую к ужину.

Первым к нему бросился Иванцов с криком:

- Не бить, не трогать!

Затем, обняв его за плечи, усадил за свой стол и потчевал лично заказанными блюдами. С этого ужина и до самой таможни они не расставались. К отбою солдаты приперли где-то добытую полутораспальную кровать, и зачастую среди ночи в казарме раздавалось:

- Трофимов, поворачиваемся.

Глава 17.

Две недели адаптации в Кагане пролетели незаметно, и вот мы растянулись цепью на траве грунтовой ВПП. Перед каждым раскрытый чемодан – ожидаем таможню. Мой багаж набит совершенно ненужными, как выяснилось, вещами: это две пары сапог, хромовые и яловые, прорезиненная непромокаемая плащ-палатка, меховые куртка, брюки и рукавицы, шапка-ушанка, португепя и уж совсем непонятно откуда взявшиеся валенки с калошами. Вот истинная цена добровольной «помощи» майора Боровко. А бросить этот багаж совершенно невозможно – вещевая служба вычисляет потом за все в пятикратном размере как за промотание военного имущества. И за эту услугу я расплачивался нормальным армянским коньяком по 12 рублей 50 копеек.

Но чаша моего терпения была переполнена в душе перед вылетом. Тогда, собрав банные принадлежности, смену белья и по паре бутылок пива, честно заплатив коменданту за ключ от душа бутылкой водки, а солдатам-кочегарам за подачу горячей воды блоком «ТУ-134», технари собрались перед пересечением границы смыть среднеазиатскую пыль. У меня вначале все шло хорошо: и кабинка досталась отдельная, и смеситель, по прикидкам, не

должен был обварить кипятком, но когда дело дошло до раздевалки... Словом, майку я смог натянуть только на шею, а плавки на одну ногу – это Костя упаковал мне вещи сына 34-го детского размера. И тут в моечном отделении солдатской казармы среднеазиатского аэродрома Каган, несмотря на разделявшие нас тысячи километров и забыв про субординацию, я высказал своему командиру отряда все, что думаю о его уникальных способностях «быстро и компактно», как он сам выражался, паковать чемоданы.

Таможенники (узбеки) в форме, но в импортном исполнении, появились часа через полтора. К тому времени мы уже удобно расположились на траве и занимались кто чем: кто-то играл в дурака, кто-то травил авиабайки, так мы называли невыдуманные и выдуманные истории из авиационной практики, кто спал, подсунув под голову баул с предполагаемым грузом контрабанды в особо крупных размерах, а кто-то, не выдержав таможенных проволочек, принялся уничтожать эту самую контрабанду, то бишь белую крепкую ташкентского разлива в пол-литровой упаковке.

Служители закона долго ковырялись в ручной клади, как они сами официально именовали наши сумки, рюкзаки и чемоданы, нудно повторяли прописные истины о запрете на ввоз на территорию Афганистана наркотиков, оружия и водки свыше одного литра. И если запрет на оружие и наркотики был очевиден, то в отношении спиртного нас одолевали серьезные сомнения, которые подтвердились целиком и полностью, когда, не выдержав всей этой тягомотины на пятидесятиградусной жаре, мы собрали в картонную коробку, что-то около двадцати бутылок и торжественно вручили ее борцам за экономическую мощь нашей Родины. Те ко всеобщему удовлетворению моментально собрали наши загранпаспорта, сами заполнили декларации и путь в летательный аппарат тяжелее воздуха типа МИ-26 был для нас свободен.

Новый вертолет поразил нас не только размерами, но и множеством лопастей несущего и хвостового винтов, это его достоинство мы вскоре оценили: в полете машина шла ровно, без тряски, по авиационным меркам, «как утюг». Кабина экипажа с обилием светодиодных приборов и указателей была очень удобна, имелся просторный гермоотсек для пассажиров. Но главным для нас, технарей, была, конечно, механизация грузовой кабины. И если на своих МИ-6 1958 года серийного выпуска мы не видели ничего, кроме лебедки, завершенных тросов с дубовыми, ломающими пальцы замками, да сопревших швартовочных сеток, то здесь все радовало наш технический глаз. Это и мощная кран-балка, и несколько откидных компактных электроталей, и цепные приспособления для швартовки грузов. Не успели мы нарадоваться

на это авиатехническое великолепие, как поступила команда на загрузку. Удобно размещаемся на откидных десантных сиденьях, пропускаем командиров, от майора и выше, в гермокабину и вот уже электромеханизмы с сервоприводом плавно поднимают трап и закрывают проем грузовой аппарели. Тонко посвистывая, стартеры вытягивают турбины обоих двигателей, на малый газ, затем звук работающих двигателей плавно и мощно нарастает, лепесток лопастей несущего винта превращается в прозрачный диск, который прогибается вверх и вертолет без вибрации и раскачки быстро, словно НЛО уходит по вертикали в опускающиеся нам навстречу сумерки.

Никто не заметил, как мы легли в горизонт. Грузовая кабина тускло отсвечивала десантными плафонами, мерно неназойливо гудели двигатели, за блистерами деловито шелестели лопасти. Весь авиационный люд плавно переходил в дрему. И вдруг, как гром из преисподней взвыла десантная сирена и ярко-красными сполохами замигало табло «ПОШЕЛ». Ситуацию по громкоговорящей связи прояснил спокойный голос командира:

- Товарищи офицеры, поздравляю, мы пересекаем Государственную границу Демократической Республики Афганистан!

Многие повскакивали со своих мест. Кто-то ошалело спросонок заорал:

- Ур-а-а-а!

Соседи, в свою очередь, заорали на него:

- Чему радуешься, придурок!

А кто-то грубо по-мужски в два пальца свистнул:

- Полундра!

Всеобщее волнение улеглось менее, чем через минуту. Все расселись по своим местам и затихли. Успокоился даже, постоянно похихикивающий после ночевки с комэской, лейтенант Трофимов. Каждый из нас пытался всерьез, без показного героизма осознать – что же готовит нам эта Демократическая Республика Афганистан: Славу? Почет? Награды? Чувство выполненного долга? Или неумное горе нашим матерям, женам, детям?

Летательный комплекс четвертого поколения типа МИ-26, выключив бортовые огни и проблесковые маяки, тускло отсвечивая пунктиром контурных огней, со скоростью 300 км/час уносил нас в палящую зноем темень Афганской ночи.

Глава 18.

Неожиданно нас разбудили громкие, не смолкающие, а наоборот, превратившиеся в сплошную серию хлопки за бортом. Все кинулись к

блистерам и сразу были заморожены возникшим зрелищем. Вертолет плавно, опустив нос, пикировал, снижаясь по гигантской спирали, при этом с двух сторон рассеивал вокруг себя мощные разноцветные фейерверки, которые термитными дымными очередями уходили в темноту. Через динамик экипаж опять разъяснил нам, что это АСО – тепловые ловушки для зенитных комплексов противника. Но в данной ситуации отстрел «асошек», как ласково называли их в Афгане, преследует совершенно иную, радостную для наблюдавших за нашим бортом с земли цель: экипаж сообщал, что доставил из Союза сменщиков.

Колеса шасси плавно, почти неслышно коснулись бетонки ВПП аэродрома Кундуз. Заруливаем на перрон. В проеме рампы засветились «змеиные головы» дневного освещения аэропорта. Трап медленно пополз вниз, проем люка расширился, и вот мы уже смешались с толпой смеющихся, бестолково орущих, и обнимающих нас заменщиков. Кто-то тащил наши тюки и чемоданы, кто-то стрелял шампанским, а кто-то уже в обнимку с нарядными женщинами и ревушим на плече «Шарпом» лихо отплясывал только что рожденный гибрид шейка с твистом. Наш МИ-26 без исключения вырулил на полосу. Толпа понемногу успокоилась и, разделившись на группы по 3-4 человека, потянулась к модулю.

Общежитие барачного типа, в простонародии модуль, было собрано из толстых фанерных щитов. Пустоты его стен были забиты пенопластом, и он являлся, в сущности, гигантским термосом. Снаружи окна были закрыты какими-то радиаторами, как впоследствии выяснилось – это были кондиционеры. От шестидесятиградусной жары спасал только он да термосная конструкция стен.

Экипажи разместили по комнатам, где заменщики уже накрыли сдвинутые попарно и застеленные парашютной перкалью столы. Здесь было все, от жареной картошки и рыбных консервов из летной столовой, до деликатесного сервелата и напитка «Си-Си» в диковинных для нас жестяных банках из чекового магазина. Крепкие напитки из Союза доставили сменщики, то есть мы – такова авиационная традиция. Разлива по «нурсикам», заглушкам от реактивных снарядов, вмещавшим ровно по 70 грамм. Первый тост «за друзей» - они всегда спасут; второй - «за любимых», чтобы ждали дома; третий – «за тех, кого с нами нет», молча, не чокаясь. Это тоже наша традиция. Пошли разговоры: кто-то встретил однокашников, кто-то сослуживцев, вспоминали общих знакомых, службу в Союзе. Афганской темы не касались, но, когда засобирались на перекур, она сама напомнила о себе. За стеной, казалось, в нескольких метрах от нашего окна что-то сильно рвануло. Все повыскакивали из-за стола и кинулись на улицу. Ночь была

наполнена тонким свистом с нарастающим объемным звучанием. На самой высокой ноте свист вдруг прервался разрывом вблизи модуля и выбросом тучи песка и пыли. Со стороны перрона аэропорта, где мы недавно выгружались из вертолета, по направлению к нашему модулю сверху вниз кивали лучи мощных фонариков. То и дело в этом же направлении взлетали сигнальные ракеты. Наши заменщики попрятались за противоположную стену модуля, что-то орало нам и махали руками. Мы же спокойно раскуривали сигареты, все происходящее вокруг реально не воспринималось, было ощущение, словно мы в гигантском зрительном зале кинотеатра смотрим фильм о войне. И лишь когда по гофрированной оцинковке рядом стоящего склада, как сорвавшийся из грозовой тучи шквал града, застучали осколки, все бросились на землю, прямо кто где стоял. Шквал огня не прекращался, разрывы приблизились к стенам модуля. Осколки уже не только барабанили по складу, но и с каким-то треском и чавканьем впивались в фанерную обшивку. Вдруг огромная фигура в тельняшке кинулась на крыльцо, и мгновенно погас свет, кто-то догадался наконец рвануть общий рубильник. Обстрел сразу прекратился, как будто «духи» ждали этого сигнала. В обрушившейся на нас тишине отчетливо прозвучало:

- Товарищ майор, что нам то делать?!

Из канавы ответил голос начальника штаба:

- Вам не знаю, а мы поползли в штаб получать оружие.

Каждый представил, как майор Алиев, за ним комэска, потом замполит ползут по пыльной канаве в направлении ружпарка. После секундной паузы стены модуля снова содрогнулись, но уже не от духовских мин, а от дружного офицерского хохота.

Глава 19.

На утреннем построении кто-то вдруг тронул меня за плечо, оглядываюсь: передо мной расплылась, словно луна, улыбающаяся физиономия – это прапорщик Костя со смешной фамилией Липуто. В свое время он заставил многих из нас крепко поволноваться: из-за его проделок поседела не одна командирская головушка.

Тогда мы служили в Польше. Это было смутное время – судовой электрик Лех Валенса возглавил в Гданьске антисоветское движение «Солидарность». Страна разделилась на два лагеря: одни продолжали жить и работать по укоренившимся уже законам социализма, другие - бастовали, саботировали работу, митинговали на улицах. В стране было введено военное положение.

Наш вертолетный полк базировался в центре сосредоточения Советских войск – в Легнице. Двум экипажам была поставлена задача: пересечь госграницу и перевезти несколько сотен тонн груза в Прибалтику по маршруту: Черняховск – Тукумс. Работали двумя бортами от рассвета до заката весь световой день, перекрывая все санитарные и технические нормы. Солдатики загружали ящики с имуществом прямо с бетонки аэродромной стоянки, едва ли не до потолка грузовой кабины. Затем всем экипажем швартовали груз сетками и трусами, предотвращая возможное смещение при взлете или грубой посадке, что грозило бы крупными неприятностями. Контрольное висение позволяло соизмерить мощность двигателей и взятого на борт груза, затем посадка, выруливание на полосу, долгий разбег, взлет, маршрут до Черняховска, выгрузка, дозаправка топливом, обратный маршрут, и так до одурения. Камазы непрерывной цепочкой, с воздуха это хорошо просматривалось, тащили и тащили груз со складов на бетонку. За неделю мы вымотались так, что вечером чуть не ползком добирались до кроватей в летной гостинице.

После завершения работ все двенадцать человек с обоих экипажей сутки отсыпались. Весь следующий день ушел на закупку в магазинах. В связи с дефицитом, образовавшимся в Польше, сгребали с прибалтийских прилавков колбасу и конфеты, сигареты и водку, консервы и стиральный порошок. Каких только «лестных слов» на мягком прибалтийском наречии мы не выслушивали от продавцов и покупателей.

И вот, наконец, покупки на борту, штурман с портфелем, набитым картами, бежит от диспетчера и орет:

- Добро!

А лопасти Н.В. уже гребут утренний чуть влажный балтийский воздух. Взлетаем парой, наш борт ведомый, выстраиваемся в правый пеленг. Отработали по командной и связной радиостанциям с руководителем полетов, набираем эшелон МВЛ и ложимся в горизонт. Командир Володя Семченко переключает триммера на правого, отдает ему управление и облегченно вздыхает – можно немного расслабиться. Но не тут-то было – со стороны грузовой кабины вдруг раздается удар. Моментально распахиваю дверь кабины экипажа и о, ужас! Входная дверь открыта, в грузовой кабине свирепствует набегающий поток, бортмеханика прапорщика Липуто нигде не видно. Экипаж во главе с командиром, отстегнув парашюты, кинулся в грузовую кабину, и только правый летчик – Саня Гордеев, как-то натянуто улыбаясь, тащит вертолет в горизонте. Стаскиваю с него гарнитуру и ору в левое ухо:

- Гаси скорость до ста, буду закрывать дверь.

Трясущегося Костю обнаруживаем за перегородкой бортрадиста, в руках у него заглушка от входной двери, он в шоке и твердит скороговоркой, будто самолетный речевой информатор:

- Это не я, она сама, это не я, она сама...

Оказывается, после набора ему приспичило закурить, зная о строжайшем запрете на данную процедуру и суровом нраве командира, решил проветрить свое рабочее место. Вместо того чтобы открыть съемный блистер на левом борту, почему-то разместился у входной двери и только успел снять с него заглушку, как набегающий поток ворвался в образовавшуюся брешь и, вырвав дверь с замка, долбанул ею о подвесной бак, образовав в нем приличную вмятину. Некурящий командир разорвал блок ту-134, выудил из пачки сигарету, поджег её и, давясь дымом, крикнул мне:

- Что будем делать, бортовой?

- Закрывать, командир, - кричу в ответ, - скажи Гордею, пусть максимально загасит скорость, а я через съемный блистер отожду дверь от бака, потом привяжу швартовочным ремнем к проему, остальное доделаем дома.

- Ну, не хватало мне еще, чтобы ты вывалился. Экипаж, по местам, садимся! Не знаю, как в других войсках, а в авиации все распоряжения командира выполняются беспрекословно. Сели на пашню, кричу в СПУ:

- Командир, проваливаемся, держи на «Шаге».

От Кости помощи сейчас никакой – он еще в шоке. Выпрыгиваю на грунт и тут же замечаю, что к нам бегут, размахивая руками, несколько крестьян. Дверь изрядно деформирована, бью по ней пожарным баллоном (ничего другого под руками не нашлось), но это мало помогает – дверь до защелки не дожимается. Бью по краю обечайки еще и еще, - надо успеть до прибытия пахарей, дабы избежать лишних вопросов. Карабкаюсь по выброшенной экипажем стремянке в кабину, кое-как прикрываю дверь и завязываю в таком положении парашютной стропой. Ору во все горло:

- Командир, взлетаем!

Летчики тянут «Шаг-газ», на мгновение зависаем, и вот уже вертолет, задрав хвостовую балку и заваливая на землю подбежавших колхозников, уходит в набор. Все это время ведущий, став в круг, барражировал над нами. После набора высоты ложимся в горизонт и опять занимаем правый пеленг.

Дома все получили по выговору, от более строгого наказания спасло то, что комэска уходил с повышением и лишнее ЧП ему было ни к чему. Весь следующий день ушел на капитальный ремонт двери, её замков и подвесного бака.

После построения Костя пригласил к себе и за пиалой зеленого чая стал «вводить меня в строй».

- Главный принцип: «На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся», - вещал мой новый инструктор,

- В общем, сильно не высовывайся, но и за чужие спины не прячься.

- Костя, это прописные истинны, как «2х2» в школе, ты мне лучше расскажи, кто вчера при обстреле сигнализировал «духам» фонариками и ракетами.

- Здесь сложнее. Работать будите с «демократами», то есть народной армией, призывной возраст у них 18-55 лет. Если их днем под автоматом не загонят в правительственные войска, то вечером под таким же автоматом загонят в банду. Так что, воевать им приходится по-любому, вопрос только, на чьей стороне. Но есть и другой вариант: днем это мирный дехканин, он хлопает тебя по плечу, преданно смотрит в глаза, дарит тебе на «бакшиш» свои четки, а только стемнеет, не дай Бог попасться ему в одиночку. Оглушат, свяжут, утащат в банду и в лучшем случае сдерут с живого шкуру.

- А что бывает и хуже?

- Бывает, вот недавно «особняк» зачитывал ориентировку. В общем, на прошлой операции под Ханабадом раздолбили одну банду. Когда зашли в пещеру, увидели два лохматых, оборванных и избитых до неузнаваемости существа, прикованных цепями к скале. Оказалось, это два солдата-срочника, взятых в плен полтора года назад. Один из них, звеня цепями, приплясывал вокруг камня и бубнил что-то скороговоркой, другой молча сидел на песке, уставившись в одну точку, и слезы ручьем струились по его давно невымытым щекам, оставляя за собой светлый бороздки. Оказывается, все это время они были для банды и рабами, и кухарками, и прачками, и женами.

Некоторое время курили молча. Каждый думал о своем: Липуто о дальнейшей службе в Союзе, я – о том, когда и как все увиденное и услышанное за неполные сутки вместится в понятие «интернациональный долг».

Я первым нарушил молчание:

- Слушай, а откуда здесь девушки, с которыми вы вчера встречали нас на перроне?

- Это «чеканки», - быстро, словно ждал этого вопроса, ответил мой собеседник, - приезжают сюда официально зарабатывать чеки медсестрами, официантками, поварами, а практически работают «походно-полевыми женами». - Чуть подумав, добавил, - не бесплатно, конечно, за чеки, отсюда их название «чеканки».

На прощание, в память о нашей встрече, Костя подарил мне где-то выкопанный и, видимо, недавно почищенный песком, но все же изрядно ржавый старинный кинжал в ножнах, который я к всеобщему изумлению и восхищению тут же закрепил над своей кроватью.

Глава 20.

На обустройство нам было выделено аж два дня, считая первым день прилета. Разместили нас поэкипажно - по шесть человек в комнате. Но так как мой командир комэска, который проживал с замполитом в генеральских апартаментах, то мне определили место в экипаже капитана Николаева, пришедшего из Нерчинска и назначенного командиром прямо перед Афганом.

По кем-то заведенной традиции над каждой кроватью крепилась двух- или трехэтажная полка, на которой размещались семейные фотографии, брелки, детские игрушки и какие-то другие мелочи, может быть, на первый взгляд, и ничего не значащие, но они, пусть не в полной мере, пусть хотя бы частично погружали хозяина в ту родную и близкую домашнюю обстановку, которая осталась за речкой.

От общего помещения занавеской из парашюта отгородили небольшую кухню, где установили стол для будущих совместных чаепитий. Дабы блюсти в жилом помещении надлежащий порядок, договорились ежедневно назначать дежурных.

Все это время наши заменщики путались под ногами, заговорчески перешептывались и постоянно намекали на какой-то приготовленный ими сюрприз.

Неожиданно в комнату ворвался Костя Липуто, который на правах старожилы принял командовать, схватил меня под руку и буквально выдернул в коридор.

- Так, давай быстро хватай чистое белье, полотенце и бегом за мной.

- Куда хоть идти-то, далеко? - пытаюсь разведать обстановку я.

- Да нет, близко. Это и есть сюрприз! - уже на ходу смеется Костя. Хватаю пакет с бельем и догоняю его по дороге к аэропорту. За перроном сворачиваем налево и почти упираемся в большую, шатром, брезентовую палатку. Оказывается, их тут несколько. Костя поясняет:

- Это «духовская» пересылка, отсюда вчера и светили фонари в сторону нашего модуля при обстреле.

Я удивленно останавливаюсь:

- Нет, подожди, а где же наши? Ну, там чекисты, госбезопасность?

- У них своя безопасность - «Хад» и «Царандой», - поясняет мой экскурсовод, - все узнаешь со временем. Давай быстрей, ближе к сюрпризу, а то народу набегит, не протолкнешься.

Рысью продвигаемся вдоль зеленого, из снаряжных ящиков забора, открываем небольшую калитку и попадаем напрямик в рай. Если назвать увиденное оазисом в пустыне, то это значит сказать очень мало. Моему взору открылся довольно просторный двор, огороженный шифером, на волнистой поверхности которого разместился морской царь Нептун, в одной руке он держал царский скипетр, другая сжимала трезубец. Раздувая щеки, он нагонял огромные волны с пенистыми белыми гребешками на загнутых вершинах. Вокруг разместилось несколько русалок, своими распущенными волосами и выгнутыми хвостами обвивающих царя со всех сторон. Картина была выписана в натуральную величину, да настолько искусно и объемно, что создавалась почти полная иллюзия погружения в подводное царство. Посередине двора был устроен довольно глубокий и вместительный, выложенный белым кафелем бассейн. Почти до краев он был наполнен зеленой, с синим отливом водой. Я был буквально зачарован увиденным.

Из оцепенения меня вывел голос Кости:

- Эй, капитан, давай быстрее раздевайся и в сауну.

Боже, у них еще и сауна есть! Быстренько складываем комбезы на десантные сиденья и заходим в парилку. Костя натягивает на свою и мою головы летные подшлемники – без них такой жары не вынести. Заглядываю на тут же прикрепленный термометр и, о ужас, он показывает 118 градусов! А Костя уже командует:

- Слушай меня, иначе удар хватит. Сейчас греемся на средней полке, потом душ и в бассейн. Немного остынем, затем опять средняя и верхняя полки, бассейн и так далее. Максимум через три минуты этого пекла выскакиваю из сауны и, не добежав до душа, падаю в бассейн. Вода ледяная, она быстро приводит в себя. Немного поплавав, вылезаю по снабженной поручнем лесенке и спешу опять на полку в парной. Через короткое время мой банщик загоняет меня под контрастный душ.

- Ну, на первый день с тебя хватит, - объявляет Костя, - ты пока отдышись, а я сделаю еще пару заходов.

Я прилег на чистую простыню, расстеленную тут же на десантной седушке, и душа словно возносится в рай. Во всем теле необыкновенная легкость, дышится полной грудью, сердце бьется четко и размеренно, все невзгоды куда-то отодвигаются и закрываются, будто какой-то стеной.

Глава 21.

На следующий день принимаем у заменщиков борта. Мне достается вертолет с бортовым номером 41. Вдвоем со своим новым бортмехаником

прапорщиком Роциным, вчерашним солдатом, целый день перекрестно осматриваем вертолет: отсеки двигателей, редукторы, несущий и хвостовой винты. Конечно, явных дефектов, угрожающих безопасности полетов не обнаруживаем, но матчасть нам сдают старую, еще шестидесятых годов выпуска. Да и двигатели прошли по три ремонта, не знаю, как они будут тащить многотонную махину в горном разряженном афганском воздухе. Дозаправляем системы вертолета маслами, жидкостями и газами, промываем, чистим, наводим порядок - завтра облеты. Отпускаю механика в душ - он чумазый, как тракторист, а сам сажусь за формуляры. Война войной, а документация должна быть в порядке. Оформляю в рабочем журнале предварительную подготовку к полетам, споласкиваюсь тут же на аэродроме в душе. Группа техсостава потащилась через полосу к столовой, присоединяюсь к ним. Дорогой обсуждаем техническое состояние бортов. Оказывается, мне еще повезло, а вот Володя Козаков принял борт № 40, так прямо под редуктором в грузовой кабине привязана тросом двухсотлитровая бочка с маслом, тут же закреплен ручной насос – у главного редуктора такой расход, что в полете периодически приходится «дозаправляться». Про трещины выхлопных труб и отсеков лопастей мы уже молчим, - видим, матчасть в местных условиях работает с многократной перегрузкой.

После обеда запускаем двигатели и гоняем их на всех режимах, иначе нельзя - надо знать на чем придется работать. После опробывания – дозаправка керосином, пока механик таскается со шлангами, добавляю на насосе-регуляторе обороты взлетного режима, завтра на висении проверим еще раз.

Вечером утащили в кино, - это обыкновенная передвижка, наверное, еще тридцатых годов. Под стать аппарату и сам фильм - «Чапаев». Сидим в летнем кинотеатре на дощатых скамейках, на экране мелькают знакомые еще с детства кадры. Невольно задумываешься: зачем тащить в Афган фильмы с более чем полувековым возрастом, разве что в надежде на поднятие нашего боевого духа усатым героем Гражданской.

Глава 22.

Утром после завтрака получаем под роспись автоматы АК-74У, пистолеты ПМ и дружной толпой следуем на аэродром. Экипажи сегодня смешанные: на командирских чашках инструктора из управления уже год отвоевавшей здесь эскадрильи. К моему борту подкатывает командирский «УАЗ», выходят комэска с замполитом и незнакомый нам молодой парень в светло-голубом комбинезоне - такие только у наших заменщиков. Иванцов за его спиной сигнализирует пальцем, мол, докладывай ему. Рапортую:

- Товарищ командир, вертолет к полету готов, заправка 9800, борттехник капитан Михеев.

Инструктор жмет всем руки и бодро восклицает:

- Ну, мужики, по коням!

Экипаж занимает свои места, пристегивает парашюты и привязные ремни. Запуск. Выруливание. Висение. Взлетаем! Сколько завораживающего для всех влюбленных в авиацию сокрыто в этой команде. Здесь и ответственность за порученное тебе дело, и гордость за выбранную профессию, и сознание принадлежности к элитному роду войск, и, наконец, ощущение того, что через мгновение ты врываешься в одну из прекраснейших стихий во вселенной.

Сегодня мы выполняем ознакомительный полет по маршруту: Кундуз – Файзабад – Кундуз. Набираем безопасную высоту, отрабатываем по радиосвязи с РП и слышим в СПУ:

- Бери ручку, командир. Так, нормально, теперь бери заданный курс. Уходи от зеленки - там ПЗРК противника. Следи за Ханабадским направлением - там тоже «духи».

Невольно прилипаем к блистерам и во все глаза следим за указанным направлением. Минут пять летим молча, каждый боится пропустить сварочный сполох ДШК или дымный след «Иглы».

- Да не так пристально, мужики, - смеется в СПУ инструктор, - еще привыкнете.

Подходим к горной гряде. Далеко внизу блеснули блюдца двух озер. Инструктор неожиданно резко бросает вниз ручку Шага, вертолет, словно гигантский кит, ныряющий в глубину, проваливается вниз. Оба озера совсем рядом возникают слева в моем блистере.

- Штурман, отмечай на карте, первый водоем, чуть севернее – по разведанным позиция ПЗРК противника.

Тут же ныряем в ущелье. Две горные гряды, которые совсем недавно причудливо изгибались внизу, уже тянутся над нашим НВ.

- Командир, прижимаемся к левому склону, - на правом периодическое появление «духовского» ДШК, - снова комментирует инструктор. Штурман делает пометку в своей карте. Командир тянет «Шаг – Газ» вверх до упора, ручку управления отдает вперед. Вертолет вспухает перед выскочившими прямо по курсу скалами. И вот уже вся панорама: и горная цепь, и озера, и острые скальные пики остаются внизу.

- А теперь, командир, все внимание вперед. Наблюдаешь на вершинах дымы от костров? Это «духи» сигналият, что мы топаем на Файзабад. Восток, командир, дело тонкое, - снова шутит инструктор.

С основным курсом заходим на полосу. Слева хорошо просматривается грунтовая дорога, дувал, ряд деревьев, за ним поле. По свежевспаханной пашне – ну чудеса – волы тягают соху, в которую упирается женщина в длинном до пят, каком-то сером платье и парандже. Садимся и сразу, освобождая полосу, заруливаем на стоянку. Напротив нас беспорядочно рассредоточены борта – это эскадрилья МИ-24 из Кундуза, как выяснилось, они несут здесь боевое дежурство. К вертолету на велосипеде чинно подруливает дежурный по стоянке с повязкой на рукаве. Обращается ко мне: - Бортовой, какая заправка?

Инструктор, открыв блистер, кричит:

- Уйдем без дозаправки, - и уже мне, - керосин здесь на вес золота, сюда будете еще возить тонн по пять, да скачивать на складе ГСМ.

Дружно всем экипажем отправляемся в столовую. После обеда командир ставит задачу:

- Экипаж, выполняем послеполетную подготовку, оформляем документацию и размещаемся в летном домике, - в гостиничном модуле у них мест нет. Я работаю в Файзабаде с советниками, утром домой. Задача ясна?

- Поняли, командир!

После работ на борту закрываем люки и двери, печатаем борт и сдаем дежурному под охрану.

В летно-техническом домике для нас уже приготовлены кровати, бросаем на них свои сумки и разбредаемся по территории в надежде встретить знакомых по прежней службе. Но стоянки и прилегающая территория как вымерли, кроме сиротливо торчащих под грибками часовых в непривычных для нас, мирных людей, касках, мы так никого и не встретили. Ситуацию прояснил тот же дежурный по стоянке на велосипеде:

- У нас сегодня обмывка железок – пришли ордена за Панджшерскую операцию, командир собрал всех в своем модуле. Ну, а мне, как всегда, не везет – я в наряде, да я свое наверстаю завтра, вот только сдам автомат и повязку, - смеется он и тут же добавляет, - а вы идите на КДП в дежурное звено, там ребята «видак» смотрят.

Направляемся в комнату отдыха дежурного экипажа и остаток дня коротаем у диковинного по тем временам видеоманитофона.

Ночью вскакиваем от грохота разрывов. Кто-то спросонок с перепугу забился под кровать, кто-то выпрыгнул в окно. В надежде разыскать командира я выскочил на крыльцо. На стоянке МИ-24 ухали разрывы и, как тогда в Кундузе, в воздух взлетали тучи пыли и песка. Неожиданно к одной двадцатьчетверке подлетела группа полураздетых ребят из местных экипажей. Один запрыгнул в кабину и, даже не закрыв фонарь, что-то орал,

указывая двумя руками вперед, остальные, повиснув на хвостовой балке, так что передняя стойка оторвалась от аэродромной железки. Повисшие на балке крутили вертолет то влево, то вправо, следуя указаниям своего командира. Неожиданно из подпилонных блоков УБ-32 вырвалось пламя, затем еще и еще. Технари тут же быстро подогнали аэродромную тележку с реактивными снарядами, быстро и сноровисто набили все четыре блока. Народ по отмашке командира немного подвернул балку, одновременно задрал нос вертолета. НуРСы с адским шипением и грохотом, мелькнув огненно-дымными хвостами, опять ушли в ночь. На КДП вспыхнул прожектор и зашарил в направлении ушедших снарядов. «Духовский» обстрел мгновенно прекратился. С вышки рявкнули в мегафон:

- Хорош, командир, победа – белый флаг!

Стрелок, поразивший «духов», вылез из кабины и махнул рукой в сторону модуля:

- Все, славяне, отбой, всем спать, разборки утром.

Утром на крыльцо командирского модуля дежурный под автоматом привел толпу аксакалов. С первыми лучами солнца эта делегация из ближайшего аула вышла на полосу. Старики чинно поглаживали бороды и о чем-то бестолково галдели. Комэска вызвал солдата-таджика и минут двадцать что-то внушал им, то потрясая могучим кулаком, то указывая пальцем в землю. Деды сразу приуныли и, опустив головы, поплелись в сторону своего аула, сопровождаемые дежурным.

Толпа авиационной братии моментально окружила победителя. Посыпались вопросы:

- Ну, как, командир?

- Что ты им сказал-то?

- А они что?

- Да ничего! Просто они спросили, сколько мне еще до замены осталось.

Командир широко улыбался и, закуривая, как бы подвел итог:

- Теперь они не то, что про минометы, они и про то, с какой стороны затвор у БУРа, забудут, - и добавил, - тоже до моей замены.

Так авиация одерживала победы не только в воздухе, но и на земле, причем они, эти победы, нередко носили дипломатический характер.

Без потерь, однако, не обошлось. Одна мина разорвалась прямо напротив окна женского модуля, погибла официантка из летной столовой. Осколок мины попал ей прямо в сердце. Доктор сказал, что смерть была мгновенной. Ее подруга сразу грамотно, лицом вниз упала под развороченный взрывом подоконник. Наверное, в ту секунду сработал защитный инстинкт - в одну воронку два снаряда не попадают, - или ее ангел-хранитель оказался на

месте. Как бы там ни было, эта зареванная деваха с двумя баулами, крест-накрест перевязанными парашютной стропой, просилась к нам на борт до Кундуза. Старшина-прапор злорадно ощерился:

- Чеки, подруга, тут зарабатывают не только вашим местом, но и жизнью.

К нему подошел пожилой майор – инженер эскадрильи и молча врезал ему прямо в челюсть.

- Знай, когда вякать, сундук.

Прапор, схватившись обеими руками за щеку, тут же скрылся за столовским модулем.

Наш комэска подъехал только к обеду. О происшедшем он, очевидно, был уже наслышан и только уточнил у замполита, нашего штурмана, кое-какие подробности. Потом обратился ко мне:

- Михеев, борт готов?

- Как всегда, командир! Заправка только 6100, без вчерашнего часа лета. Да и еще, после обстрела на борту проведен целевой осмотр, повреждений не обнаружено. И чтобы окончательно успокоить Иванцова, добавляю:

- Они, командир, долбили в основном по модулям, отсюда и потери. Вон у КДП ее подруга, просится до Кундуза – с колонной-то боится, возьмем?

Комэска сам направляется на КДП и уже на ходу бросает:

- Пусть летит, размести там. Только парашют здесь возьмите, без парашюта не беру!

Дело в том, что все члены экипажа снабжены средствами аварийного покидания, но по неписаным авиационным законам при наличии пассажиров экипаж парашюты не одевает. Отсюда и требование – всем пассажирам иметь свои средства спасения.

И вот мы на борту. Расчехляем кабину, опробываем с праваком двигателя и еще раз приступаем к осмотру. Вроде, все в норме. От КДП в нашу сторону по железке громыкает УАЗик. «Добро» на вылет получено, метеобюллетень и полетный лист подписаны, готовимся к взлету. Бортмеханик подгоняет подвесную систему на распухшую от слез официантку и закрепляет спереди нагрудный парашют – запаску. Она разместилась на груди чехлов за кабиной бортрадиста и отрешенно устала в одну точку. Нам по-человечески ее жаль. В любом случае война для нее закончилась.

Глава 23.

Следующий ознакомительный полет на площадку Хорог. В командирской чашке наш Иванцов, справа инструктор – командир заменяемой эскадрильи.

Под нами расстилается живописнейшая картина: вокруг насколько хватает глаз желто-бурый океан пустыни, кое-где бугрятся одинокие горушки, местами они переходят в причудливо извивающиеся цепи скальных образований, перечеркнутые стремительными горными потоками. Склоны покрыты бурной растительностью, на равнине она переходит в кажущуюся сверху оазисом зеленку. На горизонте в причудливой дымке просматриваются седые горные вершины, покрытые вечными снегами.

ВСПУ звучит голос инструктора:

- Экипаж, внимание, подходим к площадке.

Впереди горная вершина, доворачиваем чуть влево – вершина раздваивается. Вертолет несется прямо в эту гигантскую расщелину, впереди ровный монолит скалы, круто уводящий вверх. Кажется, что столкновение неизбежно, и вдруг прямо перед этой преградой инструктор резко дает левую педаль и кладет ручку управления циклическим шагом до упора влево. Вертолет падает на левый борт, но продолжает лететь основными колесами к склону и прямо, кажется, перед самой поверхностью выравнивается и опускает балку, гася скорость. Все, под нами короткая площадка. Садимся, заруливаем на единственный грунтовый пятак и выключаемся. Не выдерживаю и первый вопрошаю:

- Товарищи командиры, а что это за экстремальный цирк?

Инструктор смеется:

- Привыкайте, товарищи сменщики, то ли еще будет!

Пока командование общается с комендантом РП, обследуем окрестности. В сущности, обследовать-то здесь нечего. Площадка в чаше, зажатой со всех сторон горами.

Взлететь легче – страшная скала остается за балкой. Обратный маршрут до Кундуза показался коротким и спокойным.

Дома после душа ко мне подошел дневальный:

- Алексеич, тебя там ждут.

Удивляюсь:

- Кто меня может ждать здесь?

- А вон парень на скамейке.

- Действительно, на волейбольной площадке с сигаретой в одной руке и с круглой жестяной банкой в другой сидит парнишка лет тридцати. Подхожу.

- Здравствуй, ты меня искал?

- Здорово, - протягивает он руку и представляется:

- Петр.

- Геннадий.

- Слушай, ты в Мичуринске на Поперечной живешь?

- Ну да.
- А я рядом на Красноармейской в малоэтажке. Знаешь?
- Конечно, ее в позапрошлом году заселили.
- Точно!
- Ну, значит земляки.
- А как ты меня нашел-то?
- Да случайно с одним вашим капитаном в магазине разговорились. Оказалось, он из Тамбова.
- Вот дела, так это Женька Александров, начальник группы РЭО.
- Вот так встреча, видно земля-то и вправду круглая.
- Это дело обмыть бы надо, - предлагает новый знакомый.
- Подожди, я сейчас узнаю распорядок назавтра, ну, а там решим.

Назавтра запланирован парковый день с кучей целевых осмотров, так что полетов не будет как минимум два дня. Докладываю инженеру эскадрильи, и он за две штуки баночки пива отпускает меня до утра за полосу в модуль к вольнонаемным.

Комната у Петра двухместная, по нашим меркам номер люкс. На столе появляются деликатесы из «чекушки»: баночное мясо «Хам», лимонад «Си-си», маринованные огурчики и сковорода жареной картошки. Сосед тащит от кондёра бутылку первача. Выпили по одной «за встречу». Разговорились. Оказывается, ребята пытались через свои военкоматы завербоваться вольнонаемными специалистами в любую из стран содружества. Им поставили условие: сначала Афган, а потом любая из социалистических стран на выбор. Вот и топят сейчас ребята котельную в госпитале для стирки халатов, простыней и бин-тов. Оказывается, этого добра требуется после любой операции ой как много.

Вспоминаем с Петром мирную жизнь в Мичуринске, нашли общих знакомых, посетовали, как тяжело здесь без семей. Расстались около полуночи, обещали заходить к друг другу в гости.

Глава 24.

На площадке Пули-Хумри попали в пыльное облако и тут же потеряли пространственную ориентировку – ни с чем не сравнимое ощущение мухи, ползущей по стеклу. Инструктор подсказывает:

- Авиагоризонт, верить только ему.

Освобождаем полосу и сразу выключаемся. Толстый слой седой пыли везде: на остеклении кабины, на приборах, на сиденьях, на парашютах, на наших

камуфлированных комбезах, в горле. Сразу же переименовываем аэродром на более реальное и отвечающее местным условиям – «В пыли хоть умри».

Ставлю заглушки на входные устройства двигателей и выбираюсь на стоянку – ноги моментально по щиколотку погружаются в легкую, будто свежий цемент из мешка, серую пыль. Ну и дела. К борту подходит Р.П., смеется:

- Ну, как вам мой курорт?

- Владимирыч, как ты тут живешь-то?

- Да так вот и живу, пошли в мое бунгало.

Закрываем борт и тащимся по пыли, как по мелководному ручью, еще метров двести.

«Бунгало» у руководителя, правда, оформлено как на заказ. За глиняным невысоким дувалом стоит Кунг¹ с остекленной будкой наверху – это рабочее место Владимирыча, отсюда он и руководит полетами. Кто и как летает в таких условиях – для нас загадка. Чуть в стороне подземное убежище от минометных обстрелов и прямо здесь же у входа – чудо современной фортификации, уже одним внешним видом обещающее неземное блаженство, - огромный надувной бассейн, чуть не до краев наполненный коричневатой на вид водой. Моментально сбрасываем одежду и, не дожидаясь приглашения, плюхаемся в горячую, подернутую какой-то пленкой воду. Примостив головы на край бассейна, вытягиваем на резиновом дне ноги и как по команде замираем – красота! Вдруг откуда ни возьмись появляется Владимирыч, в руках его солдатский рюкзак, набитый картонными коробочками с патронами к АК-74 со смещенной пулей.

- Так, мужики, - начинает он, – водные процедуры платные, а вода здесь на вес золота, в общем меняю этот рюкзак на такой же, но с нормальными патронами 7,62.

- Зачем тебе, - удивляемся мы.

- Бывает, ночью наведываются «духи», а этими, - он потрясает мешком, - не отбиться – улетают в молоко от каждой веточки и песчинки. А вот 7,62 любой камень разбивает – я проверял.

Подходит инструктор:

- Владимирыч, ну откуда у сменщиков патроны? А я тебе привез три цинка, как всегда. Заберешь на борту в штурманской кабине.

- Ну, Саня, уважил, купайтесь теперь хоть до посинения.

Смеемся:

- А как посинеть – то в горячей воде?

- Ну, извините, менял только на прошлой неделе – с водой здесь напряженка.

¹ Кунг - спецконтейнер

После обеда устраиваем стрельбы. Хозяин бунгало показал на сопку за свалкой разбитой техники и пояснил:

- Стрелять только в том направлении – там «духи».

Каждый визуально выбирает себе какой-то ориентир – камень, пучок травы, либо складку на песке и начинаем беспорядочную пальбу. Укороченный АКМ-74 – легкое оружие, он почти не делает отдачи и поэтому стрелять из него одно удовольствие. Перешли на очереди. Владимирович поучает:

- Короче, делайте отсечку по 2-3 патрона – так ствол не будет уводить, а стрелять после вынужденной, не дай Бог, придется.

Когда израсходовали по два рожка и начали набивать по третьему, из-за левого склона поверх наших голов огрызнулись две очереди. Кто-то заорал:

- Духи!

В ответ из-за сопки донеслось усиленное мегафоном:

- ...вашу мать! Пилотов! Всех щас положу с БТРа!

Владимирович дополнил:

- Хорош, мужики, это наши с операции пришли, злые, как черти, их и не ждал-то никто, - и чуть помедлив, добавил – потеряли видно много. Пошли ко мне.

Из-за сопки поднималось облако пыли, затем из него, словно гигантская гусеница стала медленно выползать колонна БТРов, наливняков, покрытых тентом Уралов.

- Пошли, пошли, посмотреть там не на что – потрепали их изрядно.

Какое-то время шли молча. Наконец, Саня Поляков, наш правак, решил:

- И часто «духи» нападают, ну, на колонны?

Владимирович резко отбросил сгоревшую почти до фильтра сигарету:

- Да почти каждую долбят! Подрывают головной БТР, потом поджигают из подствольника замыкающий, засаду, как правило, делают в ущелье или на серпантине. Ну а дальше – дело техники: поджигают наливняки по очереди. Ну, и, сами понимаете, в этом океане огня не выживает никто. Пытаются, конечно, наши сбросить головной в пропасть и прорваться вперед, но... Мало это кому удастся, у «духов» и на небольшом удалении по курсу выставлены заслоны.

- Владимирыч, твою мать, а где наши 24-ки и 8-ки? – не выдерживает кто-то.

- Только их «духи» и боятся, да у нас то погоды нет, то бортов исправных, то выход колонны не согласован... - Немного помолчав, РП добавляет:

- Если мы когда-то и победим кого-то, это исключительно своим долбодуизмом.

Все молчали, в памяти каждого всплывало бесчисленное множество примеров, подтверждающих справедливость сказанного.

Глава 25.

Понемногу мы втягивались в боевую работу. Возили керосин в Файзабад, в Хост и Хорог муку, пшеницу и сахар, в Хайратон – военные грузы для народной армии.

События 17 сентября 1985 года врезались в память на всю оставшуюся жизнь. Слив на складе ГСМ в Файзабаде пять тонн авиационного топлива марки ТС-1, в простонародии керосина, мы возвращались в Кундуз, и вот уже, когда мы прошли полмаршрута, в эфир беспорядочно стали влезать отрывки радиообмена других бортов между собой и нашим РП:

- Кабульская зона...

- У них взрыв...

- Позывной 426...

- Чей позывной?

- Это Трабо!

- Где, где они?!

И уже нам:

- 421-ый, заход с прямой.

Отвечаем:

- Бегония, я 421-ый, ближний 100, посадка.

Заруливаем на перрон и, не выдерживая 2-х минут, положенных на охлаждение двигателей, выключаемся. Командир сбрасывает лямки парашюта и буквально выпрыгивает в грузовую кабину, на ходу бросив:

- Винт тормозите сами.

К борту подбегают наземники.

- Трабо под Кабулом сгорел!

- Как это сгорел?

- Взорвался в воздухе.

- И никто не прыгнул?

- Кто-то, вроде, прыгал, да мы сами толком ничего не знаем. Прилетит его ведомый, расскажет.

В реальность происшедшего никто не верил. Командира отряда майора Мишу Трабо я знал по совместной службе в Калинове подо Львовом и Могоче. Знал, как грамотного и опытного летчика, хорошего спортсмена и вообще душевного человека. Полное совмещение этих качеств у наших командиров встречалось крайне редко, и мы, подчиненные, - от рядового до капитана – очень ценили это. Чего греха таить, старшие офицеры зачастую всю воспитательную работу подменяли грубостью, нецензурной бранью, наказаниями. А Миша всегда находил время для беседы по душам,

скрупулезно исследовал причины того или иного проступка, а порой брал всю вину подчиненного на себя, если, конечно, этот подчиненный стоил того.

Их ведомый Женя Головач вернулся на следующий день к вечеру – с утра перевал Саланг был прикрыт низкой рваной облачностью. Прямо от борта его забрал в свой УАЗик комэска Иванцов, долго допрашивал вместе с командиром транспортного полка и начальником особого отдела, лысым майором, которого все звали Олег Олегович, в командирской части модуля. Потом все четверо некурящих долго молча курили в беседке, давясь табачным дымом и надрывно кашляя.

К обеду картина происшедшего стала постепенно проясняться. Два экипажа МИ-6 получили тогда задачу доставить из Кабула в Гордез десять тонн продовольствия, пшеницу и сахар, для нужд Народной Армии. Борта уже загружались, как чьим-то волевым решением сверху в список груза включили еще две бочки бензина. Миша, как старший группы и более опытный командир, а это был его второй Афган, распорядился загрузить бочки на свой борт, разместив их в конце грузовой кабины, возле створок, мол, в случае чего сразу выкинем их за борт. Взлетели, стали набирать безопасную, и на высоте чуть более тысячи метров взорвалась первая бочка. Ведомый наблюдал, как отлетели грузовые створки, следом в клубах огня и дыма посыпались мешки с продовольствием. Голован увеличил дистанцию и, не меняя пеленга, наблюдал за ведущим. Терпящий бедствие экипаж отстрелил блистера. Эфир орал:

- Прыгай!

Но борт, резко опустив нос и высоко задрал хвостовую балку, стал пикировать к подножию ближайшей горюшки. Когда им оставалось шестьдесят-семьдесят метров, произошел второй взрыв и завалил вертолет на правый борт. Леху Миркова, правого летчика, выбросило из кабины, каким-то чудом его купол наполнился.

Что произошло дальше, нам рассказал сам Леша, после месяца госпиталя в Кабуле. Приземлился он прямо в костер от борта, каким-то обломком ему прищемило ногу. От ближайшей грунтовки к нему резво запыхал БТР, возле костра он остановился, из него выскочили несколько «демократов», выхватили из пламени оцинкованный ящик и бросились обратно. Летчик, обозначая себя, несколько раз выстрелил из ПМа - автомат сорвало при прыжке – в воздух, в ответ над головой огрызнулись две очереди. Как выяснилось позже, в один из мешков был засунут ящик с афганцами, захваченными при операции в банде. За ним-то и охотились наши «братья по оружию». Лешу из огня спасли тогда свои пехотинцы.

После отстрела блистеров связь с командиром была прервана, так как рассоединилась фишка СПУ на его шлемофоне. Штурман Серега Сидельников жестами показывал, что надо прыгать, бортмеханик, вчерашний солдат, приполз из грузовой и просил:

- Командир, спаси!

И русский летчик, майор Трабо, решил спасти всех, даже оставшихся в живых сопровождающих афганцев, которые и заминировали борт, - у них не было парашютов. Поистине, широка, великодушна и необъяснима душа христианина.

Глава 26.

Не летали три дня. Первый самый страшный – опознание. Добровольцев на эту процедуру найти было очень сложно. Даже после солдатской кружки неразбавленного спирта узнавать в обгоревших, обугленных, местами прикрытых кусками рваного летного обмундирования фрагментов человеческих тел своих товарищей, с которыми еще вчера ел,пил, делил плохое и хорошее, было на грани возможного. Выручало одно - мы помогали семьям наших боевых товарищей в оформлении пенсий и пособий.

10.00 следующего дня – построение на перроне Кундузского аэропорта. В центре АН-12 в аэрофлотовской раскраске с открытой аппарелью – «Черный тюльпан». Возле – 5 столов, накрытых красным, на них 5 гробов, обитых тем же красным. Рядом с каждым наспех увеличенная в рамке фотография из загранпаспорта с круглой печатью в правом углу.

Траурный митинг: скупые слова, скупые мужские слезы, «Траурный Шопена», гимн Советского Союза, траурный салют. Гробы с прибитыми фуражками медленно плывут над трапом в сумрак грузовой кабины. Четыре двигателя плавно выходят на малых газ, почти не увеличивая режима, чтобы не потревожить покой мертвых, скорбный борт выруливает на полосу. Прощальный залп заставляет вздрогнуть наш строй. Отдавая последние почести, все замерли по стойке «смирно», приложив прямую ладонь к летной фуражке.

После взлета самолет без набора высоты уходит в правый вираж, проходит над модулями, затем опять с креном, снизившись до предельно малой, проходит над полосой, рассеивая с обоих бортов рой термитных тепловых ловушек – так погибший экипаж прощается с нами.

Строем молча маршируем в модуль. В комнатах уже накрыты столы, инженер по случаю поминок выделил на каждый экипаж по бутылке спирта. Сегодня вместо третьего – траурный тост стоя, молча, не чокаясь, у нас

первый. Пили и закусывали молча, даже подаренной советниками четырех месячный щенок немецкой овчарки по кличке «Машка» тихо лежал на коврике у порога, положив морду на скрещенные лапы и глядя на нас умными печальными глазами.

Вышли на перекур. Мало-помалу стал завязываться разговор:

- Ну, мужики..., и чего не прыгали?

- Да, надо было сразу после первого взрыва – доклад Р.П. и - за борт.

- Чего ждать второго-то, тяги в редукторном через пол минуты перегорят, их бы все равно завалило.

- «Демократов», видно, пожалели, они ж без парашютов.

- Посмотрим, как они нас пожалеют, попади к ним в банду.

На память приходят слова Наполеона: «И каждый мнит себя героем, кто видит бой со стороны».

Приходит Петро, мой недавний знакомый, земляк, в руках у него бутылка крепкой настойки. Кто-то поспешно приносит нурсики, разливаем всем по глотку:

- За ребят...

И снова молчим. Неожиданно болезную тему затрагивает наш новый гость:

- Ну, и это ваш интернациональный долг? А кто отдаст долги их женам и детям? Сунут рублевую пенсию, вот и все долги.

Обнимаю Петра за плечо и отвожу в сторону:

- Ты прав, конечно, но давай сегодня не будем об этом, итак тяжело, да и у «особняка» с замполитом везде уши.

-Ладно, хватит. Завтра летаете?

- Нет, парковый день и предварительная.

- Пошли ко мне, помянем ребят по-человечески.

Идем через перрон и полосу в гражданский модуль, хочу немного отвлечься – у нас все напоминает о погибших.

Глава 27.

После паркового дня и предварительной подготовки – показательные полеты и парашютные прыжки. Командиры по закону обязаны убедить летный и технический состав в надежности авиатехники и средств спасения. Работают МИ-6, МИ-8, МИ-24. Борта взяли в полку и отдельной боевой эскадрильи подполковника Дуклесова. Полеты идут, как говорится «над точкой»: Демонстрируются горки, крены, чуть не до 90°, крутые пики, боевые развороты. Все борта в фейверках АСО. Подошла очередь ПДС. Прыгают затыжым с 3000 м на ПО-9, тянут почти до земли, кольцо выхватывают

метрах на трехстах. Красиво. И страшно. Затем идут наши спасательные Д-4У, «дубы» то есть. Этих выпускают с 1000 м, купол открывается принудительно, снижение идет плавно и медленно, их утаскивает далеко за полосу. Ну, а теперь изюминка – прыжок с предельно малой. Прямо над нашими головами, срывая панамы и кепи проноситься двадцатьчетверка – это сам командир отдельной боевой эскадрильи подполковник Дуклесов. На столовой на доске объявлений рядом с боевыми листками висит трофейная листовка на фарси, английском и русском: За голову Дуклесова «духи» обещают 800.000 афгани – это что-то около 80.000 советских рублей. Двадцатьчетверка с бортовым номером 01 и огнедыщающим драконом во весь левый борт, тем временем после горки ушла в боевой разворот и хищно ощеряясь блоками НУРСов и пушечных контейнеров валилась прямо на наш строй и уже, казалось, прямо на головы сорвался какой-то тюк. Мелькнула медуза вытяжного, затем четко, как в замедленной съемке затрепыхался купол основного и только он сильным хлопком объемно заполнился, как подвесная с засунутым в неё «Иваном Ивановичем» плюхнулась на бетонку. ПДСники кинулись гасить купол. Высота по РВ-3 была 60 м., скорость 300, понятно, что выпускать человека в таких условиях было бы риском ничем не оправданным.

Подходит Иванцов с замполитом:

- Михеев, борт готов?

- Всегда готов товарищ подполковник.

После инцидента в Кагане я старался с ним не конфликтовать – командир все-таки. И если на земле все мы люди и человеки, то в воздухе командир второй после Бога. Это один из законов авиации.

- Завтра с капитаном Чаломовым летите в Кабульскую зону. Работа обычная – продовольствие, боеприпасы, личный состав. Пассажиров брать только по списку в открытом листе, у всех проверять паспорта, по-афгански это «тархиз», разрешаю обыск каждого. Для советников получи в ПДСке два ПНа, демократам не давать, а то они же вас и грохнут.

Помолчали. Потом замполит как бы вспомнил.

- Пришла бумага сверху: Если командир находится в бессознательном состоянии, или не отвечает на запросы экипажа разрешается прыгать без его команды.

Тут я не выдерживаю:

- Ну наконец-то, родили!

Дело в том, что до случая с экипажем Трабо прыгать разрешалось только, выполнив распоряжения командира: «приготовится к прыжку» и «прыжок». Если эти условия не выполнялись, виновные привлекались к уголовной

ответственности. К чему приводит промедление в таких случаях мы все недавно убедились. Иванцов заканчивает инструктаж:

- Вопросы есть?

- Есть!

- Давай.

- Бензин брат?

- Да понимаешь, надо ведь как-то его доставлять, - начинает мямлить Иванцов.

- Понял, не брат! Пусть на ишаках возят, - твердо заканчиваю я разговор.

- Разрешите идти?

Иванцов вздыхает:

- Иди.

В модуле я подхожу к Чаломову:

- Ну что, командир, над Салангом-то не блуданем?

- Не должны, у нас лучший штурман стран участниц Варшавского договора – шутит Петр. Когда-то он работал в Сочи дамским парикмахером, потом ДОСААФ, младший лейтенант – правый летчик, ну и прямо перед Афганом назначен командиром экипажа. Надо честно признаться, таких людей я считал в авиации случайными и мы, технари, летали с ними не с большим восторгом.

- Ну, а как 41-й борт?

- Борт в норме, парковый день, целевые, предварительная выполнены. Воздух, азот, АМГ дозаправлены, масло не жрет. Движки, правда, слабоваты – по три ремонта прошли, но я на НРах взлетного режима добавил по два щелчка – больше пока нельзя, слетаем – посмотрим. Зато ресурса пятьдесят часов – летай не хочу.

- Ну, добро, спасибо за информацию. А сейчас всем спать, завтра подъем в 4.00. Я сам лично прослежу и всех в кровати уложу, - смеясь, в рифму заканчивает мой новоявленный командир.

Глава 28.

Уже двадцать минут прорываемся сквозь отвратительную рвань облаков над Салангом, а точнее мечемся между скал перевала. То справа, то слева выскакивают горные образования, их вершины имеют отметки 4.800, а мы никак не можем вытащить борт над ними. На командира жалко смотреть – пот с него льет, что называется «в три ручья», правак растерянно озирается по блюстерам, штурман молча щелкает своей линейкой над картой. Сейчас все зависит от них, ну и еще от какого-то сумасшедшего везения. Дело в том,

что МИ-6 не оборудован локатором и лавировать на скорости 230 км/ч между этих горушек – это предел человеческих возможностей.

В позапрошлом году один МИ-6ой врубился здесь в скалу, а когда ПСС добрался до них, чтобы забрать тела, весь экипаж оказался раздетым наголо. В банде за летный комбез тогда платили, как за убитого летчика.

- Бортовой, чего движки то не тянут?

- Командир, я тебя предупреждал – им, бедным, уже по три капремонта. Кто ж тебе в Афган нормальные борта-то даст? Ты скорость загаси немного, все времени для принятия решения будет побольше.

Петро что-то ворчит в СПУ, но скорость установил 180. Вроде стало легче. Чистим подшлемником промокаю пот у командира со лба и щек.

- Ну, наконец-то догадались – обрадовался командир. А вскоре обрадовались все – облачная рвань и клочья тумана стали уноситься куда-то вверх, горы расступились, открывая пространство для маневра. Штурман отбросил карту и рубанул рукой вперед:

- А теперь, командир, только прямо. Скоро Кабульская полоса.

Занимает зону в районе аэропорта и начинаем снижение с безопасной. Правый непрерывно отстреливает тепловые ловушки. Предупреждали, что «духовские» ПЗРК «Стрела» и «Игла» работает прямо из ближайших виноградников и с автотрассы, почти в плотную примыкающую к аэропорту. Садимся по-самолетному и долго катимся по ВПП, длинна её, кажется, около 3000 м. Сруливаем направо на грунтовую стоянку, нас уже на «Тойоте» встречают советники. Здесь, на этом месте загружал свой смертоносный груз борт Трабо. Да, дела...

Экипаж с советниками уезжает размещаться в отдаленный модуль, а мы с механиком заправляем керосин, осматриваем двигатели, редукторы, лопасти. Вроде все нормально. Заполняем документацию.

Потом начинаем изучать окрестности. Прямо перед нами – огромное здание аэропорта, здесь же над ним возвышается застекленное КДП, чуть правее громадина «Боинг-747» и рядом, не уступая ему по размерам, наш «ИЛ-76». Механик дергает за рукав:

- Борттехник, я схожу в аэропорт посмотрю, а?

- Серега, не дури, хочешь, чтобы «духи» тебя в мешок завязали да в банду увезли? Забыл, что «особняк» рассказывал? Будишь Маму звать, да не дозовешься, - нагоняю жути я.

Механик внимательно слушает, но через минуту начинает клянчить снова:

- Това-а-а-рищ капитан, ну отпустите...

- Серега, ну, ты меня достал. Ладно, иди, только на тебе стандартный лист, пиши расписку и вперед. Механик ошеломлен:

- Какую расписку?
- Что значит «какую», простую. Так, мол, и так я, прапорщик Рошин, самовольно оставляю вверенную мне государством авиационную технику, перехожу на сторону бандформирований, в случае моей смерти прошу никого не винить.
- А зачем это?
- Как зачем? Мне за тебя идти в острог неохота, отвечай за себя сам. Такая постановка вопроса моментально поубавила прыти у моего прапорщика.
- В модуле для прилетающих экипажей командир со штурманом уже во всю долбили по бильярдным шарам. Увидев нас, Петро оставил кий, взял меня под руку и вывел на улицу:
- Борттехник, что за дела, ты какую машину мне подсунул?
- Не понял, что подсунул?
- Не тянет же борт!
- Согласно технической документации и ТТД вертолета МИ-6, - перехожу я на официальный тон, - его статический потолок составляет 4.500 м. и почему вы пытались нарушить инструкцию мне не известно. Фактические обороты взлетного режима, прописаны средствами объективного контроля и соответствует формулярным. Плановую таблицу составляет комэска, зам. по летной и зам по ИАС, а ко мне то какие претензии!
- Ладно, на базе разберемся, а сейчас ужинать и спать – завтра много работы.

Глава 29.

Только успел утром принять борт у часового, подбежал парнишка в красивом тренировочном костюме, справа от него присела немецкая овчарка, которая тут же разинула пасть и вывалила здоровенный красный язык. Спортсмен представился:

- Прапорщик Нюнькин из саперного батальона. Досмотр требуется?
- Какой досмотр?
- Ну, на предмет возможного минирования борта. После вашего ЧП нам приказано досматривать каждый борт.
- Раз приказано, то досматривай.
- Подвезли груз. Солдаты шустро принялись таскать на борт мешки с пшеницей. Когда погрузка закончилась, швартуем груз двум малыми сетками. Затягиваю лямки сеток и кричу саперу
- Ну, а теперь ищи!

Наши помощники медленно обходят борт снаружи, собака при этом обнюхивает все нижние лючки для слива керосина и колеса шасси и, сделав стойку, задирает передние лапы на подвесной бак. Затем, низко опустив морду и роняя на мешки капли слюны, обнюхивает груз. Когда её работа закончена, выбегает по раскрытому заднему трапу, опять садится справа от хозяина и преданно смотрит ему в глаза.

- Все мужики, вертолет досмотрен, мин не обнаружено.

Меня начинают одолевать сомнения:

- А чего она найдет-то? Кругом масло, керосин и АМГ – нюх ей и отбивает.

Сапер молча протягивает мне какой-то комочек.

- Что это?

- Тол. Сейчас мы сыграем в игру – ты спрячешь его среди мешков, а Рекс попробует найти.

- Давай, обрадовался я предстоящей и явно, как мне казалось, обреченной на провал операции. Отойдите с собакой за машину и не подсматривайте. Механик, под твой контроль!

Забираюсь в кабину, закрываю грузовые отвертки и прячу глубоко под полые кабины экипажа, закрываю проем крышкой и накрываю резиновым ковриком. В душе радуюсь – «ну, псина, попробуй, найди». Кричу в открытый блистер:

- Готово!

Сапер с собакой забираются по входной стремянке в грузовую кабину, я закрылся в кабине экипажа. Хозяин что-то своему другу на ухо, поглаживает спину и ласково подталкивает вперед. Собака быстро обнюхала все мешки, подбежала к нашей кабине, встала на задние лапы, ударила передней по плексу нашей двустворчатой дверцы и громко залаяла. Не ожидав такого развития событий, я моментально прыгнул в штурманскую кабину и забаррикадировался ранцем парашюта. В пилотскую ввалился смеющийся прапорщик с собакой, которая тут же уселась на коврике, под которым был спрятан тол, и два раза ударила около себя хвостом. Ну, прямо цирк Дурова. Кричу из-за парашюта:

- Все, все, сдаюсь, ваша взяла!

Четвероногий друг сапера, как бы обвиняя меня в махинации, пару раз гавкнул в мою сторону и, низко опустив морду, сбежал по стремянке на землю. Достая спрятанный тол, отдаю его саперу и крепко жму рук:

- Хороша у тебя собачка!

- Хороша, слов нет – соглашается сапер, - сколько она ребят на боевых выходах спасла, я бы ей свою «красную звезду» отдал, если б разрешили. Ну ладно, пошли мы.

- Стой, подожди, - кричу я, а сам уже лезу в кабину и достаю из портфеля НЗ – шоколадку, - на, собачка, ешь, да не обижайся на дядю.

- Нельзя ему сладкого, разве что по такому случаю вечером в кисель покрошу.

Мы в воздухе, маршрут на Ургун, под нами однообразная панорама пустыни. Механик с радистом заварили в бортовом кипятильнике чай и уже тащат в кабину кружку. Вопрошаю в СПУ:

- Кому это?

- Это нам всем. Для опыта.

- Какого еще опыта?

- Сейчас узнаете.

На тот самый люк, где недавно сидела собака, устанавливается табурет, на него кружка с горячим чаем. Два юных прапорщика, хитро улыбаясь, достают из карманов пластмассовые часы с электронным табло – все-таки сумели втихоря сгонять в местный кантин² - и опускают их в кружку. Удивляюсь:

- Чего вы творите то?

- Они водонепроницаемые, до 200 м глубины, вон и дельфин нарисован!

Часы, конечно, наглотались воды, табло погасли. Открываю блистер:

- Выбрасывайте, давайте! И прекратите таскать на борт всякую дрянь из дуканов, а то вам заминируют или часы, или фонарик – случаи такие были.

Двое остолопов удрученно чешут затылки.

Под нами Ургун. Это средневековая крепость, с воздуха отлично просматривается планировка: каменные стены, круглые угловые и промежуточные сторожевые башни, внутрикрепостные укрепления, камнем мощеные дорожки.

Заруливаем прямо на дорогу у крепостных стен. Вертолет разгружают местные сорбозы. Штурман кричит:

- Техник, закрывай борт, пошли в гости к советникам.

Пробираемся по узким крепостным улочкам, озираемся по сторонам – не высунется ли из ближайшей бойницы шестигранный ствол «бура». Советники устроились довольно комфортно: и пол и стены их глинобитной мазанки устланы коврами, на столе цветной телевизор и двухкассетный «шарп», в одно окно вмурован кондиционер. Ужинаем жареной картошкой с тушенкой и рыбными консервами. Ближе к вечеру командир со штурманом объявляют, что погоды по маршруту нет, и переночевать придется здесь. Замечаем, что это известие наших хозяев не сильно обрадовало, и они ходят

² Кантин – магазин (фарси)

какими-то озабоченными. Выясняем, что крепость практически заблокирована «духами», местный гарнизон особого рвения в борьбе с контрреволюцией не проявляет, а наш борт и все мы до сих пор еще целы, потому что привезли продовольствие. Наше счастье, если к сумеркам борт не раздолбают минометами из-за соседней горушки. Ну и дела...

Всю ночь по очереди с автоматами дежури́м на плоской крыше нашей сакли, около борта почему-то без оружия маячит сорбоз. С первыми лучами солнца расталкиваю командира:

- Петруха, давай запускаемся и уходим, пока при памяти. Погоду запросишь с воздуха. Чего тут ждать-то!

- Знаю, знаю – ворчит наш старший, но вдруг неожиданно резво вскакивает и орет, как оглашенный:

- Экипаж, пятиминутная готовность, все бегом на борт и колеса в воздухе!

Только мы запустились, как в кабину, размахивая руками, влетел механик:

- Командир, смотри, там, там дым!

Действительно в блистере правака медленно, словно нехотя поднимался и скручивался вверху в плотный жгут белый дым костра. Зависаем и, задрав к небу хвостовую балку, прочертив по грунту пыльную борозду передней стойкой, с левым креном уходим от крепости. Прилипаю к своему блистеру – внизу насмерть перепуганный грохотом наших лопастей мечется по дороге сорвавшийся с привязи ишак. Через мгновение на этом месте раздается взрыв, в воздух взмечаются камни, клубы пыли и какие-то клочья.

- Командир, на нашей площадке взрыв.

- Наблюдаю, нам готовили – ночью минировали.

- На сей раз Бог миловал, - добавляет штурман.

Домой идем на предельно малой – это высота 5-7 метров при скорости 220 км/ч, сейчас от экипажа требуется максимальная собранность и внимание. В блистерах слева и справа с бешеной скоростью проносится панорама пустыни: саксаул, камни, мелкая поросль, - все срывается семитонной машиной НВ, смешивается с песком в гигантский бурун.

Впереди выскакивает огромное стадо баранов и пастух в халате, чалме и с огромной бородой – натуральный душман. Штурман моментально хватается за пулемет. Открывает створки, разблокирует установку НУВ-1М и делает перезарядку. Пастух, завидев нас, резко выбрасывает вверх руки – сдается. Ору в СПУ:

- Боня, брось! Тебя не трогают, чего ты пугаешь-то? В другой раз влепят тебе в кабину очередь из ДШК.

Командир присоединяется:

- Штурман, блокируй пулемет.

Наш штурман Саня Лупанов со странной кличкой «Боня» нехотя стопорит пулеметную установку.

Глава 30.

В Кабуле нас ждут новости. Нам придали еще три борта – один МИ-6 и два сопровождения МИ-8 и МИ-24. Предстоит много работы по направлениям Гордез, Газни, Ургун. Пока командиры с советниками занимались планированием, а штурмана отработывали полетные карты, испортилась погода – зарядили пыльные бури. Сидим в модуле – гоняем шары на бильярде, да пишем пулю преферанса. Борттехник со второго борта наладился бегать через дорогу в инфекционный госпиталь к медсестричкам, возвращался обратно зачастую навеселе. Немного повертевшись в модуле, потом в курилке, приставал к командиру:

- Петь, можно я к подружкам через дорогу?

Зная его возможности и способности, тот, не опуская бильярдного кия, вопрошал:

- А ты можешь сказать «обороноспособность»?

Буров напрягался и отвечал:

- Обо-бо-роноспособность!

- Ну, пока еще сносно, иди.

Часа через два процедура повторялась, только на сей раз испытуемому предлагалось произнести: «электрификация».

- Элет-элек-три-фи-фи-три...»

- Все с тобой ясно, Бурый, спать! – снова, не опуская кия, басом гремел командир, и виновник, опустив голову, тащился к кровати.

На ночь у нас была приготовлена другая забава. Когда второй штурман Миша Кашук задержался в умывальнике, мы, подняв простыню на его кровати, аккуратным зигзагом уложили на матрас длинную капроновую нитку из парашютной стропы, затем опустили простыню и накрыли одеялом. Выключили свет. Миша вернулся, разделся и преспокойно улегся на приготовленное нами издевательство. Теперь начинается самое главное. Наш правак вопрошает из дальнего угла, а комната, надо сказать, огромная на все четыре экипажа:

- Гена, (это ко мне) скажи: ты служил в Средней Азии?

- Да не служил, а работал в аэропорту Красноводска, это Туркмения.

- Ну и как там?

- А что как? Духота, песок, жара, вода из опреснителя, фаланги, скорпионы, змеи...

- А вот фаланги и скорпионы они где, в пустыне?

- Ну конечно в пустыне, в песках, но и на перроне в аэропорту, да и в гостинице, где жили, их полно было.

В это время я приступаю к реализации своего коварного плана – начинаю медленно, очень медленно тянуть за нитку, другой конец которой зигзагообразно уходит под простыню, начинает шевелиться под Мишей. Немного помедлив, продолжаю:

- Был случай в гостинице к одной пассажирке под подушку забрался, потом вылез на щеку, да как цапнет! – а сам помаленьку подтягиваю ниточку. Миша обеспокоено завозился. Я продолжаю нагонять жути:

- Так эти гады и под матрас, и под простыни забираются. А баба эта так орала, что с соседнего корпуса народ сбежался.

Миша ерзает с боку на бок и отчаянно скрипит кроватьной сеткой. Я делаю паузу, сейчас самое главное – вытерпеть и не засмеяться. Ниточка продолжает потихоньку выползать из-под нашего героя.

- Жалко, конечно, ту женщину, молодая была, красивая; до скорой даже не довезли, так и умерла на носилках.

Это был предел. Штурман заревел, как раненый бизон и взвился с кровати, едва ли не к трехрожковой, засиженной мухами люстре. Хохот и вой из восемнадцати молодых луженых глоток поднял на ноги всю округу. Из инфекционки прибежал дежурный врач в белом халате и с автоматом. С порога он гаркнул:

- Мужики, занимай оборону, наверное «духи» с пятихатки прорвались!

Но, рассмотрев наши надрывающиеся от хохота образины, что называется, «въехал в тему» и уже спокойным голосом спросил:

- Кто тут старший? О вашем поведении буду вынужден доложить коменданту гарнизона. Утром извольте к нему на доклад.

А командир уже гремит:

- Ну, что, детвора, доигрались? Всем отбой!

Глава 31.

Погода улучшилась, «афганец стих». Сегодня двумя бортами работаем на Бамиан, будем возить туда продукты и боеприпасы. Впереди в зоне визуальной видимости с небольшим превышением пара сопровождения. Накануне их командир, рубаха парень, Юра Сивцов признался мне, что в случае вынужденной посадки прикрывать нас и отбивать от «духов» из всех видов оружия они еще смогут, пока не кончится боекомплект, а вот подсесть и забрать экипаж вряд ли – слишком сложный под нами рельеф. Тогда, взвесив все «за» и «против» и немного подумав, я добавил двигателям еще

оборотов по пятьдесят взлетного режима. Переусердствовать здесь никак нельзя – двигатели могут пойти «вразнос», а это уже крупные неприятности, типа раскрутки свободной турбины и пожара со всеми вытекающими последствиями. Ну, а цеплять колесами за горюшки тоже надоело.

Удалось набрать пять тысяч метров, идем на эшелоне ровно без болтанки. Не отрываю глаз от приборов контроля работы двигателей. Пока все нормально. Нет, на секунду, вдруг мелькнуло красным табло «Опасная вибрация правой трансмиссии». Опять загорелось и погасло. Вот и результат увеличения оборотов. Отстегиваю парашют, выхожу в грузовую и лезу в редукторный отсек. Кладу руку на гофрированный кожух трансмиссии – при реально опасной вибрации ладонь будет неметь. Какое-то время нахожусь в отсеке, нет причин для беспокойства пока не выявлено. Прохожу на свое место. Командир спрашивает в СПУ:

- Что у тебя, инженер?

Он в шутку даже повышает меня в должности. Весь экипаж обернулся и вопросительно на меня смотрит – безотказность работы авиатехники на земле и в воздухе зависят только от способностей и знаний бортового техника. Но при всей справедливости этого утверждения наградами и поощрениями нас особенно не балуют. У технического состава бытует даже поговорка: «Борттехник – это ночной горшок, его на вид не поставить, но и без него не обойтись».

Отвечаю:

- Все в норме, командир, так проконтролировал работу борттехника.

Отвлекать в воздухе командира без серьезных на то причин означает усложнять ему работу, поэтому мы стараемся летчиков в полете зря не беспокоить.

На подходе к площадке делаем роспуск пары и снижаемся к подножью горы по гигантской спирали. Отстреливаем АСО. Внизу просматривается выстеленная аэродромной железкой полоса. Проруливаем в конец ВПП, освобождая место ведомому. Открываю грузовые створки, расшвартовываем груз, двигатели не выключаем. Над нами кружит наша пара сопровождения и прикрытия. В спешном порядке идет разгрузка. Справа на удалении меньше километра огромная скала, в ней высечены гигантские статуи – это Будда. Все пространство вокруг испещрено какими-то норами и ходами. По данным разведки в них прячутся душманы, вооруженные ПЗРК, ДШК, пулеметами, автоматами. Все, груз на железке, закрываю створки. Командир кричит:

- Экипаж готов, взлетаем!

Только оторвались колеса, закладываем левый вираж, стараясь быстрее уйти от пещер. Начинаем по спирали набор безопасной. Движки, повинуйсь воле

командира, вслед за ручкой «Шаг–Газ» мощно тянут нас вверх. И вдруг в эфире ровный спокойный голос командира 24-ки сопровождения:

- Грузовые, повнимательней, по вам работают ДШК.

Ныряю головой в левый блистер. В левой полусфере, чуть сзади на земле у подножия горы, яркие до голубизны сварочные сполохи. Докладываю командиру:

- Слева сзади наблюдаю работу ДШК!

Командир отзывается:

- Экипаж, усилить осмотрительность!

Мгновенно, точно ожидая этой команды, в грузовой кабине – удар. Кулаком по ручке выбиваю двери экипажа. Сзади на грузовых створках светятся два отверстия. Сдергиваю лямки парашюта и прыгаю туда. Осматриваю: два отверстия, одно ровное – вход снаряда, второе рваное – выход. Агрегаты, трубопроводы не задеты – слава Богу. Механик, бросив автомат на пол, дрожит на дюралевом ящике с чехлами. Тормошу его за плечо:

- Серега, ты чего не доложил-то?

- Техник, я – я...

Машу рукой, от него сейчас ничего не добьешься. В кабине успокаиваю командира:

- Петро, пока все нормально, на земле разберемся.

Ведомый уменьшает дистанцию, чтобы наблюдать за нашим бортом со стороны задней полусферы. Сопровождение также подтягивается, и теперь наш борт как бы окружен эскортом: впереди пара МИ-8 и МИ-24, сзади наш ведомый МИ-6. Становится легче и спокойней – чувствуется поддержка боевых друзей.

Об обстреле по дальней связи сообщил наш бортрадист, и на стоянке нас уже ожидает группа инженеров и спецов из ПАРМа.

Выключаем двигатели и начинаем тормозить НВ. Замечаю вдруг, что одна лопасть впереди ниже других выскакивает из плоскости, ометаемой винтом. Отчаянно жестикулируя руками, разгоняю подальше всех встречающих. Меня, кажется, понимают моментально – наземники быстро разбегаются на безопасное расстояние. Все понимают, чем грозит удар семисоткилограммовой лопасти. Теперь инструктаж командиру:

- Петь, пропускай пока выпадающую лопасть и плавненько тяни тормоз, а как только она будет приближаться к земле, резко двумя руками хватай его до упора – только так мы не отрубим балку.

Наш командир – прилежный ученик, а главное здоровенный, как буйвол. По моему сигналу он и одной рукой так зажал тормоз, что в кабине тут же

запахло горелыми колодками. Высовываю голову в верхний люк – выпавшая лопасть раскачивается справа в полуметре от хвостовой балки.

Открываю трапы и вылезая наверх для осмотра, за мной карабкаются инженеры из ПАРМа. Так и есть: тяга ЦОС перебита стальным сердечником пули из ДШК. Осознаю: родились мы в рубашке – возьми пуля на пять сантиметров ниже, и наш борт камнем закувыркался бы вниз с перебитым автоматом перекоса. Из печальных раздумий выводит голос инженера кабульского полка:

- Ну, что, бортовой, дырки в створках тебе сейчас залатают пармовцы, ЦОС снимем с ремонтной втулки и вместе с краном подгоним часа через два. Сам-то заменишь?

- Заменю, а кого еще выдергивать?

- Ну, молоток, пока делайте слепополетную, да осмотрите все хорошенько, может, еще где попадания.

Больше повреждений мы не обнаружили. Пармовцы со своей слесарной группой так и не появились, и пробоины пришлось латать самому кусочками дюраля и саморезами. Когда закрасил эти места бортовой шаровой краской, получилось вполне прилично. Пробоины на всякий случай сфотографировал своим стареньким «Зорким-С», привезенным еще из Союза.

Подъемный кран с ЦОСом подкатил только в сумерках, менять пришлось при свете автомобильных фар.

Глава 32.

Наутро командир осмотрел латки на пробоинах и, оценив мою работу, похвалил:

- Ты смотри, почти как на ремзаводе. Медаль тебе обеспечена, а то и орден!

- Служу Советскому Союзу и Апрельской Революции, - шучу я.

После словесной разминки проверяем работу ЦОС. Гоняем НВ на всех режимах - замечаний нет, все в норме.

Командир со штурманом уходят на КДП докладывать о вводе вертолета в строй и уточнять полетное задание на сегодняшний день. Подходят экипажи с бортов сопровождения, с ними какой-то древний прапорщик, лицо вроде знакомое, где же я его видел? Стоп, стоп, да это же Коля Мучак, мой однополчанин по Калиновскому полку. Обнимаемся.

- Коля, ты как здесь?

- Беда привела, сбили нас, списываюсь, отлетался...

Коля - классный радист, имеет огромный налет на МИ-6 и, что особенно ценилось в их профессии, стучал на дальней связи в «режиме ключа»

неимоверное количество знаков в минуту. А еще был фанатом парашютного спорта, но, насколько я помню, особым почетом у командования не пользовался, так как был беспартийным и любил иногда приложиться к рюмке. И вот Коля поведал нам свою историю:

- Сбили нас под Кандагаром. Борттехником пришел сопливый лейтенант, который сразу после взлета разулся – жарко, видите ли. Я ему полчаса долбил: «Обуйся, не дай Бог, прыгнуть придется». А он в ответ: «Да брось ты, зачем прыгать-то, тут и так хорошо», - и смеется. «Игла» влетела в правую выхлопную сразу после его смеха, накаркал, видно..., - рассказчик долго молчал, - в грузовой море огня, борт начал рыскать по тангажу и крену. Командир еще держал ручку, чтоб и мы успели. Ну, а мне-то прыгать через блистер борттехника... Словом, отстрелил я ему калитку и вышиб его за борт. Прыгнул сам ... Дотянул кое-как клевантами до подножья горушки и только загасил купол, слышу: кто-то орет недуром, будто специально «духов» созывает. Я подвесную скинул и бегом по склону к нему. Лейтенант упал на скальную осыпь, пятки, конечно, раздробил – весь в кровище и орет: «Дядя Коля, спаси!» Рот я ему сразу затянул в два узла рукавом своего тельника, потом жгутами из строп перетянул ноги в щиколотках, чтоб кровью не истек... Ну, потом взвалил на спину и попер в сторону равнины, а тут-то и ПСС не сел бы. Светлого времени у нас оставалось около часа, Р-855 на «Маяк» я включил сразу. Знал я, что у «духов» наши частоты прослушиваются, да выбора у нас не было – ночью ПСС искать не будет, а «духи» с собакой сразу вычленят. На востоке уже напоздали сумерки, когда застрекотал ПСС, сразу пустил в его сторону ракету и рванул ПСНД. Восьмерка быстро нас заметила, подседа и забрала. На борту уже сидели штурман с праваком – их нашли раньше. Механик, видно, сразу сгорел после взрыва, и командир прыгнуть не успел – нас спасал...

Подошли командир со штурманом. Задание на сегодня: доставляем в Газни продовольствие и боеприпасы, оттуда в Кабул молодое пополнение для Народной Армии. С доставкой груза проблем не возникло, все как обычно: загрузка, размещение согласно центровки, швартовка, чуть больше часа лета и выгрузка. А вот «молодое пополнение» ... В очередной раз убеждаемся, что все в мире относительно. Это самое пополнение сгрудилось на краю площадки в какой-то табун; вокруг прогуливалась охрана – сорбозы с вытертыми добела, наверное, еще времен Великой Отечественной, автоматами ППШ. Возраст пополнения, как объяснили советники, от 17 до 55-ти лет. Вот так «молодое»! Причем если вербовщики не сгонят их днем из горных селений в равнину на аэродром, то вечером «духи» точно уведут в банду. Начинаем убеждаться на деле, что принципами марксистских идей

Апрельская революция никак не подкреплена. И наш «интернациональный долг» тут явно отдавать некому. Над толпой новобранцев тем временем поплыло сизоватое облако с приторно-сладковатым запахом. Это тоже - Анаша,- опять комментируют советники.

Над толпой возникает японский «Сони», из которого льется какая-то восточно- грузино- арабская мелодия. Начинаются танцы. Это тоже помесь, но чеченской лезгинки с украинским гопаком. Танцоры начинают входить в азарт, особо ретивых сорбозы стволами автоматов, смеясь выталкивают из толпы. Веселье продолжается минут двадцать, затем переводчик выключает магнитофон. Пока советники объясняют пассажирам правила поведения на борту, открываю створки и опускаю трап. Шучу:

- Добро пожаловать, путь в светлое будущее вам открыл русский капитан Гена Михеев.

Советник показывает мне кулак. Идет загрузка. Охрану забираем с собой в качестве сопровождающих- мало ли что придет в голову этим обкуренным призывникам. Советника забираем в свою кабину, надеваю на него подвесную систему и пристегиваю нагрудный парашют. На порог кабины сажаем механика с автоматом. Все. Запускаемся от своего источника, висим и взлетаем парой вслед за сопровождением. До Кабула на сей раз дотопали без происшествий.

Глава 33.

Как-то незаметно, без наступления осени, подкралась зима. Темнее и холоднее стали ночи. Снежные шапки на горных вершинах стали еще белее. Опять работаем в Кабульской зоне, хотя работой это можно назвать с большим натягом – каждое утро проходим медконтроль, гоняем движки на всех режимах и до обеда сидим на борту – ждем погоды. Кабульский полк летает, их «двадцатьчетверки» и «восьмерки» ходят на сопровождение колонн, на операции, на поддержку наземных войск, дежурят на ПСС. От нечего делать глазеем, как они заходят на посадку. Кажется странным, что схема захода строится «по коробочке», как будто мы дома в Союзе и нет никакой войны. Вот пара «восьмерок» снижается после четвертого разворота по глиссаде на ближний привод, садится и сруливает на РД, освобождая полосу для очередной пары, вот еще пара «восьмерок» в точности повторила их маневр и заруливает на свои стоянки. На посадочном пара «двадцатьчетверок», ведущий уже прошел ближний привод, ведомый немного отстал и вдруг из-за ближайшего виноградника вырывается столб дымно-красного пламени, молнией устремляется вверх и через секунду

врезается в правый борт ведомого. Его лопасти начинают вращаться каким-то рывками, раздаётся громкий, слышный даже нам, скрежет. Хорошо видно как из первой кабины вываливается оператор и камнем летит вниз – его парашют не раскрывается. Из второй кабины прыгает командир, за ним жгутом тащится его купол и только он начинает наполняться, как летчик вываливается из подвесной. Что есть духу мчимся к месту падения борта, но уже через минуту сумасшедшей гонки нарываемся на оцепление. Возвращаемся. Закрываем борт и опустив головы, понуро тащимся в модуль. Командир поворачивает на КДП. Ждем его до вечера. Наконец он появляется, просит сигарету, отрывает фильтр, прикуривает. Какое-то время молчит, затем срывается и со всего маха трескает своим кулачищем по столику в курилке:

- Уроды! Твою мать!.. Не дали паре отработать, ушла «Тойота» прямо по трассе. «Восьмерки» уже висели над ней, НУРСов полные блоки... Да пока запросили РП, тот связался с Ташкентом, затем с Москвой, ну «Тойоты» к тому времени след простыл.

Оказывается, пуск ракеты был с грузовой «Тойоты» с трассы, проходящей рядом с аэродромом. Работа ПЗРК засекала пару «восьмерок» которая была на кругу и отходила от третьего разворота к четвертому. Самовольное уничтожение цели в этом случае грозило трибуналом, а многократные запросы привели к тому, что «Тойота» скрылась.

Вот на такой войне нам приходилось отдавать интернациональные долги.

Работу всех типов вертолетов в Кабульской зоне запретили до окончания расследования ЧП. Запрет касается и нас, ждем «добра» на Кундуз, домой. Команду «добро навывлет» дается из вышестоящего, «высокорасположенного» как мы шутили, штаба и включает в себя и погоду на маршруте, и свободный от других бортов эшелон, и оперативную обстановку, а за частую личное желание или нежелание чиновников от авиации с большими звездами на погонах. При удачном совпадении всех этих факторов и дается команда «добро».

Наконец от КДП мелкой рысью несется штурман, в одной руке у него портфель с картами, другая вращается над головой. Данный жест в авиации означает только одно – запуск. Взлетаем с основным курсом, мелькают виноградники и трасса, с которой позавчера ракетой влупили по «двадцатьчетверке». Отстреливаем АСО, кроме того нас своими бортами прикрывает сопровождение – в случае пуска они примут удар на себя. Вот оно фронтовое братство. Спасибо ребята! Набираем безопасную высоту над аэродромом, но перед уходом на Саланг просим командира пройти над местом гибели нашего МИ-6. Штурман тычет пальцем вниз – это склон горы,

покрытый огромным черным пятном – след от сгоревшего керосина. Открываю блистер и выбрасываю за борт пять цветных открыток, на каждой надпись - «Прощайте, ребята». Все четыре борта – пара МИ-6 и пара сопровождения качнули крыльями, заложили левый крен и с набором пошли в сторону Саланга.

Глава 34.

На Новый Год замполитом был объявлен конкурс на лучшую комнату. Во внимание принималось все – от убранства комнаты до оборудованных над каждой кроватью «семейных уголков». Призом являлась торжественно продемонстрированная перед строем бутылка спирта. Работа закипела по всем комнатам. Часть народа потянулось к МИ-8ым, у тех могло быть трофейное оружие, часть – в женский модуль, там надеялись пожить ёлочными игрушками. Наш механик подогнал от земляка из пехоты пулеметную ленту, набитую гильзами от крупнокалиберного пулемета. Доставил он её к модулю на БТРе, который лихо развернулся, низко присев на гусеницы прямо у крыльца, обдав солярной гарью случившегося по близости замполита. Серега тут же схватил выговор, а лихой водила – строжайший телефонный звонок с матюгами своему командиру. Как бы то ни было, а ленту мы приколотили к стене, другую стену украсили куполом парашюта, придавив его бронежилетом и солдатской каской, вместо абажура был использован купленный механиком в Кабульском аэропорту полиэтиленовый пакет с изображением аппетитной части женского тела, туго обтянутой джинсами «Levis».

Первое место заняла комната с ёлкой. На это чудо пришло полюбоваться даже командование соседнего полка и отдельной боевой эскадрильи. Ёлка в Афгане – это вообще что-то неземное и доставил её почтовик нашему командиру экипажа Славе Ускову – непревзойденному гитаристу, отчаянному ловеласу и вообще рубахе-парню.

За столом четыре традиционных тоста, затем перекур на улице в беседке. От соседнего модуля в небо взлетает серия ракет – Новый Год все-таки. Радости особой никто не испытывает, хочется домой. Подходит солдатик-дневальный:

- Товарищ капитан, Вас к телефону.

Бреду к тумбочке дневального, а сам мучаюсь в догадках, кто бы это? В трубку кричат:

- С Новым Годом, земляк! – конечно это Петро.

- Я сейчас подскочу на УАЗике и айда к нам, у нас весело!

Действительно, от взлетки в нашу сторону пылит машина. Прыгаю на заднее сидение и обнимаю земляка за плечи:

- С Новым Годом!

У вольнонаемных в модуле и в правду весело. В углу вместо елки в деревянной кадке наряжена большая пальма, на стенах и люстре елочные игрушки и мишура. За богатым по военным меркам столом молодые ребята и несколько девчат, в углу два прапорщика в застиранной, но аккуратно выглаженной полевой форме – «афганке». При моем появлении они вежливо привстают, по пехотным меркам «капитан» - это уже звание. Сразу пробираюсь к ним, жму руки, знакомимся. Петя сегодня приготовил всем сюрприз и собрал у себя земляков – ребята призваны из Тамбовского училища связи и служат в боевом «полтиннике», пехотном полку, что расположен поблизости. Из графина в «нурсики» булькает рябиновая настойка домашнего приготовления. Меня вдруг охватывает какое-то необузданное веселье. Беру оказавшееся поблизости огромный фужер, выливаю туда содержимое своего «нурсика», затем добавляю из графина и прошу слова. Петро приглушает стоящий на полке «шарп», стучит вилкой по тарелке и просит тишины.

- Друзья, - начинаю я, – пусть этот Новый Год нам довелось встречать в не совсем обычной обстановке. Естественно, что каждому из нас хотелось бы оказаться в кругу своих близких – родителей, жен, детей... Но здорово уже то, что даже здесь в этой далекой и чужой стране мы находим друзей, с которыми жил когда-то в одном городе, ходил по одним улицам, дышал одним воздухом. Поэтому мой тост – «за друзьями»!

Моя речь была встречена аплодисментами. Ну а после выпитого полного фужера прапорщики меня совсем зауважали. Плавной рекой потекла беседа. Обсуждали вопросы нашей политике в Афганистане, вспоминали эпизоды боевых действий, возвращались к мирной жизни в Союзе. Опять включили музыку, стол был сдвинут к окну, начались танцы. Надеваю свою кожанку и выхожу на улицу. В углу беседки огонек сигареты. Шутливо вопрошаю:

- Разрешите присутствовать?

Женский голос отвечает:

- Пожалуйста.

Чтобы как-то поддержать беседу продолжаю:

- И что мы курим, мадам?

- «Что» - это в смысле «зачем», или «какие сигареты».

- И то, и другое, наверное.

- Вообще-то я не привыкла отчитываться перед первым встречным, но сегодня Новый Год. - Помолчав немного, добавила:

- Кроме того, мне понравился Ваш тост, от души, по крайней мере. Ну, а сигарета помогает мне думать. Надеюсь, Вы не будете отрицать, что женщине на войне есть о чем думать.

- Вы правы, безусловно, только..., - на мгновение задумываюсь: как бы не обидеть неожиданную собеседницу, - может, женщине лучше думать о муже, детях, моде, пирогах в уютной тиши собственной кухни?

- Да, конечно, если есть и квартира, и кухня.

Какое-то время оба молчим. Первая заговорила женщина:

- Не знаю зачем, но я расскажу Вам, о чем думает женщина на войне, тем более, что сегодня мне, кажется, попался интересный собеседник. Вы не против?

- Конечно же, нет, наоборот, мне это будет очень интересно.

- Тогда давайте знакомиться - Татьяна, - протянула она руку.

- Капитан Михеев, то есть Гена, - смущаюсь я.

И опять повисла тишина. После некоторых раздумий опять заговорила женщина:

- Родилась и выросла я в Новокузнецке, точнее в Прокопьевске. У нас была большая и дружная семья, шахтерская династия. Папа и два брата работали на шахте в забое. Муж тоже был шахтер, горноспасатель. Я после института работала заведующей клубом в аэропорту. Жили весело: спектакли, артистические посиделки, КВН, турпоходы, летом сплавились на байдарках по сибирским рекам. Дети, а их у нас трое, мальчик и две девочки-близняшки, всегда были с нами. Женщина закурила новую сигарету и надолго замолчала. Я не торопил ее, видимо, ей было над чем подумать. В очередной раз глубоко затянувшись, она, наконец, продолжила:

- Пока не произошла катастрофа. В дальнем забое взорвался метан, наверх не вышли двенадцать шахтеров. Трое суток горноспасатели били шурф из заброшенного ствола им навстречу. На четвертые прогремел второй взрыв. Теперь в забое осталось шестеро горноспасателей, бригадиром у них был мой муж... Так я осталась одна с тремя детьми и больной матерью на руках в одной комнате рабочего шахтерского общежития, барака, в сущности. А благоустроенную трехкомнатную квартиру секретарь парткома обещал нам уже пятнадцать лет, продолжал обещать и на поминках. Заведующей клубом как-то п-степенно назначили дочку начальника шахтоуправления, а меня перевели в кассиры-билетеры с достойной по нашим временам зарплатой – восемьдесят рублей. Трехкомнатный кооператив у нас стоит около двадцати тысяч. Пошла в военкомат, пыталась завербоваться вольнонаемной в Германию, Венгрию или Польшу, но мне поставили жесткие условия - только после Афганистана. А теперь, товарищ капитан, догадаетесь с трех

раз, сколько лет мне потребуется, чтобы стиркой бинтов и медицинских халатов заработать на квартиру?

Ошарашенный неожиданной откровенностью собеседницы и, чтобы хоть как-то ее успокоить, я начал лепетать что-то о временных трудностях, о задании Родины, о братской помощи народу Афганистана. Татьяна неожиданно резко оборвала меня:

- Да брось ты, капитан! Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

Спрыгнув с высокой лавки, отряхнула брюки и быстро зашагала в сторону женского модуля.

Глава 35.

Выходных в Афганистане не бывает, поэтому уже второго января нас планируют на Файзабад, будем возить керосин для двадцатьчетверок боевого полка.

Борт опробован и осмотрен, вроде бы, все нормально. Но какая-то неустроенность и дискомфорт не дают покоя, может, это и есть шестое чувство? Беру длинную шестиметровую дюралевую лестницу-стремянку и устанавливаю ее на хвостовой редуктор. Словно обезьяна, карабкаюсь вверх. Покачиванием в шарнирах проверяю лопасти хвостового винта, тяги разворота, шланги спиртсистемы – все нормально. Берусь левой рукой за гайку крепления втулки, и вдруг мелкие мурашки поднимаются и бегут по телу до самых корней волос: гайка, которая затягивается одновременным усилием троих человек, законтрена и зашплинтована, но болтается от руки – она не затянута. Вес хвостового винта шестьсот тридцать килограммов, и он стабилизирует в полете реактивный момент от семитонной массы несущего винта. В общем, история авиации не знает случая, чтобы экипаж покинул машину при отказе хвостового винта в полете. Шапка на голове медленно приподнимается.

А к нам с КДП уже спешит экипаж. Докладываю:

- Товарищ командир, вертолет к полету не готов.
- Что у тебя опять стряслось?
- Хвостовая гайка не затянута.

Иванцов в сердцах бьет шлемофоном о бетонку и сам лезет на стремянку. Кричит сверху:

- Точно, не затянута! Так давай затягивай и полетели.
- Нет, командир, боюсь, что это выработка шлицов. Затяжка здесь ничего не даст, надо снимать винт.

Комэска спускается на бетонку и медленно приближается ко мне.

- Борттехник, ты что под трибунал захотел? Это же срыв боевого задания!
- Срыв или не срыв – разберутся кому положено, а я никуда не полечу.
- Ну, ты меня достал окончательно, о наградах можешь не мечтать!
- Я это уже слышал, командир, - и, чуть подумав, добавляю, - в Кагане. Орденов не надо, увезти бы собственную шкуру, не пробитую, да и цели и задачи, которые мы здесь выполняем, гораздо важнее любых железок. Разве не так? В общем, жду от Вас письменного приказа о вылете на неисправном вертолете.

Иванцов махнул рукой и побежал к инженеру выбивать запасной борт.

На полеты нас пока не планируют – ждем представителя МАП из Союза. Ходим в наряды, обустройстваем территорию вокруг модуля, по полдня прожариваемся в сауне.

Неожиданно наш отдых прерывается очередной армейской заморочкой. На утреннем построении Иванцов объявляет:

- Сегодня начинаем строительство казармы для солдат, привлекаются все свободные от полетов офицеры и прапорщики. Стройматериалы начинают подвозить уже сегодня. К работе приступаем сразу после построения. У кого есть вопросы?

Поднимаю над головой сразу две руки:

- Капитан Михеев. У меня вопрос, товарищ подполковник. А по какому уставу летный состав, я имел в виду офицеров, обязан строить солдатам казарму, по английскому или по американскому? В уставах Советской Армии я такого что-то не встречал.

Над строем гремит командирское:

- Вольно! Разойдись! Капитану Михееву остаться для уточнения требований пунктов устава.

Народ потянулся в курилку. Любопытные, а их у нас хватает, стайкой похихикивают рядом.

- Так вот, товарищ капитан, - продолжает Иванцов, - в уставах Советской Армии есть еще статьи о беспрекословном выполнении приказаний, а уж потом, если возникнет желание, их обжаловать. Это понятно?

- Ну, еще бы! Конечно, понятно! Приказ есть приказ, тем более, во время ведения боевых действий. Вы, товарищ подполковник, видимо, меня неправильно поняли или не поняли совсем. Боже меня упаси от невыполнения приказа, я не собираюсь отказываться от строительства. Мне бы только узнать, какой устав: «Внутренней «Караульной» службы или «Дисциплинарный» требуют от офицера немедленной переквалификации в строители и чернорабочие. А то ведь у меня за все годы службы в Советской Армии, пока я дослужился до капитана, сформировалось, наверное,

ошибочное мнение о том, что моряки должны бороздить морские просторы, артиллеристы метко посылать снаряды в цель, авиация безраздельно господствовать в воздухе, ракетчики продолжать осваивать космос, пехота истреблять живую силу противника, ну, а строители просто строить. Разве не так?

Иванцов, как саблей, резко рубанул воздух:

- Поднимаю вопрос о твоём поведении на ближайшем партсобрании.

Обреченно опускаю голову:

- Что ж, проживем, увидим.

Глава 36.

В середине февраля, наконец, появился представитель авиационно-ремонтного предприятия. Диагноз его прозвучал, как приговор: менять хвостовой винт и хвостовой редуктор из-за выработки шлицов.

Казарма к тому времени была построена и сдана старшине, что называется под ключ. Все силы освободившегося техсостава были брошены на восстановление моего борта. Замена была проведена в сжатые сроки, и уже на следующий день мы облетывали машину в районе аэродрома.

На сегодня вылетов нам больше не планируют, чехлим кабину и отправляемся на отдых. Возле модуля столпотворение. Раздвигаем толпу, и – о чудо! – возле сооруженного нами из лопастей МИ-8 памятника погибшим вертолетчикам стоит пушка. И не какая-нибудь завалящая «сорокапятка», а прямо-таки раритетная, видимо, еще времен войны с англичанами, стреляющая ядрами. Два деревянных колеса ее выполнены из дуба и стянуты коваными стальными обручами. Кованый же лафет имеет клиновые приспособления для прицеливания. На казенной части – арабской вязью орнамент и какие-то буквы. Интересуемся:

- Откуда эта музейная редкость?

- Славик Усков от МИ восьмых прикатил. Он давал у них концерт авторской песни под гитару. Ну, а те расплатились трофейной пушкой.

Ходим вокруг, посматриваем и ощупываем это изделие древнеарабских пушкарей. Вполне естественно, что мы не можем испытать ее в деле. Начинают выдвигаться предложения одно фантастичней другого. Кто-то предлагает набить пушку галькой и произвести из нее шрапнельный залп. Другие настаивают на выстреле штыковой лопатой на дальность. Третьи хотят просто сделать холостой выстрел, как знаменитый крейсер «Аврора» в 1917 году.

В юности я был бессменным капитаном школьной команды КВН, а также застрельщиком различных приколов и розыгрышных мероприятий. Вот и сейчас я задался целью использовать трофей с максимальной выгодой для престижа нашей отдельной советской эскадрильи МИ-6. Надо заметить, что приколы в авиации дело очень тонкое, и здесь главное не перегнуть палку, иначе все заранее так скрупулезно и гениально выстроенное может рухнуть в одно мгновение.

Начинаю издали:

- Мужики, а ведь до замены-то каких-то полгода осталось.

- Ну и что? Если вдарим из пушки, замену отобьют что ли?

- Не смей ты, капитан, дембель, как говорится, неизбежен.

- Наоборот, мы только поднимем свой авторитет в гарнизоне. А то только и слышишь, что, мол, мы, «восьмерки» и «двадцать четверки», на операциях да на ударах, а вы «кичкалдаки» дрова и орехи в тыл возите.

- Нет, кого бояться? Мы же на войне, надо стрелять.

- Даю страстям ещё поднакалиться и снова вступаю в разговор:

- Товарищи летчики и наземные специалисты, да разве ж я против! Стрелять, и никаких гвоздей! – на ходу перефразирую гениальные строки пролетарского поэта, - надо только произвести залп с максимальной для нас пользой.

- Ну и как это? – живо интересуется Трифон.

Продолжаю реализовывать свой коварный план:

- Я же начал про заменщиков, да вы перебили.

- Давай, давай, Алексеич, чего там. Ты инструктор, мы тебе верим.

Здесь необходимо напомнить, что в авиации за все свершившиеся и еще планируемые ЧП всегда отвечал не истинный виновник и непосредственный исполнитель, а присутствующий при сем старший по званию. Таковым старшим я сейчас и являлся, так как пушку в данный момент окружала толпа младших офицеров и прапорщиков. Но пути назад уже нет – я не хочу, чтобы меня сочли трусом. Начинаю отдавать распоряжения:

- Боня, помнится мне, когда возили боеприпасы, один ящик упал, из него выпали мешочки с макаронинами – это был порох. Ну вот, зная твою тягу к пироэффектам, я не поверю, чтобы ты не притырил несколько мешочков. Тащи сюда, давай. Но главное – не забудь АСОШки, знаю, у тебя есть.

Теперь задание моему механику прапорщику Рощину:

- Серега, сегодня я видел, что в стиральной машинке закручивал белье всеми нами любимый комендант модуля, и по совместительству стукач-осведомитель у комэски, прапорщик Себулов. По моим подсчетам, белье это теперь развешено в сушилке. Принеси его сюда – это будет наш пыж.

Старшине остается самое простое:

- Остап, достань, будь любезен, штыковую лопату из бытовки, надо же чем-то этот пыж забить.

Ну, а сам я занялся самым важным, на мой взгляд, и ответственным – изготовлением снаряда. Для этого из ближайшего мусорного контейнера мной была извлечена банка из-под импортного лимонада «Си-си». Ко всеобщему изумлению тара из-под датского напитка в точности соответствовала калибру средневековой арабской пушки. Банка тут же была набита и утрамбована песком из пожарного ящика. Подтянулись мои посыльные с порохом, себуловскими майками и трусами, прибежал и старшина с лопатой. Участники мероприятия стали допытываться:

- Алексеич, а где фишка-то? При чем тут заменщики?

- Объясняю для «дуборезов»: когда после напряженной и опасной боевой работы мы ощутим, что в полной мере выполнили свой интернациональный долг перед братским народом Афганистана и в небе над аэропортом Кундуза, как мелодия божественной флейты, раздастся звук авиационных двигателей борта с заменщиками... Что они сделают? Правильно, они поприветствуют нас фейерверком сигнальных ракет и «АСО». А чем мы ответим? Уразумели? То-то же! Мы им ответим нашим салютом с земли. Мол, добро пожаловать, ребята!

- Ну, ты, дед, голова! Надо же до такого додуматься.

- А что? Правильно, пусть знают заменщики, что и мы не лыком шиты.

- Ладно, отставить разговоры! Приступаем к подготовке пробного выстрела. Первый банкой «Си-си» предлагаю произвести в сторону ненавистой «зеленки» с углом превышения сорок пять градусов.

Сказано - сделано. Боня разорвал мешочек, проворно набил порохом жерло пушки, и, когда уже собрался забить пыж, я остановил его.

- Слушай, Сань, а это не слишком много? Ведь будет сильный грохот, и вряд ли нам дадут сделать контрольный выстрел с АСОШками. Давай отсыпай. Лейтенант заартачился было, но перспектива будущего второго залпа все же победила. Толпой перевернули пушку и отсыпали чуть ли не половину заряда. Наконец наше орудие оснащено порохом, утрамбовано пыжом, забито снарядом. Разворачиваем лафет так, чтобы ствол был направлен на зеленку и поднимаем его градусов на сорок-пятьдесят. Теперь самое ответственное – запалить порох. Загоняю всех присутствующих за барьер курилки и вставляю в отверстие затравки пороховую макаронину. Поджечь запал, конечно, вызывается главный пиротехник лейтенант Лупанов по кличке Боня. Он чиркает спичкой, порох загорается сразу же. Наш

бомбардир прикрывается меховым воротником летной куртки, но от пушки не отходит. Ору ему:

- Саня! В укрытие! Убегай, или тушу запал!

Лупанов медленно отходит. Из верхнего отверстия пушки тем временем, будто из реактивного сопла ракеты, с характерным гулом вырывается струя раскаленных газов. К нашему великому сожалению, ничего не происходит – пушка не стреляет. Гул начал было стихать, столб пламени стал оседать, и, когда мы уже собрались подходить, раздается взрыв, из жерла что-то мелькает и тут же скрывается из глаз. А вот пыж – это хорошо видно – уходит на высоту, там медленно разворачивается, превращаясь в темно-синие прапорские трусы, и подхваченный воздушным потоком плавно уходит в сторону зеленки.

Но основные события разворачиваются на земле. Из санчасти, над крышей которой пролетел наш снаряд, выскакивает разъяренный болезный народ во главе с замкомэской майором Канаевым, который на ходу застегивает брюки – он уже вторую неделю мается животом. Несмотря на холод на нем одна тельняшка. Окинув быстрым взглядом нашу артиллерийскую позицию, он сразу все понял и поманил меня пальцем. Уповав на то, что повинную голову меч не сечет, бреду к командиру. Понимаю, надо бы извиниться и попытаться как-то загладить происшедшее, но не могу сдержаться и взрываюсь приступом хохота. Саня нормальный мужик, он видит, что все обошлось без травм и происшествий, улыбается и говорит:

- Ладно, завязывайте со стрельбами, в пушку забейте камень. Если Себунов не заложит комэске, я ничего не видел. Протягиваю руку:

- Спасибо, командир!

- Все, давайте в модуль.

У пушки меня снова настигает «Боня»:

- Ну, что, капитан, влетело?

- Да, так, рикошетом...

- И что будем делать? У меня же еще порох остался.

- Ну, ты, Саня, действительно фанат-пиротехник. Я же от Канаева еле отбил, давайте завязывайте, иначе будет скандал.

Тем временем начало темнеть. Народ потянулся в столовую. А «Боня» все настаивал:

- Геннадий Алексеевич, ты иди ужинай, потом иди в кино, смотри «Ленина в Октябре» и спокойно жди окончания испытаний. Ну, а в случае чего, мы тебя не видели и не знаем.

Я задумался, а потом махнул рукой:

- А-а-а, делайте, что хотите, все равно вас не остановишь.

Аппетита не было. Выпил два стакана крепкого чая и вышел на улицу. Направился в сторону клуба. Но не успел я дойти до крыльца, как со стороны нашего модуля раздался страшной силы взрыв. Небо над головой расцвело десятками и сотнями мелких звездочек, которые взлетали, казалось, в самую стратосферу и на вершине излета, плавно изгибаясь и дробясь на мельчайшие искорки, устремлялись к земле. В начале и конце ВПП вспыхнули мощные прожекторы и тут же четыре гигантских бело-голубых луча зашарили в небе. Из охраняемой зоны по всему периметру аэродрома вверх устремились пунктирные строчки трассеров. Завыла сирена.

Подбегаю к модулю и наблюдаю такую картину: в центре освещенного круга стоит вооруженный автоматами патруль из полка, рядом, опустив головы «Боня» и два прапора-его помощники. Здесь же Себунов, загибая пальцы, что-то рассказывает комэске. Чуть в стороне валяется перевернутая вверх колесами пушка.

Наконец паника и суматоха постепенно стихают, народ посмеиваясь и отсвечивая огоньками сигарет начинает, было, разбредаться, но звучит команда «строиться». После краткого предисловия об интернационализме и патриотизме, на середину строя выводятся капитан Михеев, старший лейтенант Лупанов, прапорщик Рошин. Невзирая на требования уставов и воинскую субординацию, всем объявляется по выговору. Ну, а мне, как старшему по званию, - строгий выговор. Формулировка: «за нарушение общественного порядка». Слава Богу, еще легко отделались. Командир тем временем продолжает:

- Никому не расслабляться - завтра работаем: Битеряков, борт 43, Кундуз - Файзабад - Кундуз; Головач, борт 45 Кундуз – Пули - Хумри – Кундуз; Чоломов, борт 41, Кундуз – Кабул – Кундуз.

Понятно, мы с Петром опять на рубеже атаки.

Глава 37.

- Командир, опасная вибрация, правая трансмиссия 160 мм/сек.

Только этого не хватало. Опять работаем в Кабульской зоне, взлетели с Гордеза и на тебе...Отстегиваю подвесную, потуже затягиваю шлемофон- в отсеке редуктора ужасный грохот – и лезу по стремянке наверх. Накладываю руку на кожух – она тут же немеет, вибрация реальная.

- Командир, убирай обороты правому, вилка не более 10%. Как понял?

- Понял, убираю правый, - вторит в СПУ капитан Чоломов. И сразу по командной:

- «Бегония» борт 4.32 вибрация правого двигателя, возвращаюсь на точку.

Сели нормально, даем команду на разгрузку. Осматриваем датчики вибрации, крепление узлов двигателя - все в норме. И тем не менее, как говорится, дефект имеет место быть.

- Что будем делать, инженер? - повышает меня в должности командир.

- А что делать, докладывать на базу, пусть думают.

- Ну, а мы на что? - продолжает упорствовать Петя.

- Довожу для непонятливых. Борттехник обязан грамотно эксплуатировать вертолет на земле и в воздухе. Заметь, эксплуатировать, а не ремонтировать- начинаю заводиться я.

- Ладно, твои предложения.

- Отдыхать, утро вечера мудренее.

Весь экипаж «За».

На следующий день гоняем движки на всех режимах. И вместе, и отдельно. Выключались. Осматривали. Опять запускались - все бесполезно. Рука на кожухе трансмиссии по-прежнему немеет.

Совещались до обеда. Наконец принимаем коллективное решение- экипаж пересаживаем на «восьмерку», а мы с командиром перегоняем борт в Кабул. Сказано, сделано. Запускаемся, вибрация по прибору опять повышена. Долго, насколько позволяет площадка, бежим. Взлет. Красная лампочка опасной вибрации бьет по глазам. Выключаю тумблер ИВ- 200, так спокойней. Плавно, не перегружая двигателей идем в набор. На эшелоне немного убираем обороты аварийного двигателя. Открываю дверь в грузовую - так мы быстрее услышим опасный скрежет. Выключаю у бортрадиста магнитофон - самописец МС- 61 по прозвищу «Шпион» и запрашиваю в СПУ:

- Командир, ты «Отче наш» знаешь?

- Да нет, откуда?

- Самый раз бы сейчас читать...

- Сядем, прочитаем.

- Да, - откликаюсь я, - если сядем.

«Восьмерка», наше сопровождение, совсем рядом впереди и чуть выше в левом пеленге. Их экипаж постоянно на связи, это немного успокаивает. Высота чуть больше 2000м, идем без набора и без снижения. При возникновении аварийной ситуации так проще принять решение на вынужденную посадку или прыжок. Под нами однообразно тянется унылый ландшафт пустыни. Барханы, мелкие горюшки с какой- то чахлой растительностью, русла высохших ручьев и рек.

Не выдерживаю молчания:

- Петро, как управление?

- Да пока нормально, слава Богу.

- Ты вилку так и держи в десяти процентах, не меньше, но и не больше. Раз машина идет в таком режиме, значит все в норме.

- Понял.

На снижении и заходе убираем обороты обоих двигателей насколько возможно. РП дал команду на заруливание прямо в ТЭЧ, где нас уже ждала группа замены. Возглавлял ее Леша Неводчиков, мой сослуживец по Могочинскому полку. Пока работаем на малом газе, Леша уже облазил и ощупал из грузовой кабины все, до чего можно дотянуться. Проходит ко мне в кабину, обнимает за плечи:

- Ну, как матчасть?

- Матчасть, Леша, дергается и вибрирует!

- Счас, соосность отобьем, всего и делов-то.

- А в Кундузе ты не мог отбить, чтобы твой боевой товарищ в полете преждевременно не седел, да не ерзал полтора часа одним местом по парашюту.

- Почему не мог? Мог, да замечаний по работе авиатехники не было.

- Ладно, твоя взяла. Открываем трапы, полезли наверх.

Надо признать, что капитан Неводчиков был непревзойденным мастером по замене двигателей и редукторов, а следовательно, и регулирования соосности почти всех отечественных вертолетов, имеющих на вооружении Армейской авиации. И уже до сумерек мы ровно молотили лопастями прохладный предвечерний воздух на стоянке ТЭЧ Кабульского аэродрома.

Глава 38

Новость в Кундузе ошарашила нас, как ледяная вода из брандспойта. За грубейшее нарушение правил перевозки грузов и пассажиров экипаж комэски от полетов отстранён и досрочно отправляется в Союз. Значит, состоится партсобрание, которым он мне угрожал, только разбираться там будет совсем не мое персональное дело. Грешно радоваться чужому горю, но эти, с позволения сказать, партийные получили, на мой взгляд, по заслугам. Командир со штурманом-замполитом давно уже чувствовали себя удельными князьями и руководили людьми по установленным ими самими правилам и законам. Борттехник Леша Чарук, тот самый, что просил у меня инструкторскую должность, с подачи комэски был назначен с повышением без моего согласия. О банкете для техсостава он, естественно, и думать забыл. Поражало другое – новоявленный капитан был еще каким-то образом «избран» секретарем парторганизации. Правда, без собрания и голосования.

Несколько дней полеты у нас не планировались. Эскадрилья кипела, словно потревоженный улей. Ждали грозы. Но туча, как нередко бывает в таких случаях, прошла стороной и пролилась всего двумя мелкими каплями в придорожную пыль. Были исключены из комсомола два прапорщика, вчерашних солдата – бортрадист и бортмеханик. Ну, и весь экипаж, естественно, был отправлен в Союз без льготных удостоверений. А партсобрание так и не состоялось, дабы не увлажнять дальше и без того уже изрядно подмоченную репутацию вышеозначенных лиц. Еще злые языки болтали, что данное деяние свершилось не безучастия выше поставленных чиновников в Кабуле и Ташкенте, которых наш бравый командир щедро потчевал казенным спиртом.

Как бы то ни было, а работа на благо Апрельской революции продолжалась. Сегодня летим на Файзабад. Идет загрузка личного состава Народной Армии. На глаза мне попадается сорбоз с посохом. Зову:

- Хаким, ну чего он у тебя мечется? То Файзабад, то Кундуз, то Пули-Хумри, то Хост, то опять Кундуз.

- Э-э-э, Гена, это хороб сорбоз, хороший солдат. Надо ехать бурбахайкой сюда-туда.

- Ладно, я это уже слышал. Эй, солдат, давай сюда свою палку.

Афганец покорно протягивает мне свой посох. Это настоящее произведение искусства: в верхней части огромный набалдашник в виде шара, как минимум, он позолочен; сам посох изготовлен в виде средневекового копья с широким наконечником, древко его по всей длине обвито змеей, вместо чешуи змея осыпана мелкими, сверкающими на солнце камушками. Беру посох, рассматриваю. Хаким восхищенно прищелкивает языком. Я случайно нажимаю на змеиную голову, тяну за набалдашник и ... у меня в руках едва ли не полуметровый, сверкающий обоюдоострым лезвием с канавкой для стока крови посередине кинжал. Ну и дела.

- Хаким, а это что?

- Эй, Гена, это на горной дороге отбиться от душман, басмач, бандиты, - собрал все в кучу царндоевиц.

- Какая в небе горная дорога? Какой басмач-бандит? Чего ты мне мозги-то паришь?

Кинжал прячу на борту до выяснения, а Хакима и хромого сорбоза с палкой в сопровождении Лехи Миркова отправляю в особый отдел. В Файзабаде на складе ГСМ скачали со своих баков пять тонн керосина и с минимальным остатком - лишь бы хватило на дорогу домой – уходим.

В Кундузе заправляемся, обедаем и рассаживаемся вокруг борта в ожидании загрузки. Сегодня это несколько авиабомб – какая-то не кондиция. И нам

предстоит отправить их на склады в Хайратон. Вдруг мое внимание привлекает одинокая женская фигурка, сиротливо притулившаяся на чемодане в отдаленном углу перрона. Вглядываюсь пристальнее и узнаю: это же Татьяна, моя новогодняя знакомая. Подхожу, здороваюсь.

- День добрый, мадам. Откуда и куда, если не секрет?

- Не секрет. Из Афганистана в Союз. Хватит, навоевалась.

- А что так?

Вместо ответа женщина вдруг как-то по-бабьи опустила голову, сжала плечи и, подперев кулачками лоб, беспомощно всхлипнула. Такого поворота дела я, признаться, не ожидал и стоял возле нее как истукан. Выхлипания продолжались, надо было что-то делать.

- Таня, так дело не пойдет. Сейчас я принесу с борта минералки, Вы выпьете и постараетесь успокоиться, ну а потом мы вместе решим, что нам делать.

Женщина чуть заметно кивнула. Из ее рассказа я не узнал ничего нового. Обычная для Афгана история. Начальник ее, старый лысый докторишка, предложил стать его походно-полевой женой в обмен на свое покровительство. Получив яростный отпор, начал в открытую изживать со света былой предмет своих воцелений. По всей видимости, ему это удалось.

- Ну, и что теперь? – не совсем тактично спрашиваю я.

- А теперь мне надо в Союз, через Хайротон. Была у коменданта – колонну формируют только через неделю, буду кантоваться где-нибудь на пересылке...

Я живо представил себе женщину в пересылочной палатке среди пьяных офицеров и обкуренных прапоров. Потом в кабине БТРа, обернутой со всех сторон бронежилетами и постоянно ждущей духовской гранаты из-за каждого камня. Коротко и грубовато бросил ей:

- Жди здесь.

Подхожу к командиру – это старший нашей комнаты капитан Николаев – довольно-но упертый парень.

- Толя, надо взять пассажира до Хайратона.

- А я при чем? Пусть идет к коменданту, хотя нет, у нас бомбы, не возьму.

- Командир, но ей очень надо!

- А мне-то какое дело? - начинает кипятиться он.

Тут и я не выдерживаю:

- Вот и хреново, что нам нет дела до своих! Зато есть дело непонятно для кого. Этих мы и кормим и поим, и обуваем, и одеваем, и на самолетах возим.

Демонстративно разворачиваюсь и ухожу к Тане. Подхватываю ее чемодан и веду под руку к борту. Место бортрадиста свободно, во многих экипажах их

просто не хватает. Усаживаю женщину и помогаю ей пристегнуть парашют. Затем наклоняюсь к уху и шепчу:

- Радист, сидеть смирно, рабочего места не покидать, - и ласково треплю по щеке.

Бомбы тем временем закатили в грузовую. Размещаем их согласно центровки, намертво швартуем тросами, чтобы не катились в полете. Командир насупился и молчит. Ему для подтверждения класса нужен полет, да и боевые вылеты в летной книжке не помешают, поэтому он как бы закрывает глаза на мое самоуправство.

Всё как всегда. Запуск. Контрольное висение. Взлет. Идем на эшелоне 4.200 метров. Полетное время один час двадцать минут. На всякий случай одеваю нашей пассажирке кислородную маску. Она уже успокоилась и, кажется, засыпает.

Подходим к точке? Командир начинает плавное снижение. Обычно в этом режиме никто не церемонится и резко бросает «Шаг-газ», что называется до пола. Но сейчас вижу, что командир проникся чувством ответственности – ведь на борту пассажир.

Двигатели стали. Н.В. заторможен, открываю трапы и створки для загрузки и вывожу женщину на бетонку. На наше счастье у ворот маячит дежурный ГАЗ- 66, он и доставит пассажирку на КПП моста Хайратон- Термез. Помогаю ей донести чемодан до машины. Останавливаемся. Неожиданно она легко, словно бабочка порхнула, касается губами моей щеки.

- Спасибо тебе, ты настоящий...

Вот этого я уж совсем не ожидал. Что-экипаж-то подумает? Поднимаю обе руки:

- Удачи тебе. И постарайся быть счастливой!

Машина трогается и, когда она, уже повернув направо, запылила по дороге, Татьяна, сложив ладони рупором, кричит нам что-то. Нет, не что-то. Ветер явственно доносит:

- Возвращайтесь живыми!

Глава 39.

Утром следующего дня всех собирают в классе предполетных указаний. Представляют новых командира эскадрильи, замполита и командира отряда. Комэска, подполковник Науменко, моложав, по-спортивному подтянут, чисто выбрит, на нем спецназовский песочного цвета облегченный комбинезон.

Выступление его было кратким:

- Немного о себе. Саратовское летное, авиационный полк в Телави, потом Забайкалье, Хады-Булак, теперь Афганистан. Член КПСС, женат, двое детей. По нашей работе нового ничего не скажу. Подчеркиваю, буду требовать строжайшего выполнения летных и авиационных законов, - и чуть помедлив, закончил- все они написаны нашей кровью.

Замполит и командир отряда мои сослуживцы по Легницкому полку в Польше. Тогда это были юные лейтенанты. Сейчас майор Яковлев замполит, капитан Гордеев командир отряда.

Дальше слово берет доктор:

- Сообщение касается летного состава. У кого до мая выходят сроки ВЛК, собираем документы и в профилакторий на адаптацию.

- Куда-куда? - засомневался кто-то в мудренном слове.

- Ташкент, медицинский профилакторий для летного состава «Дурмень». Две недели, - закончил доктор.

Его сообщение было встречено аплодисментами.

После собрания подхожу к вновь прибывшим, здороваемся, обнимаемся. После обязательных и общеприятных в таких случаях «ну, как ты?» да «где ты?» Гордей пригласил нас на ужин. После фронтовых ста граммов вспоминаем годы службы в Польше. А время это было непростое. В стране поднимали голову и рвались к власти ярые антисоветчики во главе с Бжезинским и Лехом Валенсой. И весь личный состав Северной Группы Войск сидел, что называется, на пороховой бочке.

Вышли подышать свежим воздухом. На улице к нам подходит солдатик и, спросив разрешения у майора, обращается ко мне:

- Товарищ капитан, Вы Михеев?

- Угадал, капитан Михеев.

- Разрешите обратиться по личному вопросу?

- Валяй, обращайся.

- Вам письмо, вот.

- Недоумевая, от кого бы это, беру протянутый мне конверт. Читаю: в/ч... п/п... Михееву Геннадию. Обратного адреса нет. Интересно. Вскрываю и отхожу в сторону. Читаю:

«Товарищ капитан!

Я заранее прошу прощения за возможно причиненные Вам неудобства, но мне, правда, больше не к кому обратиться. Нужна справка о том, что Дегтева Татьяна Серафимовна в период с... по ... работала вольнонаемной по контракту в в/ч ..., п/п ... Далее подпись, печать. Если это Вас не затруднит. По некоторым причинам самой мне это сделать не удалось. Знаю, что ваши

борта летают в Союз. Отправьте, пожалуйста, эту справку заказным письмом. Буду Вам очень признательна. Татьяна.»

Вот дела. Начинаю размышлять. Почему же она сама-то не отдала письмо? И тут же отвечаю себе: откуда она знала, что мы встретимся в аэропорту и что она полетит с нами на Хайратон. Да, и нужную справку после ее бегства от ловеласа в больших погонах будет достать непросто.

Во второй половине дня сдаю летную и медицинскую книжки старшему врачу части для оформления документов на профилакторий. Подхожу к инженеру:

- Степаныч, мне позарез нужна бутылка спирта.

- Ну, ты и спросил! Ты знаешь, сколько я Иванцову наотливал на кабулы да ташкенты?

Вижу не получается, перехожу на официальный тон:

- Товарищ майор, оставляю 41-ый борт не боеготовым: после замены хвостового винта АВ-63Б не была произведена расконсервация и опробование противообледенительной системы. Либо прошу выдать 2,4 кг. Спирта этилового для производства указанных работ согласно «Инструкции по эксплуатации вертолета МИ-6», раздел 6, глава 3, пункт 19б.

- Чего-чего, а этот пункт вы все изучили, - ворчит инженер, но поднимается на крыльцо модуля. Через несколько минут он уже отдает мне сверток. Проверяю, все правильно – внутри литровая солдатская фляга со спиртом. Прохожу на нашу кухоньку, здесь в шкафчике у меня как раз на такой случай припасена красивая бутылочка с винтовой пробкой-закруткой. Наполняю сей сосуд огненной жидкостью, переодеваюсь в повседневную форму и направляюсь в строевой отдел медчасти, где служила Татьяна. По пути за полосой захожу на свой борт и прячу в дюралевый ящик под чехлы флягу с остатками спирта. Перед полетами в сложных условиях опробую спиртсистему.

В строевом застаю совсем молодую девушку-солдатку и древнего, как мамонт, прожженного прапора. Вызываю заслуженного работника тыла на улицу в курилку. Объясняю ему Татьянину просьбу. Тот начинает мяться и набивать цену:

- Знаете, а ведь она досрочно уволена в Союз, по невыполнению пунктов контракта.

- Неужели правда? И чего ж это она не выполнила? Не подстелилась под вышестоящего старичка? Этот пункт тоже включен в контракт?

- Ладно, капитан, ты в небе права-то качай, а здесь я командую.

Видя, что ситуация развивается явно не в мою пользу, примирительно хлопаю прапорщика по плечу и достаю свою бутылку. Глаза у моего

собеседника сразу хищно заблестели. Здесь необходимо заметить, что в Афганистане для нас официально сухой закон объявлен не был, но спиртного, ни крепленого, ни сухого, в продаже не было. Ну, а работа в боевых условиях всегда требовала снятия стресса либо какой-то разрядки. Кроме того, без застолья трудно представить себе русского человека, если ему вручили орден или присвоили очередное воинское звание. А еще мы теряли своих боевых товарищей... В общем, спиртное в Афгане было всегда в цене. И прапор сразу резко сменил тон:

- Это в корне меняет дело. Заходите после ужина, все будет готово.

- Слушай, тебя как зовут-то?

- Василий.

- Так вот, Вася, справка с подписью и печатями на установленном бланке нужна сейчас. Вечером мы уходим на Кабул.

Мой собеседник в задумчивости почесал затылок:

- Боюсь, командир до вечера не успеет подписать.

- Ты мне еще расскажи, что у тебя и бланков с печатями нет. Василий, давай дружить. Вот вернусь из профилактория, ведь точно придешь проситься на Кабул или Хайратон.

- Ладно, командир, уговорил, - величая меня по-афгански, уступает прапорщик. И не таясь, ухватив бутылку за горлышко, скрылся за дверью. Я знал, что у штабных работников справки и удостоверения заготовлены заранее на все случаи жизни. Сейчас он только заполнит анкетные данные, и нужный документ будет готов. И точно, минут через десять штабной работник вручил мне справку. Все как положено: гербовая бумага, текст отпечатан, подпись, гербовая же печать. Василий протянул руку:

- Пользуйся, капитан, моей добротой, - и неожиданно широко улыбнулся. Кажется, он уже успел проверить кондиционность моего спирта.

Глава 40.

По дороге в модуль возле здания аэропорта меня встречает солдатик, передавший письмо Татьяны с просьбой. На нем летная демисезонная куртка, воротник поднят - вижу замерз в ожидании.

- Товарищ капитан, - обращается он, - зайдите ко мне на минутку.

- К тебе, это куда?

- Ну в ПДСку, в подвал аэропорта.

- Слушай, дорогой, мне совсем некогда. У нас скоро борт на Кабул.

- Ваш вылет через три часа, успеете, - и чуть помедлив, - у меня к Вам еще просьба.

- Ну, что с тобой делать, пошли, - сдаюсь я. Солдатик обрадовался, - да Вы не волнуйтесь, я помогу Вам собраться и вещи донести. А командира с этого почтовика я знаю, разместим Вас в гермокабине по высшему разряду.

В глубоком подвале – катакомбах оборудован склад парашютно-десантной службы. На вытянувшихся вдоль каменных стен двухэтажных стеллажах-спасательные парашюты на все вертолеты, приписанные к Кундузу. У торцевой стены полки с кляссерами, в них формуляры на средства спасения. Возле дверного проема большой стол с ножной швейной машинкой. Рядом низкий журнальный столик, за которым уже хлопочет солдат – готовит кофе.

- Подожди-ка, военный, - останавливаю я его - давай для начала познакомимся. Дядя Гена, - протягиваю руку я

- Сержант Яковлев Олег, будущий диспетчер аэропорта, а ныне в боевом расчете состава ПДГ.

Я знал, что в парашютно-десантную группу набирают только опытнейших прыгунов-парашютистов, туда также входит медгруппа во главе со старшим доктором части и группа десантников для прикрытия. Эти ребята первыми оказываются на месте вынужденной посадки бортов, либо приземления членов экипажей на парашютах. Они под перекрестным «духовским» огнем разгребают обломки самолетов и вертолетов и эвакуируют раненых и тела убитых на базу. Этих ребят мы все крепко уважали.

Я встал и молча пожал Олегу руку.

- Ну, а теперь, сынок, давай твою просьбу.

- Дядь Гена, мне бы посылочку матери отправить в Прокопьевск. Там пара платков с люрексом, пряжа, часы семь мелодий да авторучка, - и, помолчав секунду, добавил, - волнуется мама-то.

- Сделаем, Олег, какие вопросы.

Пьем обжигающий, только из джезвы, турецкий кофе. Как бы между прочим замечаю:

- Вижу, ты мастер не только по прыжкам, но и по приготовлению кофе.

- Да, моя слабость. Успел в свое время и барменом поработать и два курса училища ГВФ закончить. Потом на срочную и сюда.

- Я ведь, Олег, тоже техучилище Гражданской Авиации заканчивал. Потом Аэропорт в Красноводске, армия и тоже сюда.

Помолчали. Олег взял со стеллажа два пакета и подал мне:

- На этом пакете адрес – это мамке. Второй – Вам: тут пара отрезков материала с люрексом, без них билетов в Ташкенте не взять: разбаловали кассиров наши афганцы.

- Да брось ты, Олег, что ж я у солдатика бакшиши-то буду брать.

- Берите, берите без разговоров, у меня этого добра хватает, - и, чуть улыбнувшись, добавил, - ребята с экипажей приносят, а куда мне все девать-то?

- Ладно, расчет при разливе, - шучу я, - пошли за документами и вещами, времени уже мало.

На последок Олег вешает мне на плечо фирмовую с лейбами сумку и говорит:

- А это подарок лично Вам на отпуск, сам шил.

Рассматриваю сумку и удивляюсь:

- Неужели сам?

- Сам, конечно, вот и машинка, - и добавляет, - чему только в армии не научат.

В модуле, пока укладывал в сумку самое необходимое, Олег рассказал немного о Татьяне.

- Тетя Таня Дегтярева – мамина подруга, наша соседка. Трудно у нее сложилась жизнь: муж, дядя Саша, погиб в забое, на руках четверо – мать больная да трое детей живут в бараке.

- Да, она рассказывала. Олег, а кому в нашей стране легко?

- Ладно, это отдельная тема. Передавайте моим и тете Тане большой от меня привет. Да скажите, что я закопался глубоко под землю на своем складе и не в какой войне не участвую.

- Можешь не учить, солдат, понимаем...

Глава 41.

Наш почтовик Ан-24 до Афганской войны возил наверное, какого-то крупного армейского чина и был оборудован гермоотсеком, куда вместились все одиннадцать отпускников из летных экипажей. Двенадцатым был старший лейтенант из группы наземного обслуживания. Ему в нашей командировке отводилась очень ответственная и едва ли не главная роль. Сам он родом был из Ташкента и обещал, используя свои прежние деловые связи, а также нехилую пачечку чеков Внешторга, которой мы, скинувшись, его снабдили, отштамповать наши командировочные удостоверения необходимыми надписями «прибыл – убыл», подписями и печатями, удостоверяющими якобы нашу двухнедельную адаптацию в медучреждении со столь высокоинтеллектуальным названием «Дурмень». Сами же потенциальные адаптируемые, понятно, в это время намеревались провести свои семьи в разных уголках Советского Союза.

Посадка в Кабуле, борт загружается мешками с почтой и вот мы опять в воздухе. Курс на Ташкент, даже не верится, ведь там нет войны. Идем с выключенными бортовыми огнями. Пересечение госграницы на этот раз по громкой не объявляют, но к нам выходит правак и докладывает:

- Мужики, черту пересекли, думаю, теперь все будет в норме. Советую в Ташкенте не расслабляться, нашего брата за чеки ловят все, начиная от носильщиков и кассиров, кончая профурами и таксистами.

- Спасибо, братан, на добром слове, учтем.

В Ташкентском аэропорту Тузель, на таможне, видя наши легкие сумочки, ограничились вопросом:

- Патроны, гранаты, оружие, наркотики, мумие?

- Да нет, зачем нам, - выставляем мы свои вещи на прилавок.

- Видим, видим, в профик, что ли? - показывают свою осведомленность таможенники-узбеки.

Они отлично знают, что вези мы любую вещь из перечисленных ими, профилакторий нам сразу прикрывают со всеми вытекающими последствиями. А что может быть дороже отпуска на войне?

Радостные, мы почти дома, занимаем очередь в кассу, здесь по вкладным книжкам нам выдадут советскими рублями полугодовую зарплату из расчета полтора должностных оклада в месяц. Так государство оценивает труд воздушных рабочих войны.

И вот через каких-то два часа мы сдвигаем столы в аэропортовском ресторане. Рассаживаемся.

К нам моментально подлетает молодой узбек-официант:

- Что будем заказывать, господа офицеры? – сверкает золотом коронок он, - коньяк – маньяк, девочки – шмевочки?

- А девочки-то у тебя чистые? – живо интересуется молодой лейтенант-штурман.

- Для вас просто стерильные и такие фигурные, ну прямо персик, - цокает языком новоявленный сутенер.

Заказываем коньяк, бутерброды с икрой, по шашлыку из осетрины и фрукты. С девочками юному Казанове настоятельно советуем повременить до дома. За трапезой не задерживаемся – нам еще предстоит доставать билеты.

Выход из зала нам неожиданно преграждает группа местных, возраст от двадцати до тридцати пяти, походка развязна, глаза красней, чем у кроликов – явно обкуренные.

- Ну что, кадеты, чеками делится не желаем?

На этот случай у нас специально отработан сценарий. Подхожу к самому развязному и наглому узбеку, по моим прикидкам это главарь, и без всяких предисловий начинаю давить:

- Слушай сюда, урюк корявый, вот этот отморозок, - показываю на пузатого, двухметрового роста, небритого и глупо улыбающегося после выпитого коньяка нашего штурмана Ваську Иванова, - на Панджшерской операции получил контузию, мы везем в Москву в госпиталь. Во внутреннем кармане его кителя, где ты видишь ленточку за ранение, у него желтая справка, а в боковых по РГДшке и я не знаю, кому он сунет одну в штаны тебе или твоему другу, когда вытащит чеку. Налетчики что – то быстро залопотали по-своему, но сразу расступились.

У билетных касс на удивление очереди нет, как нет и самих билетов. Зато возле багажного отделения стаями тусуются перекупщики. К нам они не подходят – видимо уже прошла информация от ресторанных налетчиков. В начале семидесятых, сразу после училища мне довелось поработать три года в аэропорту г. Красноводска, поэтому с местными порядками я немного знаком. Пока ребята составляют списки с фамилиями и аэропортами следования стучу в кабинет старшей смены. Из двери сразу, будто ждала моего стука, выходит до ужаса деловая на вид, в аэрофлотовской форме мадам Бальзаковского возраста. Первый вопрос был, конечно:

- Чего везем, господа командиры?

- Платки, материал с люрексом, часы, авторучки есть...

- Это пойдет моим девочкам на бакшиш, а вот билеты в любую точку Советского Союза берем за чеки, курс один к одному, - ставит свои условия аферистка.

- Сударыня, побойтесь Бога, мы в Афгане-то по месяцу только, вот отправили переучиваться на новую технику, а на старой «духов» нам не победить, - начинаю хитрить я.

Наконец, после десятиминутного торга, пришли в общему соглашению – половину стоимости билетов оплачиваем рублями, половину чеками. Наконец сделка состоялась, ребята жмут друг другу руку, обнимаются на прощание. Договариваемся встретиться здесь ровно через две недели. Билета нет только у меня. Ирина Константиновна, так зовут мою новую знакомую, спрашивает:

- Сам-то куда, капитан? Еще не решил? А то оставайся на пару-тройку деньков, у меня отгулы. Покажу город, отдохнешь, а потом домой к семье. Тебе по-свойски и билет за рубли сделаю, без чеков.

В голове проносится: «А правда, куда мне? К семье? Где она, семья-то?»
Неожиданно резко и твердо обрываю женщину:

- Нет, мне срочно надо в Новокузнецк. Меня там очень ждут.

- Ну, как знаешь, аника-воин. Билет возьмешь в седьмой кассе, я распоряжусь.

Ирина повернулась и быстро, не оглядываясь, зашагала к своему кабинету. Тут же я живо представил, как она будит сидеть одна в своем начальственном кабинете, подперев кулаками подбородок и, глядя в окно, тосковать в ожидании временного на два-три дня мужика. Стало вдруг ужасно, до предательского першения в горле жаль всех одиноких женщин.

Глава 42.

В переднем салоне ТУ-154 плюхаюсь в кресло, откидываю спинку, пристегиваю ремень и тут же моментально проваливаюсь в небытие. Просыпаюсь от стука амортизаторов на полосе – сели на дозаправку. У нас есть как минимум час времени, и можно в аэропортовском баре выпить кофе с коньяком. Смакуя микроскопическими глотками божественный напиток, пытаюсь понять, почему мне вдруг так легко и спокойно все это время. Откуда-то из самых отдаленных и, казалось, затерянных уголков сознания выкарабкивается наконец мысль: «Здесь, в Союзе, по тебе не стреляют. Твой борт не рвет раскаленный вихрь из ДШК, тебя не преследует дымный след «Стингера», тебе в голову не целит духовский снайпер.

- Бармен, будь любезен, еще сто пятьдесят грамм «Наполеона». Нет, кофе не надо. Сдачи тоже.

Объявили посадку. Ждем окончания регистрации в накопителе. Здесь холодно, поднимаю воротник своей летной камуфлированной куртки, глубже засовываю руки в карманы. Стало чуть теплей. А еще греет мысль, что скоро я помогу людям – Олегу и Татьяне. Мне приятно сознавать, что я делаю добро людям.

После взлета и набора высоты легли в горизонт. Как объявила стюардесса, высота девять тысяч восемьсот. Привезли ужин, потом минералку. Где-то за хвостовым отсеком мерно гудят двигатели, освещение приглушено, весь салон погружается в дрему.

Снова разбудило мерное постукивание амортизаторов шасси. Но стучат они уже по бетонным плитам ВПП Новокузнецка. За бортом минус десять градусов. Для второй половины марта холодновато. Ручную кладь я в багаж не сдавал, поэтому набрасываю на плечо ляжку подаренной Олегом сумки и направляюсь к стоянке такси. Здесь я пока первый и единственный клиент. Открывается дверь ближайшей «Волжанки»:

- Куда, командир?

Достаю адрес и диктую:

- Прокопьевск, улица Мориса Гореза.

Таксист смеется:

- До Прокопьевска пешком можно, здесь рядом.

Интересуюсь:

- А куда не рядом?

- Ну, к примеру, в Новокузнецк.

- Поехали.

- Другое дело.

Плюхаюсь на переднее сиденье, сумку ставлю на колени. Взвизгнув покрышками колес, машина резво рванула с площади. Сразу ставлю условие:

- Шеф, едем в Прокопьевск, оплачиваю два конца до Новокузнецка.

- Годится! - сразу повеселел таксист.

Расстегиваю молнию на сумке и достаю свой однокассетник «Тошиба», спрашиваю:

- Можно?

Таксист скосил взгляд на магнитофон:

- О, я понял! Давай, врубай!

В салоне приглушенно звучит наша афганская песня в исполнении Славы Ускова:

- Ах, как хочется здесь,

Заглянув в амбразуру,

Пулеметом глушить

По России печаль...

Дослушали мелодию до конца. Молчим. Первым заговорил таксист:

- Оттуда?

Киваю головой. Снова молчим. Таксист въезжает в шахтерский поселок.

- Ну, и как там?

- Да, по-разному...

- А... интернациональный долг?

- Нет там никакого долга. А есть война.

- Да-а-а, дела.

Некоторое время едем молча. Слушаем очередную афганскую песню.

- Какой дом-то, - спрашивает таксист.

- Улица Гореза, дом 49.

- Это рядом, скоро будем. Кто здесь у тебя?

- Одна знакомая и мать солдата-сослуживца.

- Погиб?

- Живой, слава Богу.

Фары выхватывают невысокий забор-штaketник, за ним барак и номер на железной табличке: 49. Останавливаемся, в салоне загорается плафон, лезу во внутренний карман за портмоне. Таксист рукой в перчатке накрывает мою ладонь:

- Не надо, все нормально, иди к своим.

Сказано это было твердо, по-мужски, и я понял, денег он не возьмет.

- Ну, тогда держи бакшиш, - протягиваю ему авторучку с вмонтированными электронными часами.

- Дорогая вещь-то, не жалко?

- Не жалко, бери на память.

- Спасибо, командир, уважил.

С крыльца спускается кто-то, облаченный в полушубок и закутанный в платок. Таксист протягивает руку:

- Прощай, командир, удачи тебе.

- И тебе. До связи.

Выхожу из машины, захопываю дверь. Передо мной Татьяна. Она, кажется, ничуть не удивилась моему появлению:

- Я знала, что это Вы, я ждала Вас. - и, помолчав мгновенье, - Пойдемте, пойдемте в дом, что же мы стоим?

Лепечу в свое оправдание:

- Простите, ночь... Рейс только прибыл...

- Пустяки, все нормально, проходите.

Миновав тускло освещенные сени, заходим в маленькую, но чисто прибранную и довольно уютную столовую. Посередине овальный стол, рядом два низких удобных кресла, в углу небольшой диван-софа. Хозяйка сняла полушубок и осталась в коротком, выше колен домашнем халатике.

Берет мою куртку, вешает рядом. Указывает на кресло:

- Вы пока присядьте, а я быстро приготовлю что-нибудь на ужин.

Я посмотрел на часы:

- Скорее, на завтрак, уже половина шестого. И, Татьяна, давайте на «ты».

- Согласна, - она, смеясь, протягивает руку, - Татьяна.

Я принимаю игру:

- Геннадий. Вот и познакомились.

Теперь смеемся оба. Тем временем стол накрыт, я достаю припасенную в аэропортовском буфете плоскую бутылку пятизвездочного «Арарата». Таня несет из холодильника графинчик домашней настойки. Предлагаю первый тост «за тех, кто на войне». Потом какое-то время сидим молча. Постепенно мне удается разговорить хозяйку.

Вспоминаем довоенное время: школу, КВНы, комсомольские диспуты, спортивные походы, соревнования. Хотя мы жили в разных уголках России, но у нас оказалось много общего. Наговорились, когда за окнами стал сереть рассвет. Меня начала одолевать дремота, глаза закрывались сами собой – сказывалась суматоха предыдущих дней. Татьяна, заметив мое состояние, предложила:

- Сегодня выходной, отдыхаем до обеда, потом едем гулять в город. Идет? Я, конечно, двумя руками «за».
- Умывальник за ширмой. Я постелю тебе на диване, - командует хозяйка.

Глава 43.

Просыпаюсь, когда за окном всюду светит солнце. На часах полдень. Быстро впрыгиваю в спортивные брюки, тут же в столовой делаю зарядку по сокращенной программе и с голым торсом выскакиваю на улицу. Еще с детства отец приучил меня к умыванию и обтиранию снегом. Будучи несмышленным пацаном, я всячески противился и старался избежать столь неприятной процедуры. Но постепенно привык, а главное понял, что за эти минуты приобретаю запас бодрости на целый день. Это своего рода допинг.

Пока я барахтаюсь в снегу, чувствую: за спиной происходит какое-то движение. Оглядываюсь и чуть не падаю от смеха – к оконному стеклу, расплющив носы, прилипли три лица: одно Татьянино вверху и два детских, внешне совершенно одинаковых, чуть ниже. Все трое в знак восторга держат перед собой кулачки с оттопыренными вверх большими пальчиками. Возвращаюсь в столовую, здесь меня уже ждут близнецы с большим махровым полотенцем. Быстро, до приятного покалывания кожи, растираюсь и натягиваю свою тельняшку.

- А теперь с добрым утром, сударыни! – громко приветствую я.
- С добрым утром! – хором отвечают все трое.
- Татьяна, бодрая и порозовевшая после сна, распределяет обязанности:
- Так, гвардия, я к плите, а Вы, Гена, займите чем-нибудь этих подружек.
- Партия сказала «надо», и народ ответил «есть»! – шучу я и усаживаю на диван рядом с собой сестричек.
- Ну, девушки, давайте знакомиться. Меня зовут дядя Гена. А вас?
- А мы Вера и Надя! – снова хором отвечают мне.
- Если есть Вера и Надежда, то должна быть и Любовь, - размышляю я вслух.
- А Любовь – это мама, она же любит нас всех.
- Ну, насчет «всех», это пока большой вопрос, но мы будем к этому сильно стремиться. Правда?

- Правда, правда! – радостно запрыгали на диване сестрички.

Таня повернулась и удивленно посмотрела на меня. Сделав вид, что ничего не заметил, продолжаю беседовать с девочками:

- А в каком же классе мы учимся?

- Мы не в классе, мы в детсаду, но уже в старшей группе.

В разговор вступает мама:

- Девочкам на будущий год в школу. А Сашу, старшего, устроили в лесную школу, это что-то типа еженедельного интерната. На выходные он приезжает домой. Мама пока у сестры.

- Вера и Надя, а вы в школу-то готовы? Читать и писать умеем? – продолжаю я.

- Мы, конечно, мы умеем, - наперебой тараторят девчушки. Одна из них, пока мне трудно определить, кто это Надя или Вера, уже бежит с букварем.

- Мама мыла раму. Наша Шура мала, - водят они пальчиками по строчкам.

- Хорошо, а потруднее текст вам слабо? – вступаю я в игру и открываю книгу «Детские сказки».

- И ничего не слабо, - обиженно надувают губки дети и опять хором читают – жили-были дед да баба, и была у них дочка Алenuшка.

- Молодцы, вижу, к школе вы готовы.

За завтраком определяем план работ на ближайшие дни. Сегодня нам предстоит навестить маму нашего солдата Олега Яковлева. А на завтра и последующие дни я предлагаю следующее:

- Утром сдаем заявление о получении льготного удостоверения в отделение военкомата вашего района. Да, кстати, справку у прапора я все же вырвал. Вот она!

Таня берет в руки бумагу, читает.

- Ой, огромное Вам спасибо. Я уже думала, что Вы забыли...

Чувствую ладони женщины на своих плечах. И снова мимолетное, как тогда в Хайратоне перед афганской границей, касание губ.

Я продолжаю:

- Далее горсовет, обеспечение жилплощадью. И, наконец, райком партии, если потребуется партком ЗапСиб – трудоустройство.

Татьяна неожиданно грустила:

- Это слишком много. Вряд ли у нас это получится.

- Конечно, не получится, - и добавляю, - если сидеть на диване и читать с детьми букварь. А если действовать по военному принципу «Пришел, увидел, победил», то, думаю, мы многого добьемся.

Глава 44.

Родители Олега жили на соседней улице в точно таком же бараке, что и Татьяна. Мы поднимаемся на крыльцо первыми. Близнецы, взявшись за руку, о чем-то весело болтают сзади. Дверь нам открывает средних лет с чистым не утратившим своей привлекательности лицом. Увидев соседку в сопровождении военного, испуганно делает шаг назад и, прижав кончики платка к лицу, спрашивает.

- Что-то с Олегом? Он ранен?

Быстро иду на встречу и беру её за руки.

- Ради Бога, успокойтесь. Все хорошо, я служу вместе с Олегом, а здесь в отпуске. У вас отличный сын, можете им гордиться.

Женщина спохватывается.

- Ой, что же мы стоим-то здесь? Проходите, проходите в дом. Отца, правда, нет – он на собрании в шахтоуправлении, но скоро будит, вот обрадуется-то!

Едва мы успеваем раздеться и присесть на диван, а Мама уже напротив:

- Ну как он там?

- Да все нормально, служим, помогаем народу Афганистана. Но сначала давайте знакомиться, капитан Михеев, или нет, просто Гена, - представляюсь я.

Мария Афанасьевна, - протягиваем мне руку хозяйка

- У Олега все хорошо. Он заведует складом в парашютно-десантной службе. Склад его находится в подвале под зданием аэропорта в Кундузе на глубине шести метров под землей. Аэродром в охраняемой зоне и блокирован тройным кольцом оцепления в окопах. Так что «духам» до нас добраться нет никакой возможности. Я, конечно, молчу о том, что нас достают из реактивных минометов с «зеленки» и что ПСС работает на поиск и спасение экипажей в самом пекле.

Достаю из сумки сверток и передаю хозяйке:

- А это вам от Олега.

И только теперь она, кажется, поверила, что у сына все хорошо и, достав откуда-то из рукава кофты смятый платок, промокнула глаза. Рассматривая купленные в Афганском континенте сувениры Мария Афанасьевна не перестает удивляться. Но главное для матери, и это заметно, что сын жив и здоров. И еще мне показалось тогда, что она гордится сыном, который выполняет приказ Родины в далеком и таинственном Афганистане. Знала бы она сколько песков в той стране окроплено алой Российской кровью!

Хозяйка приносит из соседней комнаты аккуратно сложенный черный шахтерский парадный китель, на нем ордена «Знак Почета» и «Шахтерская Слава».

- Это костюм отца, он двадцать лет отработал в забое, теперь в отделе планирования. Под землей больше здоровья не позволяет.

Потом мы рассматривали альбом с фотографиями. Вот Олег в коротких штанишках и красным галстуком у костра – это пионерлагерь. Вот они всей семьей сплавляются на байдарках, а это экскурсия на шахту.

Близнецы тем временем плотно окружили аквариум с декоративными рыбками. Неожиданно дверь из террасы распахивается и в комнату широко шагает крупный мужчина, с пышными казацкими усами. Он в мгновение заполнил, казалось, всю комнату – настолько широки и размашисты были все его движения.

- Ну, мать, показывай героев-афганцев, весь поселок знает, что у меня гости, а я нет.

Мужчина протягивает мне свою огромную, словно кувалда ладонь, другой хлопает по плечу и представляется:

- Алексей, бывший шахтер, а ныне канцелярская крыса.

- Геннадий, капитан Советской армии, вертолетчик, - называю я себя, и тут же невпопад брякнул – чуть не назвал вас Тарасом, больно уж на запорожца похожи.

Хозяин неожиданно громко и раскатисто расхохотался:

- Смотри, мать, угадал! Да меня вся шахта Тарасом Бульбой кличет. А я по происхождению и есть – запорожский казак!

Пока женщины хлопчут у стола Алексей усаживает меня в кресле:

- Давай, капитан, рассказывай, как там воюет мой оболтус. И сразу предупреждаю, сказки о том, что он в тылу сидит, вон для них оставь, - он указывает в сторону женщин – не такой у меня пацан, чтобы за чужими спинами отсиживаться.

- Сына ты, батя, вырастил достойного, поверь. Многие офицеры-летчики считают за честь пожать ему руку. Очень нужное дело делает он на той войне.

Хозяин сдвинул брови:

- И что же это за дело? Да ты говори, капитан, не бойся. Мать не узнает, это мое слово. А я отец, я должен знать.

И как не просил меня Олег, не мог я тогда отказать отцу:

- Он в поисково-спасательной группе, вытаскивает сбитые экипажи из самого пекла. А мог бы просто сидеть на своем складе, да строчить на машинке сумки и штаны для начальства.

- Узнаю, Олежку, он еще с пятнадцати лет прыгал, год-то приписал себе ну и в училище пошел авиационное, диспетчером будет. В летное по плоскостопию не взяли.

- Мужчины, к столу.

Эту команду мы выполняем беспрекословно. Первый тост, конечно, «За тех, кто на войне». Хозяин командует:

- Между первой и второй и шашка казацкая не успеет просвистеть. Коли выпала такая доля русскому солдату – воевать на чужбине, - пусть возвращаются живыми!

Этот тост идет под троекратное мужское «Ура»!

Какое-то время сидим молча – каждому есть, о чем подумать. Близнецы ведут себя за столом очень скромно, вижу: мама уделяет много их воспитанию. Потом еще были тосты: «За друзей», «За тех, кто ждет», «За любимых» и т.д. Алексей не пьянел, только по-мужицки кричал после каждой стопки, да приглаживал широкой, как лопата ладонью, свои запорожские усы. Я на спиртное не налегал, пил понемногу – знал впереди трудные вопросы и не ошибся. После очередной стопки Алексей, похрустывая малосольным огурчиком, положил свою тяжелую ладонь мне на плечо и, глядя прямо в глаза, спросил:

- Скажи, капитан, что это за долг мы отдаем Афганскому народу? И почему долг этот мы отдаем гробами, в которых наши дети? А еще: почему гробов этих так много, даже из забоя мы столько не выносили! - Алексей чуть помолчал и тут же закончил – знаю, врать не будешь!

- Прости, батя, но мой ответ будет коротким. Нет там никакого долга – там война!

За разговорами мы засиделись за полночь. Близнецы уже во всю терли глаза. На прощание твердо обещал родителям присматривать за сыном, беречь его по мере возможности.

Глава 45.

Под утро мне приснился сон, будто в мою кабину на вертолете забрался огромный кот и, зацепившись передними лапами за приборную доску, нагло водит своим хвостом мне по лбу, носу, глазам. Изловчившись, со всей силы шарахаю ладонью по этому хвосту и... просыпаюсь.

Близнецы, отбросив большое цветное перо, с визгом бросились в другую комнату. Впрыгиваю в спортивные брюки и кидаюсь следом. Пока я их ловил, мы успели перевернуть вазу, которая к счастью не разбилась. Сдернуть со стола скатерть и скинуть на пол две подушки. Наконец, зажав

между двух кресел, мне удалось их поймать. Схватив обеих подмышки, тащу к умывальнику и немного охлаждаю их пыл водичкой из-под крана. Визг стоит невероятный. Вдруг открывается входная дверь – на пороге Татьяна, она уже успела сбегать в магазин:

- Так, докладывайте разбойники, по какому поводу какофония? - и, увидев на полу перо, добавляет - Все ясно, разбудили дядю Гену пером.

И уже мне:

- Их любимое занятие – будить друг друга этим пером.

После завтрака приступаю к делу.

- Таня, времени у нас не так много, сегодня едем в военкомат.

Она соглашается:

- Да, уже пора решать, что-то с работой, а то деньги, заработанные в Афгане, уже заканчиваются. С девчонками посидит Мария Афанасьевна, я с ней договорилась.

До Новокузнецка добираемся на аэропортовском экспрессе. Здесь ловим такси и через двадцать минут кружения по городу останавливаемся у военкомата. Подхожу к окошку дежурного, объясняю проблему. Молодая девчушка с красной повязкой на рукаве живо откликается:

- Вам к Рифу в четвертый отдел.

- Не понял, как это к рифу?

Девушка смеется:

- К начальнику четвертого отдела майору Бердыеву Рифату, а проще Рифу, он тоже афганец.

Поднимаемся на второй этаж, вот и нужный нам пятнадцатый кабинет. Прошу Татьяну подождать в коридоре, а сам стучу в дверь и вхожу. На встречу мне поднимается сухощавый поджарый офицер – на кителе красные общевойсковые петлицы, нашивки за ранения, две орденские планки.

Представляется:

- Майор Бердыев, чем могу служить?

Представляюсь и я. Майор интересуется:

- Из-за речки?

- Так точно! Кундуз отдельная вертолетная эскадрилья советников.

- Ну и в чем проблема, капитан?

Объясняю ему суть дела. Майор, чуть подумав, спрашивает:

- Она тебе кто? Боевая подруга или «чеканка»?

Делаю шаг к нему и в упор сверлю взглядом:

- Поэтому и откомандирована досрочно, что не согласилась стать ей.

- Понял капитан, понял. Да ты не кипятись, сделаем, какие проблемы? Пусть зайдет через недельку, надо сделать запрос в архив. Вот мой телефон.

- Спасибо, братуха, – протягиваю я руку.

Майор подает левую:

- Извини, справа протез.

Достаю из сумки армянский коньяк в картонной коробке и вручаю Бердыеву:

- Может, за знакомство?

То принимает коробку, рассматривает и подходит к сейфу.

- Выпьем, капитан, и за знакомство, и за боевое братство, и за наших женщин. Только не сейчас, а когда вернешься. Коньяк будит ждать в сейфе, слово офицера!

- Есть вернуться и выпить всю бутылку, товарищ майор! – по-уставному прикладываю я ладонь к фуражке.

- Ну, а где же твоя протезе? – и уже в дверь – заходи, красавица!

Робко, как-то бочком заходит Татьяна.

- Ну и боевой у тебя спонсор, девушка, - продолжает Риф - чуть не за грудки вытряхивал тебе удостоверение.

Женщина потупила взгляд и молчит.

- Справку свою заберите, она вам еще пригодится, я сделаю копию по запросу. И удачи вам, будьте счастливы!

Выходим в коридор. Таня наконец поднимает глаза:

- Неужели получится?

- А ты сомневаешься? Конечно, получится! И вообще, чего скромничать и кого бояться? Ты же честно отслужила этот год и работала, кстати, на наших раненых, не то что мы. Все пытаемся вернуть какой-то мифический долг Афганцам.

Следующий пункт нашего маршрута – райком партии. За неимением лишнего времени опять ловлю такси. К парадному райкому подкатываем с шиком на новенькой ГАЗ-31. Поднимаемся по широким мраморным ступеням. Верхнюю одежду сдаем в гардероб. Затем из просторного холла по ковровой дорожке на второй этаж. Изучаем таблички на высоких двустворчатых дверях. Выбираю самую солидную: «Первый секретарь. Солопов Вячеслав Федорович». Пропускаю вперед Татьяну, заходим в приемную. Навстречу поднимается строгая средних лет женщина:

- Молодые люди, вам назначено? Какое у вас время?

Подхожу ближе и уже у стола предъявляю удостоверение:

- Капитан Михеев, я из Афганистана. Записаться на прием, естественно времени не было. Эта женщина, - жестом указываю на Татьяну, - тоже оттуда и у нас очень серьезное, не требующее отлагательства дело.

Секретарша замялась:

Прямо не знаю. Но сейчас я попытаюсь что-то для вас сделать. Присядьте пока.

И женщина скрывается за массивной дверью. На кожаных диванах с высокими спинками солидная публика, ожидающая очереди. В основном это делового вида мужчины при галстуках и с огромными портфелями. Секретарши уже нет минут десять. Публика в приемной начинает нетерпеливо посматривать на часы и перешептываться. Наконец секретарша выходит.

- Товарищи, эти люди прибыли из Афганистана и у них неотложное дело к товарищу Солопову. Пропустим?

Повисла короткая пауза. Затем раздаётся:

- Конечно, пропустим.

- Какие разговоры.

- Надо так надо.

- Проходите, ребята.

Прижимаю руки к груди, благодарю присутствующих. Заходим в кабинет. За столом полноватый мужчина с открытым лицом, высокий с намечающимся залысынами лоб, умный понимающий взгляд. Я представляюсь и объясняю суть дела:

- Вячеслав Федорович, Татьяна вдова горноспасателя, погибшего в забое. На руках трое детей, в данный момент работы не имеет, проживает в рабочем бараке поселка Прокопьевска. Пыталась заработать на кооператив в Афганистане, но при существующей системе оплаты это нереально. По возможности просим Вашей помощи с работой и жильем.

Секретарь откинулся в кресле и задумался. После некоторого молчания поинтересовался:

-А ты уверен, капитан, что Партия может удовлетворить требования всех «афганцев», ведь вас по некоторым данным около полумиллиона.

- Я уверен, товарищ секретарь, что Партия, Правительство, Родина, требуя от своих сынов и дочерей выполнения интернационального долга, посылая их на защиту Южных рубежей, должны обеспечить если не оплату их труда по цивилизованным меркам, то хотя бы создание нормальных условий для проживания и работы, - выдал я длинную тираду и сам испугался своей смелости.

- Даже так? – удивился секретарь.

Отступить было поздно:

- Так точно!

- А сам- то ты партийный?

- Член КПСС с 1980 г.

- Пять лет, кое-что успел, наверное, осмыслить!

- Успел, конечно. Будьте уверены, слова «Честь», «Достоинство», «Родина» пишу с большой буквы, - и добавил чуть тише, - иначе я не оказался бы в Вашем кабинете. Секретарь пристукнул ладонью по столу:

- Верно, капитан. А теперь давайте думать, что для вас можно сделать. Ваше образование, Татьяна Серафимовна?

- Институт культуры. До Афганистана работала директором дома культуры. Хозяин кабинета нажимает кнопку селектора:

- Людмила Степановна, зайдите ко мне.

Как по мановению волшебной палочки через полминуты в кабинет входит молодая с короткой стрижкой симпатичная женщина, в руках у нее папка с документами.

- Кто у нас сейчас в «Комсомольце Запсиба» замом по воспитательной?

- Вакантная должность.

- Вот Вам кандидатура. Институт культуры, опыт работы, спецкомандировка в ДРА. Можете проводить собеседование.

Наперебой благодарим секретаря:

- Спасибо, Вячеслав Федорович!

Тот поднимается из кресла и протягивает руку:

- Удачи, ребята, - и продолжает, не отпуская мою ладонь, - ты куда, капитан, после Афгана?

- К прежнему месту службы в Забайкалье.

- А то давай к нам. Мне военруки в школах во как нужны, - делает он характерный жест и продолжает, - особенно такие боевые и упертые, как ты. А что, немного подучим, мозги подправим и - за работу! Патриотическое воспитание молодежи на данном этапе развития страны – первостепенная задача партии.

И резко сменив тему:

- Ну, как там за речкой?

- Война там, Вячеслав Федорович. Не всем нравится наша интернациональная помощь, поэтому там идет серьезное противостояние. И, кажется, это надолго.

В приемной благодарим всех посетителей, прощаемся.

На улице Татьяна остановилась и, взяв меня под руку, произнесла:

- Фу, как камень с плеч, даже не верится. И как это у Вас получается?

Я замечаю, что в повседневном общении мы оба неожиданно переходим на «Вы». Поправлять ничего не хочу – пусть все идет своим чередом.

- Я, Таня, по жизни всегда такой. Ну, упертый. И если я чувствую, что правда на моей стороне, то меня уже ничто не может остановить, пусть я даже действую себе во вред. Как это называется в психологии?

- Синдром обостренного чувства справедливости, - вспоминает за меня Татьяна.

- Вот-вот, и синдром этот я приобрел вместе с отцовскими генами. Он в Сталинско-Бериевские времена служил в НКВД и имел негласное прозвище «Законник». Справедливость его проявлялась не на словах, а на деле. В начале пятидесятых он был назначен начальником лагеря для предателей (это были власовцы) за Магадан. Расстрела тогда не давали, но сроки у всех были серьезные – 25 лет без права переписки. Не успел отец отслужить и года, как начались побег, да не из его лагеря, а к нему. Зеки шли в побег и в половодье сплавлялись на плотках по рекам Колыма и Индигирка. Приходили сдаваться в «наш» лагерь в Бурустах со словами: «Архипыч не обидит». Их, конечно, конвоировали в прежние лагеря, но слух о справедливом «гражданине начальнике» еще долго гулял по Колыме.

- Выходит, у вас это целая династия.

- Может быть. С этим, правда, не совсем удобно идти по жизни. Вот отец, к примеру, был уволен на пенсию всего лишь старшим лейтенантом, хотя должность имел подполковничью, а из лагеря практически не уходило переходящее Красное знамя. Ну, а меня даже в Афгане командиры постоянно грозятся списать с летной работы и лишит награды за мою неуступчивость и непримиримость. Хотя летаю я ничуть не меньше, а даже больше тех, кто заглядывает в глаза начальству, да бьет себя в грудь на партсобраниях. И самое обидное то, что подлецов и негодяев с каждым годом становится все больше.

Некоторое время идем молча. Первым опять начинаю я:

- Все, о плохом хватит. Дальнейший план работы такой: сейчас где-нибудь перекусим, затем магазин и отдых, ну, и на сегодня достаточно.

Татьяна в знак согласия хлопает меня по ладони. Обедаем в ресторане «Огни Запсиба». Чтобы отметить наш успех, к грибной солянке и заливной осетрине заказываем шампанское и коньяк. Улучив минуту, шепчу несколько слов официанту. Спустя какое-то время, он вручает моей даме букет пунцово-алых роз, а я прошу извинения, что ночью из аэропорта заявился без цветов. Татьяна смущается, краснеет и искренне от души благодарит.

В универмаге покупаю близнецам одинаковые финские лыжные костюмы, - слышал, как они собирались на лыжную прогулку и не знали толком, чтобы одеть. В отделе игрушек – одинаковые же говорящие куклы. На первом этаже

в гастрономе прихватываем торт и бутылку шампанского. Возвращаемся домой уже затемно.

Глава 46.

На следующий день мы повели близнецов в цирк, который недавно открыли в Новокузнецке. Вообще в цирке я был всего один раз в начале семидесятых в Воронеже. По стечению обстоятельств, наверное, тогда тоже было открытие цирка. И сейчас вся атмосфера была пропитана духом цирка, духом весеннего настроения, духом праздника. Близнецы весело подпрыгивали и хлопали в ладошки. Я смотрел на клоунов-мимов, ежеминутно кувыркающихся через голову, балансирующих на громадных шарах морских львов, на воздушных гимнастов, парящих под куполом, а перед глазами ярко, как в жизни, вставали другие картины. Вот пара МИ-6 в левом пеленге, ведущий Миша Трабо. Неожиданно страшной силы взрыв вырывает грузовые створки и швыряет их прямо на кабину ведомого, тот, бросив «Шаг-Газ» до пола, еле успевает увернуться. Вот прямо над приводом Кабульского аэродрома, протягивая по небу черный шлейф дыма, горит «двадцать четверка». Кто-то из членов экипажа вываливается из огненной круговерти и камнем устремляется к земле. Вот досмотровая пара «восьмерок» работает «РСами» по каравану. Оставляя за собой извилистые дымные буруны, ракеты рвут в клочья афганские «бурбахайки», верблюдов, людей... Эти картины, наверное, будут преследовать меня всю жизнь.

Мое настроение, вижу, передалось Татьяне. Она положила руку мне на плечо и тихо промолвила:

- Ты там? Не надо, забудься хоть на время.

Вздыхаю:

- Суметь бы.

После цирка Татьяна предлагает навестить ее бывшую учительницу:

- Это Анна Николаевна Берлингер. Сегодня она, несмотря на почтенный возраст, возглавляет одну из передовых школ Новокузнецка. Вообще это гениальный педагог, прекрасный методист и организатор. В свои семьдесят пять она еще и депутат. В жизни такие люди всегда были моими кумирами, я всегда старался на них равняться, поэтому Танино предложение я принял с радостью. Пока она звонит из автомата, мы с близнецами делаем покупки. В свою неизменную сумку укладываю коньяк, шампанское, коробку конфет. У цветочного киоска по совету женской половины нашей делегации к трем алым розам добавляю две белых. Сформированный и упакованный букет нести доверяем близнецам.

В прихожей нас встречают хозяева: представительный мужчина лет семидесяти с аккуратной бородкой клинышком и женщина с добрым, по-русски открытым лицом. Знакомимся:

- Профессор Берлингер, - протягивает руку хозяин.

- Анна Николаевна, - представляется женщина и, смеясь, добавляет, - и, как вы, наверное, догадались, тоже Берлингер.

- Геннадий Алексеевич, капитан ВВС.

Вручаю букет хозяйке, который она тут же в прихожей помещает в большую хрустальную вазу. Хозяину передаю коньяк с шампанским.

В большой просторной зале уже накрыт стол. Сервировка, естественно, по высшему разряду. В поведении за столом к чопорным англичанам я себя не причислял, но знал, что спину следует держать прямо, вилку в левой руке, нож в правой и приборами пользоваться поочередно – от периферии к центру.

Беседа за столом приняла сразу непринужденный характер. Говорили о проблемах образования, о современной школе, о роли пионерских и комсомольских организаций. Произносились тосты. Пили за дальнейшие успехи, за благополучие, за любовь. Анна Николаевна поднялась с бокалом шампанского в руке и произнесла:

- А теперь пусть скажет афганец.

Медленно встаю из-за стола, а в голове лихорадочно проносится: «О чем говорить? Вроде, все уже сказано. Повторять избитые фразы не хочу...».

Неожиданно для себя спрашиваю:

- А стихи можно?

Анна Николаевна, она литератор, заинтересовалась:

- Конечно, можно. А чьи стихи?

Тут я всерьез испугался за свою смелость. Впервые мне приходилось выносить на обсуждение столь компетентной аудитории рождающиеся в голове и выстраданные годами строки. И я произношу:

- «Мое поколение». Читаю одно из первых своих стихотворений, что называется «на автомате», а мозг сверлит: «Ну, зачем это им? Поймут ли?»

Заканчиваю четверостишием:

Но знаю я, в годину испытаний
Гранитной глыбой встанет поколение мое,
И отдадим мы жизни за Россию,
Но отстоим свободу для нее.

И добавляю:

- За наше поколение!

Залпом в один глоток выпиваю свой коньяк. Повисла секундная пауза. И вдруг на меня обрушились аплодисменты. Нет, это не были аплодисменты большого зала, мне не кричали: «Браво» и не тащили охапки цветов. Но это были аплодисменты признания, понимания и поддержки.

Анна Николаевна пересела ко мне:

- Гена, а у вас есть еще что-нибудь? Почитайте.

- Мне не очень удобно здесь. Все, что есть, военной направленности. У меня стихи рождаются только, когда я... ну, срастаюсь с событиями, когда я живу этим.

- Это же прекрасно! Так и только так писали все великие.

Я задумался, а потом мысленно махнул рукой: «Будь что будет» и как в омут с головой начал:

Когда мне совсем уж невмочь от полетов,

Когда в СПУ застревают слова,

Когда шлемофон набухает от пота,

Когда только в блистер летит синева...

Что называется, на одном дыхании прочитал, потом еще одно. Оба я посвятил любимым. Тем, кто ждал нас с этой войны, тем, кто писал нам в Афганистан добрые, нежные письма, тем, кто верил в нас. За них и был мой второй тост.

Хозяйка неожиданно перешла на «ты»:

- Слушай, афганец, давай после этой войны ко мне в школу. Возьму учителем НВП, помогу с поступлением в институт. Будешь писать, мы с тобой таких дел наворочаем! Соглашайся, капитан!

Я рассмеялся:

- За два дня – два серьезных предложения. Одно от первого секретаря горкома партии, второе от передового директора школы, - и шучу, - надо крепко подумать.

Добавляю уже совсем серьезно:

- Сначала надо оттуда вернуться.

Помолчали. Затем перевожу разговор на интересующую меня тему:

- Самуил Зельманович, так зовут профессора, как Православие объясняет такие войны? Точнее, правомерность участия в них Христианина? Несмотря на активную атеистическую пропаганду в Советской Армии, большая часть офицеров понимает, что защита Отечества от внешнего врага с оружием в руках – священный долг каждого православного. А как быть нам? Ведь в Афганистане нет моего Отечества. Скорее мы защищаем чьи-то политические интересы.

- Вы, молодой человек, сами ответили на свой вопрос. Сейчас Вы защищаете интересы государства, которому присягали. Это Ваш конституционный долг и обязанность перед Родиной, если хотите. Хотя в нашей стране церковь отделена от государства, но большая часть населения проповедует Христианство. Другими словами, Вы служите и его интересам. И это подтверждается нашей многовековой историей.

Профессор еще долго говорил о Долге, Совесть, Чести. Но слушал я его тогда вполуха – темы эти достаточно регулярно и назойливо вбивались в наши головы политработниками всех мастей на занятиях по марксистско-ленинской подготовке. А вот роль христианина именно в такой войне для меня так и осталась нераскрытой.

Глава 47.

Время, отведенное судьбой на общение со ставшими такими родными мне людьми: Татьяной с ее близнецами, профессорской четой Берлингеров, родителями Олега, таяло, будто снег под лучами апрельского солнца за окном. Приближалось время отъезда, а я все никак не мог надышаться вольным весенним воздухом в лесу у Сарбалы за речкой, не мог насмотреться в печальные зеленые глаза Татьяны, не мог наиграться с ее неутомимыми на выдумки близнецами.

В день вылета я почти силой затащил Татьяну в бар аэропортового ресторана. Не боясь показаться грубым, заказал ей, как и себе, «мужскую» дозу – сто пятьдесят грамм коньяка «Белая лошадь». Предложил тост: «За нашу прошлую новогоднюю встречу». Выпили не чокаясь. Все оставшееся до вылета время провели в зале ожидания. Женщина сидела, положив голову мне на плечо и крепко прижав к себе мою руку. Слов не было. И только уже перед трапом, когда все пассажиры поднялись в салон и стюардесса ласково-понимающе потянула меня за собой, я, наконец, осмелился:

- Я обязательно вернусь к тебе.

- Я буду ждать.

И все время: и на выруливании, и на исполнительном старте в начале полосы, и даже после отрыва – я видел одинокую женскую фигуру, тесно вжавшуюся в перила ограждения аэропортового перрона.

В Хайратоне застряли на пересылке. В огромной, человек на двадцать пехотной палатке нас собралось трое: молодой подполковник-медик из Кабула, пехотный прапорщик с обожженным лицом да я. На ближайшие три дня метео для Кундузских бортов не давало, колонна в нашем направлении, как узнал доктор, будет формироваться лишь через неделю. Так что, каких-

либо перемещений в ближайшем будущем для нас не предвиделось. Не знаю, как мои попутчики, а я для себя решил твердо: никаких наземных колонн с их зубодробительными трясками в БТРах и постоянным ожиданием подрыва или засады. Лучше буду, пока есть время, писать письма да вести с солдатиком-дневальным бесконечные беседы о доме, войне, предстоящем дембеле.

Но планы мои нарушил доктор. Он выставил на стол пузатую пятизвездную бутылку «Плиски» и громко, на всю палатку объявил:

- Ко мне, славяне! Сегодня подполковник Сомов обмывает «красную звезду»
Я всегда был рад новым знакомствам и таким спонтанным компаниям, поэтому, не ожидая повторения, со своей сумкой подтянулся к столу.

- А Вам что, товарищ прапорщик, особое приглашение требуется?

- Да нет, господа офицеры, что-то нет настроения, - пробурчал из своего угла наш третий попутчик.

Подполковник присел к нему на кровать:

- Слушай, военный, ты назвал нас господами, а господ, как знаешь, обижать не принято. Давай, давай за стол.

Прапорщик нехотя поднялся. Подполковник положил ему руку на плечо и дружески произнес:

- Давай-ка без «господ». Тебя как зовут?

- Прапорщик Кочнев.

- Давай без званий.

- Тогда Володя.

Перезнакомились. Доктор представился Сергеем. За операцию на Панджшере ему пришла, как он выразился, «железка» - орден «Красной Звезды». Он достал из кармана маленькую коробочку, вытащил из нее орден и, аккуратно опустив его в солдатскую кружку, залил коньяком. Потом налил нам. Чокнулись, выпили. Доктор положил орден на стол.

- Прикручу, когда обмоем в Кабуле со своими.

Поочередно рассматриваем награду. В центре серебряный барельеф красноармейца с винтовкой в руке, его окружает рубиновое пятизвездье. Красиво! Начинаю рассуждать вслух:

- Мужики, вот поза красноармейца в буденовке с винтовкой в руке символизирует, понятно, его горячий порыв и стремление к защите революционных завоеваний, цвет эмали на лучах звезды – пролитую при этом кровь. Только почему наш красноармеец защищает какую-то мифическую революцию в Афганистане? Вас, доктор, поверьте, я хочу обидеть меньше всего: вы медицина, нас всех вытаскиваете. Я о наградах в этой войне вообще. За что они? За мужество и героизм, проявленные при...

Так ведь их война, пусть и проявляют, пусть борются и воюют. Наши-то, Российские матери почему ревут над похоронками?

- Вопрос ты, капитан, затронул серьезный, - откликнулся доктор, - и вряд ли мы его сейчас здесь решим. Что касается медицины, то я оперирую и лечу людей, а не «шурави» и «духов». В этом весь смысл моей профессии, моего призвания, если хотите.

Коньяк к этому времени уже кончился, и прапорщик Володя, достав из тумбочки флягу, налил в свою кружку.

- КПСС, - сквозь зубы процедил он и тут же, никого, не дожидаясь и не чокаясь, выпил. Выпили и мы с подполковником.

- Володя, а чего ты вдруг предложил тост за партию?

- КПСС – это не партия, а команда: «Каждый Плескает Сам Себе».

Доктор засмеялся:

- А не боишься, Володя, незнакомым людям делать такие расшифровки?

- А вон Гена-то не боится искать в Афгане завоевания революции. Да и отбоился я, - сказал как отрезал прапорщик. И тут же, без всякого перехода, - Стояли мы на блоке перед Салангом шесть пацанов, только по призыву из Союза, БТР с экипажем, овчарка Машка да я – старший группы. Дорогу на перевал охраняли, значит. «Духи» вокруг бродили толпами. Орали нам, как стемнеет: «Русаки, домой давай, а то скоро обрезание будем делать по нашему обычаю». Неделю я просил подмоги, пока не села рация. Дней через десять приехало подкрепление – взвод «демократов», в форме, народная армия, значит. Окружили нас кольцом, жуют свой насвай, курят и воют что-то по-своему – то ли поют, то ли молятся. Потом, значит, утихомирились немного, к вечеру костры поразожгли, варят что-то в казанах и снова воют. Я пошел к ним, мол, беспорядок – демаскируете позицию. Какой там! Машут руками, орут что-то по-своему, типа: «Вали отсюда». Ну, а ночью встал по нужде, смотрю: уже подняли пологи, шарят гады в моей складской палатке. Стал прокрадываться к своим бойцам. Тормошу крайнего – рука в чем-то мокром и липком, свечу зажигалкой и вижу: перерезано горло. Проверил остальных – та же картина.

Прапорщик Володя надолго замолчал. Было слышно, как трещит табак в раскуриваемой им дешевой «Памирине». Дотянув окурок до самых пальцев, затушил его о каблук и продолжил:

- Стал я пробираться к БТРу, а «демократов» этих уже, как тараканов, и «духи» в чалмах с ними. И как они тогда меня не засекли, ума не приложу. Обкуренные были, видно, крепко. В общем, завел я тогда БТР и попер месить всех колесами и броней.

Володя опять замолчал. Налил в кружку спирту и опять выпил. Заканчивал он свой рассказ, медленно растягивая каждое слово:

- Своих ребят жалко, хоронить-то было некого – я ведь и по ним БТРом-то. А подбили меня из подствольника уже когда на дороге выбрался – там у «духов» дозор был оставлен. Помню только, как полыхнуло и БТР встал. Ну, а очнулся уже в госпитале. Вот подлатали малость в Ташкенте, потом отпуск и опять к своим. Теперь буду проситься в разветроту, земляк у меня там командиром. Ну, а этих уродов в чалмах на куски рвать буду, - закончил прапорщик Володя и опять надолго замолчал. Молчали и мы. Первым заговорил подполковник:

- Всем достается на этой войне, каждому по-своему. Давайте, славяне, еще по единой за то, чтобы вернуться отсюда живыми да не покалеченными.

Долго еще сидели в той палатке за флягой спирта подполковник-медик, авиационный капитан и пехотный прапорщик, ведя неторопливую беседу о войне, приказе Родины, долге и офицерской чести.

Глава 48.

Погоду к всеобщему удовлетворению дали уже на следующий день. И Слава Усков сорок пятым бортом еще до обеда доставил нас в Кундуз. На аэропортовском перроне я попрощался с попутчиками и устремился было в модуль, но не успел сделать и двух шагов, как попал в чьи-то крепкие объятия. Поднимаю глаза – это Олег:

- Товарищ капитан, прошу ко мне. Кофе моментально будет готов, а я умираю от нетерпения. Как там мама с отцом?

- Да успокойся ты, боец, все у родителей в порядке. Живут, работают. Подарки твои вручил, мама очень рада. По нашей версии ты сидишь в глубоком бункере и к войне не имеешь никакого отношения. Отцу, правда, пришлось все рассказать.

Олег вздохнул:

- Батьку не обманешь, а мамке он не расскажет. Он кремень.

За рассказами и разговорами время пролетело незаметно, и в модуль я попал только после обеда. Доложил командиру о прибытии, сдал в штаб документы, а в курилке уже ждут ребята. Объятия, рукопожатия, расспросы:

- Ну, как в Союзе?

- Куда летал?

- Кого встретил?

Обрисовал вкратце обстановку в Союзе, немного рассказал и о своих приключениях.

Во время нашего отсутствия в эскадрилье произошло два серьезных летных происшествия. При заходе на посадку в Хорог Слава Усков потерял обороты НВ и разложил борт на мелкие составляющие. Ну, и Саня Капаев, наш боевой замкомэска, на висении перед взлетом у себя в Кундузе низко опустил балку и зацепил хвостовым винтом за бетонку, борт сгорел. В обоих случаях экипажи не пострадали. И слава Богу – это самое главное. А бортов на заводах еще наклепают.

Но главное событие произошло, когда мы, оторванные от мира в солдатской палатке Хайратона, ждали борта на Кундуз. В ночь с 25 на 26 апреля на атомной электростанции под Киевом произошла авария. Толком никто ничего не знал. По нашему радио и в печати звучало: «Выброс». В «Комсомолке», которую нам доставляли довольно регулярно, даже была приведена таблица полураспада некоторых радиоактивных веществ, где с успокаивающей авторитетностью приводились какие-то мизерные цифры, призванные убедить читателей в несостоятельности их опасений. Но в противовес этим отношениям сквозь помехи, треск и неразбериху в эфире все чаще к нам от различных радиоголосов Европы стало пробиваться страшное слово «Взрыв». Мы догадывались, что в устранении последствий этой аварии будут задействованы вертолетчики. Но мы не знали, что наши товарищи будут висеть над самым жерлом ядерного вулкана, опуская туда датчики для измерения первоначальной самой страшной и убивающей все живое дозы излучения. Мы не знали, что потом они будут делать по шесть-семь заходов на реактор, сбрасывая в ненасытную пасть тормозные парашюты с дробью. Мы не знали, что радиоактивное облако уже накрыло всю Украину и половину Белоруссии. Мы тогда еще не знали, что в нашу историю пришло страшное слово ЧЕРНОБЫЛЬ.

Глава 49.

Утром перед вылетом к нам, хитро улыбаясь, на невесть откуда раздобытом дамском велосипеде без рамы подрулил штурман Саня Лупанов. Не успев спрыгнуть с седла, он завопил:

- Мужики, у вас консервы есть?

Надо заметить, что на каждом борту мы держали по мешку консервов: килька в томате, ставрида в масле, паштет рыбный и даже шпроты в масле. Этим богатством нас щедро снабжала летная столовая. Ну, а мы, в свою очередь, одаривали ими афганских ребятишек-«бачат», часть же хранили на случай вынужденной посадки.

- Сань, а зачем консервы-то? – спрашиваю штурмана, - ты что не наелся?

- Я не только наелся, я даже объелся, - хлопает себя по животу Лупанов, - а в Хосте за пяток банок дают ведро гранат. И что характерно, летим мы сейчас точно в Хост.

- И ты хочешь, чтобы мы, советские офицеры, меняли у представителей бандформирований консервы на гранаты?

- Да не у бандформирований, а у демократов. И гранаты-то – красные фрукты, ну, с дерева, - уже в открытую хохочет штурман.

- Ну-у-у, это в корне меняет дело, - смеется уже весь экипаж, - такие гранаты мы сильно уважаем и любим.

А у входной стремянки уже цепочкой вытянулись афганцы – это наши пассажиры. Сопровождает их старший лейтенант Царандоя Хаким. После ЧП со взрывом нашего борта под Кабулом нам разрешено досматривать ручную кладь и самих пассажиров. Неприятная, но необходимая в наших условиях процедура. Проверяю протянутые мне паспорта, там фотографии каких-то парней в чалмах, рядом строчки «иероглифов». Поди, угадай, что там написано. Возвращаю паспорт, пусть Хаким с ними разбирается. Следующий пассажир в форме, на нем зеленый распахнутый френч, погоны с аксельбантами, на голове фуражка с высокой тульей. Военный тычет себя пальцем в грудь и лопочет:

- Командор, лет-т-тчик!

За ним семенит худенькая, в зеленой марлевой парандже, плавно переходящей в длинное до пят платье, женщина.

- А это кто?

- Ханум, жена.

- А где еще-то две?

- Две нет, рано. Пока один ханум. Потом еще два, три. Сейчас один.

Пропускаю пару на борт и усаживаю на сиденья слева, поближе к кабине экипажа, здесь меньше вибрация и теплее от лент перепуска. Очередной афганец явно прячет что-то под полый пиджака. Направляю к нему Лешу Смирнова, после катастрофы под Кабулом он не летает и работает представителем нашей комендатуры – помогает царандоевцу Хакиму на разгрузке бортов. У афганца за пазухой обнаруживаются ножницы для стрижки овец. Принимаем их за холодное оружие и отправляем экстремала в особый отдел.

Наконец все пассажиры досмотрены, внесены в открытый лист и размещены на борту согласно центровки. Запуск. Контрольное висение. Взлет. Не успеваем занять свой эшелон, как в дверь кабины начинают барабанить. Приоткрываю створку – в проеме летчик. Он очень обеспокоен и, стараясь перекрыть грохот двигателей и отчаянно жестикулируя, что-то кричит мне

в шлемофон. Выхожу в грузовую и сразу понимаю причину его беспокойства: его ханум стало плохо. А механик уже тащит ящик из-под патронов на случай, если ее будет тошнить. Но заботливый муж отрицательно машет головой и жестами показывает, что надо снижаться – женщине не хватает кислорода. Мягко отстраняю афганца, вытаскиваю из своей кабины кислородный шланг и приоткрываю вентиль. Ну, а дальше дело застопорилось. У афганки, куда ни ткнись, - паранджа да подол длинного платья. Пытаюсь как-то подвести кислород снизу – муж бьет по рукам, тяну вверх паранджу – ханум начинает вырываться и дико верещит. Наконец через марлю-вуаль паранджи кое-как пристроил шланг и демонстративно, дескать за последствия не отвечаю, разведя руками, удаляюсь на свое рабочее место. Быстрый взгляд на приборы – все в норме. А вот лепестки кислородного прибора даже не шевелятся, это значит, что ханум не дышит. Опять выскакиваю в грузовую. Женщина уже лежит на сиденье, ей совсем плохо. Костяшками пальцев бью летчика по башке, словно по чугунку, и сую ему кислородный шланг прямо в зубы. А в ухо ору: - Сунь ей в рот, а то сейчас обоих с борта выкину!

Угроза подействовала, афганец под всеобщий хохот засунул руку со шлангом под платье, протянул вверх и, найдя наконец нужное отверстие, радостно закивал головой. Заглядываю в кабину – лепестки легочного прибора ритмично расходятся, все в порядке. После посадки еще не остановился НВ, а летчик с женой уже лезут в кабину. Он протягивает мне четки, перебирая их и радостно улыбаясь:

- Гена, - откуда-то уже узнал мое имя, - это афган шурави бакшиш, ташакор, спасибо, - путая фарси с русским, лопочет он. Тут и я смущаюсь:

- Да ладно, чего там... На здоровье.

- Это что «на здоровье»?

- Ну, что б вам хорошо было, хороб по-вашему.

В завершение мы подарили молодой паре четыре банки шпрот в масле. Четки забрал механик для коллекции. Завидев консервы, афганцы притащили нам два огромных ведра с гранатами. Не с теми гранатами, которые убивают, разрывая на куски и афганцев и русских, а с теми, которые с любовью и старанием выращены были на их многострадальной земле.

Глава 50.

Сегодня весь авиационный городок пестрит афишами – у нас будет выступать Анне Вески. Работаем по такому случаю до обеда и, хотя концерт был назначен на вечер, все свободные летные экипажи и часть наземников

занимали места в клубе сразу после обеда. И пока мы выполняли послеполетную, да заправляли и чехлили борта, зрители в клубе, таком подобии железнодорожного пакгауза, крытого гофрированным цинком, уже расположились внутри тремя ярусами. Первый, сидя прямо на полу на газетах, второй на низких клубовских скамейках, и третий висел по стенам на батареях отопления. Мне досталось стоячее место по левой стороне недалеко от пятака, изображавшего сцену. Духота стояла невероятная. Зрители давным-давно поснимали летные тужурки и остались кто в чем: кто в офицерской рубашке, кто в тельняшке, а кто и просто в футболке с изображением какого-то популярного на Западе артиста. Политработники больших и малых рангов под возмущенный ропот присутствующих, давным-давно обзвонили все инстанции в поисках пропавших артистов.

Наконец, через каких-то три с половиной часа ожидания из боковой дверцы, отодвинув занавес, на пятак вышел долговязый прибалт с электрогитарой, подвешенной высоко на грудь. Рядом с ним, как-то незаметно образовалась невзрачная девчушка в коротеньком сарафане и чепчике, изображавшая то ли Красную Шапочку, то ли батрачку с прибалтийского хутора. Следом угрюмый небритый тип выволок оркестровый барабан, пару тарелок, установленных на вертикальной стойке и несколько маленьких барабанчиков. Сам детина взгромоздился на высокий барный табурет, стукнул три раза одной палочкой о другую и в клубе зазвучала быстрая ритмическая мелодия на эстонском языке. Ее сменила вторая, затем третья. После этого подобия попури в зале раздались ленивые хлопки. Повисла долгая неловкая пауза. С первой скамьи вдруг отчетливо на весь зал прозвучало:

- Анку давай, а то я сейчас эту мелодию тебе на башке отбарабаню.

Первые ряды занимали боевые ребята с МИ-8-ых. Недавно на облете площадок их комэску сбили из ДШК, борт сгорел, экипаж погиб. И сейчас мы ничуть не сомневались в серьезности их намерений. Барабанщик огрызнулся какой-то фразой на своем языке. В ответ с первой скамьи поднялся здоровый, как шкаф прапорщик борттехник и демонстративно засучил рукава тельняшки. Барабанщик попятился назад вместе со своим неустойчивым табуретом. Вставший тихо, но так, что услышал весь зал, проговорил:

- Ты, чмо, сейчас пойдешь ко мне в модуль белье стирать.

Обстановку разрядила молодая стройная женщина в белых брюках и свободного покроя кофточке. Она как-то незаметно появилась на импровизированной сцене, но сразу завладела всеобщим вниманием. Ее движения в танце, мягкий прибалтийский акцент, простота в общении, сразу

очаровали и заморозили всю публику. Это была Анна Вески. Во время выступления она вдруг случайно задела барабан, легко отмахнулась от него ладошкой и сделала полшага навстречу залу. Несмотря на ужасную тесноту, вокруг моментально образовалось свободное пространство и весь дальнейший репертуар она исполняла как бы среди нас. Уже не вызывали неприязни ни долговязый гитарист, дергающий медиатором струны своей бас-гитары, ни задира барабанщик. «Красная Шапочка» тоже вполне органично вписалась в ансамбль и, легко пританцовывая, двигалась на пятачке. Когда объявили прощальный номер наш импровизированный концертный зал будто сошел с ума. Публика и рукоплескала, и кричала «браво», и взрывалась троекратным «ура». Фанаты с букетами роз выстроились в очередь. Клумбы возле всех модулей моментально опустели. Отдельная очередь выстроилась за автографами. У тех высшим изыском считалось заполучить роспись певицы в удостоверение личности офицера. Беспреданно сверкали вспышки наших «Зорких» и «ФЭД»ов.

Провожать артистов на аэродром высыпал весь гарнизон. Здесь в общей толпе было совсем просто. Были рукопожатия, объятия, и даже поцелуи. С верхней ступеньки трапа «Анка», как ее уже успели прозвать, взмахнула рукой и с легким акцентом нараспев произнесла:

- Ребята, возвращайтесь скорей!

Глава 51.

Весна в Афгане мало отличается от лета, поэтому июньская жара обрушилась на нас без заметного перехода. Столбик термометра даже в тени порой зашкаливал за 50 градусов по Цельсию. В полете к этому параметру добавлялось пекло из лент перепуска двигателей, плюс грохот и вибрация. И в этом аду еще надо было умудриться выполнять боевую задачу. Мы всячески старались облегчить условия своей работы – флягу с настоем верблюжьей колючки в полете высывали за борт, чтобы охладить, комбезы и брюки и куртки увлажняли, а шлемофон попросту наполняли водой из бортбачка. Эти меры, правда, мало помогали – вся одежда на такой жаре моментально высыхала.

И только когда, потеряв сознание, из строя выпал Женя Головачев – нам молодой командир экипажа, командование полеты отбило, да призадумалось, а вдруг таким же манером повывадают и все остальные, кто летать-то будет. Величайшим указом свыше днем в самую жару нам давали четырехчасовой перерыв.

Сегодня мы уже сделали одну ходку на Файзабад, слили на ГСМе 5 тонн керосина, отдохнули положенное время и делаем второй рейс. Не успели зарулить на склад, как на к борту подлетел УАЗик с советниками ХАДа, местного КГБ. Нам тут же изменили задание: потребовалась немедленная отправка 13 осужденных душманов (трое из них, как выяснилось, приговорены к высшей мере) с 12-ю охранниками в тюрьму Кундуза. Тут же у борта «нарисовался» ГАЗ-66 с экстремальными пассажирами и замызганный, ободраный, еще, наверное, времен Великой отечественной БТР. Из-под тента грузовика стали спрыгивать скованные попарно душманы, вперемешку с сорбозами-охранниками. Последними спрыгнули три душмана, также закованные в ручные кандалы, но почему-то на них не было чалмы, головы были наголо бриты. Как мы догадались, это приговоренные к высшей мере.

Дальше больше - к каждому из осужденных подходил начальник тюрьмы, старший капитан народной армии Афганистана, обнимался и терся с ними щеками. По мусульманским законам это было из наивысших проявлений расположения и благодарности. Вот таких пассажиров нам предстояло доставить в Кундуз, а это при нашей загрузке и скорости примерно 1 час летного времени.

Наши раздумывания опять были неожиданно прерваны подбежавшим советником. Он сильно волновался, из его сбивчивого рассказа удалось понять, что на выручку пленным выдвинулось крупное бандформирование с большим количеством стрелкового и артиллерийского вооружения. Его слова сразу реально подтвердились. Наземный состав эскадрильи Ми-24, базировавшейся на аэродроме Файзабад, засуетился вокруг затаренных и нактанных тут же на аэродромной железке 250 килограммовых бомб Оружейники вручную подвешивали по 2 шт. на балочные держатели и борта для экономии времени, не выруливая на полосу, взлетали со своих стоянок и сразу уходили на удар. Их работу могли наблюдать и мы: на удалении 10-20 км, куда пикировали «двадцатичетверки», на горном склоне хорошо видны были в облаках пыли яркие сполохи, и уже потом, через несколько секунд, до нас долетали гулкие раскаты взрывов.

Надо было срочно уходить, пока бомбежка задерживает продвижение банды. В спешке через пацана-переводчика командуем пленным пересесть на пол грузовой кабины, охрану рассаживаем по бортам на откидные сиденья, отбираем у них оружие, прячем его в дюралевый ящик из-под чехлов. На крышку ящика посадили бортрадиста и бортмеханика со своими АКМами. Предупредили и пленных, и охрану, что будем открывать огонь на поражение при малейшей попытке встать.

Не дожидаясь аэродромного источника, запускаем двигатели от своих аккумуляторов и тут же со стоянки без висения взлетаем. Напоминая по СПУ командиру, чтобы набрал над точкой безопасную (недосягаемую для «Иглы») высоту 2200 м и уходил на Кундуз с набором высоты. Дело в том, что уходить мы должны были в сторону банды, и не факт, что у них нет ПЗРК, превышающего по тактико-техническим данным ракетный комплекс «Игла». А как хотелось «духам» избавиться от «языков» на нашем борту было ясно всем.

Статический потолок вертолета МИ-6 составляет 4500 м, мы правдами и неправдами наскребаем 6300 м и берем курс домой. Кислорода в баллонах нет, и поэтому всех тянет в сон, толкаем друг друга ручкой гидронасоса, не давая расслабиться. Вдруг в кабину врывается бортмеханик и кричит, не по уставу, конечно:

- Борттехник, полундра!

Высовываю голову в грузовую и наблюдаю: наши арестанты в обнимку с охранниками что-то жуют и курят. Готов дать голову на отсечение, что это план или анаша, ну, а после наркоты жди сюрпризов. Стрелять в вертолете, конечно, не будешь – сама грузовая кабина, отсеки двигателей и редукторов напичканы трубопроводами, блоками, приборами и агрегатами. Эта картина промелькнула передо мной, что называется в доли секунды. Но другая картина заставила что-то внутри сжаться и резко провалиться вниз. Через лючок подхода к левому двигателю под давлением вырываются пары керосина и, смешиваясь с горячим воздухом, заполняют всю кабину. Мозг начал лихорадочно прокручивать: «Что делать?» - а руки уже переключатели в кабине закрыли ленты перепуска, толкнули механика к «духам», чтобы тушили папиросы. Отстегиваю парашют, хватаю из инструментального ящика пассатижи и мелкие ключи. Озираюсь, ищу, на что бы наступить и влезть в отсек двигателя. Вдруг краем глаза замечаю среди афганцев какое-то движение. Затем ясно осознаю, что на меня, мелькая босыми ногами из широченных шаровар, летят те бритые пленные. Сознаю: все-таки предстоит битва, готовлюсь врезать «духу» каблуком полетного ботинка в его роскошную бороду, но они, вдруг, все трое сгрудились под люком, а один из них, кажется, с самой свирепой рожей, наклонил голову и, насколько позволяли кандалы, похлопал себя по плечам. Выбирать не приходится, да и времени у меня нет. Кое-как вскарабкался на душманскую спину, и он с неожиданной мощью, словно гидроподъемник, буквально всадил меня в поддвигательный лючок.

Почему-то здесь, среди бьющего струей керосина, набегающего встречного потока, обжигающего металла, мне легче и проще, чем там в кабине с

душманами. Автоматически отыскиваю ослабшую накидную гайку на насосе-регуляторе, срываю контровку, отгибаю трубопровод, подсовываю под него ключ и плавно (лишь бы не сорвать, давление-то 50 атмосфер) затягиваю соединение. А мысли мелькают с бешеной скоростью: «движок выключать нельзя, на одном правом не дотянем», «прыгать не получится, парашют в чашке», лишь бы не сорвать трубку» и «Господи, помоги!» Потихоньку хлопаю свой «гидроподъемник» по плечу. Меня вытаскивают из люка. Чтобы хоть как-то отблагодарить своих помощников, усаживаю их на откидные сиденья и, поставив рядом цинк с водой, разрешаю курить. Уже на земле задумываюсь: «Зачем пленные помогали мне? Ведь знали, что их везут на расстрел?» И сам отвечаю: «Даже приговоренные мусульмане, известные всему миру своей фанатичной верой, хотят жить».

Глава 52.

С приходом лета пришли ветра. Вот уже два дня метет песчаная поземка, прямо как на Родине в Подмоскowie. Только вместо снега – мелкая, проникающая, кажется, в самую душу песчаная пыль. Полетов, понятно, нет. Ждем погоды. Кто гоняет шары на бильярде, кто щелкает пинг-понгом, кто пишет письма, а кто-то просто слоняется без дела по модулю. Одолевают мысли: «Насколько я успел выполнить свой интернациональный долг? Мы здесь уже почти 11 месяцев, до замены еще месяц-два. Отдал ли я пресловутый долг или еще немного останется? К исходу дня наконец разведрилось. Командир эскадрильи сам ставит задачу:

- Борт 41 на Хайратон, ведет бачат в пионерлагерь. Задание уточнить у коменданта по загрузке. Я – командир, правый, - он быстро обвел взглядом строй, - лейтенант Боляков.

По такому случаю вызываем КПМ-ку – аэродромную поливальную машину и моем вертолет внутри и снаружи. Заруливаем на перрон аэродрома. Открываю створки, опускаю трап. Ждем пассажиров. Ребятишек-бачат к борту доставила размалеванная, увешанная цветными лентами и шарами «бурбахайка»-автобус. Из нее, не дожидаясь остановки, еще на ходу с невероятным гвалтом высыпала грязная, неумытая оборванная и босая толпа «бачат». И она, эта толпа, мгновенно разлилась верещащим половодьем по перрону, устремилась, было в вертолет, но остановленная моими распахнутыми руками, застыла у трапа. Трое самых отвязанных пацанов вплотную подступили ко мне, отчаянно размахивая руками и без умолку молоча что-то на своем языке. Чувствую их быстрые прикосновения на комбезе, подшлемнике, брюках и да полетных ботинках и ничего не могу

сделать. Не будешь же бить этих пацанят у всех на глазах. И только когда авторучка из моего кармана плавно переключалась в его карман, не сдерживаясь, отвечаю пацану подзатыльник. Он тут же смешивается с галдящей толпой. Виновато улыбаясь, переводчик объясняет, что клептомания у этих детей что-то вроде обычая, традиции что ли.

Тут я призадумался, а вдруг эти оторвы будут также вести себя на борту? Они же мне весь вертолет по винтикам растащат. Немного посоветовавшись, прибегаем к хитрости. Переводчик объясняет, что если в полете хоть один пассажир встанет с места, то вертолет сядет в пустыне и они все вместо Артека попадут к душманам в пещеру. Сказано это было серьезным тоном под утвердительные жесты летчиков с автоматами на плечах. Бачата приутихли – кажется, нам поверили.

Полтора часа полетного времени прошли незаметно. С разрешения командира пригласил двоих ребяташек в кабину. Они замерли зачарованные обилием всевозможных рычагов, приборов, переключателей. Одному я дал подержаться за ручку гидронасоса и даже покрутить ее, жестами объяснив, что это именно он сейчас управляет вертолетом. Глаза пацаненка напрочь вылезли из орбит, и уже всерьез стал опасаться за то, как они вернуться обратно. За дверью кабины тем временем уже образовалась очередь на доступ к столь ответственной работе. Через воспитателя объясняю, что мы заходим на посадку, и находиться в кабине очень опасно - возможен обстрел из пулемета. И только эта угроза подействовала, все пассажиры опять заняли свои места.

Сразу после выключения командир со штурманом умчались на УАЗике «выбрать» для детей автобус, а я чтобы хоть как-то занять их на время, включил БТУ – бортовую телеустановку. Камера предназначалась для наблюдения за грузом при работе с внешней подвеской. Сейчас на земле мы использовали БТУ для демонстрации своеобразного, стихийно возникшего концерта. Часть ребяташек плясала, пела и кривлялась под балкой, другая часть наблюдала все это в кабине экипажа на маленьком дисплее. Периодически артисты и зрители менялись ролями. Восхищению, восторгу, аплодисментам не было предела.

Вскоре подали автобус. Настала пора прощаться. Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Оборачиваюсь – передо мной те трое, что экспроприировали у меня авторучку. Ребята протягивают мою пропажу и виновато лопочут:

- Ташакур, Дус.

В переводе с фарси это означает «спасибо, друг». Я смущаюсь еще больше воришек, но громко и внятно тоном, исключая любые возражения, произношу:

- Это вам подарок, ну, бакшиш, по-вашему.

Бачата схватили ручку и, весело подпрыгивая, рванули к своим. И уже весь автобус радостно скандировал:

- Та – ша – кур, дус! Та – ша – кур, дус!

Конечно, это не было благодарностью только за мелкий сувенир. Это было что-то гораздо большее. Это была благодарность за построенные русскими школы и клубы, за восстановление взорванных душманами арыков и электростанций, за скважины, дающие дехканам воду, за пшеницу и сахар, которые привозят русские вертолеты и, наконец, за непонятный и сказочный Артек на берегу Черного моря.

Мы, шестеро русских парней, растянувшись цепочкой вдоль борта вертолета, прощальными взмахами рук провожали афганских пацанов к себе на Родину в неизведанное ими счастливое детство, в новую жизнь. Наверное, в этом и заключается наш интернациональный долг.

*п. Глебычево
январь 2000 – август 2017
автор*

Список сокращений:

ДСЧ – дежурный по стоянке части
ДСП – дежурный по стоянке подразделения
ТЭЧ – техническо-эксплуатационная часть
ВЭ – вертолетная эскадрилья
ИАС – инженерно-авиационная служба
ПМ – пистолет Макарова
Комэск(а) – командир эскадрильи
СПУ – самолетное переговорное устройство
АЗС – автомат защиты сети
АКМ – автомат Калашникова модернизированный
ВПП – взлетно-посадочная полоса
НВ – несущий винт
МВЛ – местные воздушные линии
«ШАГ- ГАЗ» - совмещенный рычаг управления шагом винта и двигателем
ДШК – крупнокалиберный пулемет
РП – руководитель полетов
ПЗРК – переносной зенитно-ракетный комплекс
РС – реактивный снаряд
ЦОС – центробежный ограничитель свеса
ГСМ – горюче-смазочные материалы
УБ – 32 – блоки реактивных снарядов
КДП – командно-диспетчерский пункт
РВ – 3 - радиовысотомер
ПДС – парашютно-десантная служба
ПН – парашют нагрудный
АМГ – авиационное масло гидравлическое
ТС – 1 – авиационное топливо
ПАРМ – передвижные авиаремонтные мастерские
ПСНД – сигнальный патрон
МАП – министерство авиационной промышленности
АСО – термические ловушки для тепловых ракет
ИВ – 200 – аппаратура опасной вибрации
РГД – ручная граната
Бакшиш – досл. подарок нищему (фарси)
Дукан – маленький магазинчик (афг.)
Бур – Английская крупнокалиберная винтовка
Сорбоз – солдат (афг.)
Бурбахайка – машина, автобус (жарг.)
Бача – пацан (афг.)
Ташакур – спасибо (фарси)
Дус – друг (фарси)

«Родник. Пять глотков.» Е. А. Михалёва

Автор обладает способностью зримо вовлекать читателя в события, о которых он рассказывает. Нет ни малейшего намёка на выдуманность историй. Автору веришь с первых строк. У меня, как у человека, далеко от боевых действий и незнакомого с техническими терминами, вопросов при чтении не возникало. Это подтверждает доступный и простой язык рассказчика. Такая манера изложения даёт возможность принимать душой его работы, как старшим поколениям, так и молодёжью, что немаловажно.

Рассказы Е. А. Михалёва – не просто жизненные истории. Здесь поднят целый пласт очень спорных и неоднозначных событий в Афганистане. И автор помогает читателю лучше разобраться во всех перипетиях, а зачастую, и трагедиях того времени.

Меня поразила достоверность описания состояния вертолётчика, которое он переживал, попав, казалось бы, безысходную ситуацию... И только самообладание и мужество, твёрдость характера помогли выжить. Всегда преклонялась перед такими сильными людьми.

Сложную для восприятия тему Евгений Алексеевич умело увязывает с описанием обычных жизненных ситуаций. Здесь прекрасно переданные эмоции, трогательность человеческих отношений. Красивых и чистых как сам родник.

Автор очень деликатно поднимает тему Православия. Интересно переплетает личные отношения и духовное состояние героев рассказа.

Поразило, как мастерски удалось, что называется «вклинить» в рассказ историю с хулиганами. Короткое, какое-то мимолётное событие «подняло» героя повествования в глазах читателя. Перед нами предстал настоящий МУЖЧИНА. И мне кажется, что рассказ должен иметь успех, особенно у женской аудитории, потому что в реальной жизни нам так часто не хватает надёжного плеча.

Автор без пафоса создаёт образ человека, который хорошо знает, что такое Родина, воинский долг, честь и совесть.

Надеюсь, что жизненный опыт и желание передать свои знания читателю Е. А. Михалёву написать ещё много-много интересных рассказов.

Творческих успехов и здоровья автору!

*Людмила Филипенко (г. Выборг)
член Российского союза писателей*

*Святому источнику
православия посвящается*

Родник. Пять глотков

Часть I
Часть II

Часть I

Работу в Кабульской зоне они не любили. Здесь в прошлом году взорвали экипаж Миши Трабо. Тогда «духи» спрятали две мины в бензиновых бочках. Первым же взрывом выбило грузовые створки. Миша бросил машину в почти отвесное пике, режим называется «экстренное снижение», скорость в 35 м/с рвет барабанные перепонки и ломает носоглотку. Второй взрыв покорежил, изуродовал всю грузовую кабину, завалил сорокатонную машину МИ-6 на правый бок и выбросил Леху Смирнова, правого летчика, в блистер. Не знаем, какому Богу он тогда молился, но купол его парашюта с высоты 60 м наполнился.

На опознании разорванных, обгоревших, уродливо скалящих белые зубы останков командир полка, седой, со шрамом во всю щеку и довоевавший свой третий Афган полковник, не таясь, размазал слезу по шраму.

Сегодня им выпало задание, что называется, «проще некуда»: надо было отвезти хвостовой редуктор с «восьмерки» по маршруту Кабул – Годез. Свои положенные две недели в Кабульской зоне экипаж честно отработал, так что из Гордеза можно было спокойно набирать эшелон над Салангом и потихоньку топтать домой в Кундуз, где после такой работы ребятам полагалась сауна, бассейн и боевые 150 спирта.

- «Бегония», я «246» безопасную занял, разрешите отход, задание.

- «246», на эшелоне 4500 отход, задание разрешаю.

Только командир отработал с руководителем полета на коротковолновой р-832, в кабину пролезла голова в зеленом шлемофоне, такой был только у механика.

- Борттехник, посмотри, что-то со створок капает.

- Чего капает-то, керосин?

- Да нет, вроде АМГ.³

- Вроде, вроде, наберут колхозников на борт, АМГ от керосина не отличат,

-

ворчит борттехник, но все же отстегивает парашют, сажает механика за пульт и, чертыхаясь на загорающийся через раз фонарик, карабкается к грузовым створкам.

И вдруг вертолет резко, будто вагон врезался в линзу тупика, останавливается и медленно, как в кино, валится на хвост, и только потом со стороны кабины раздается страшной силы удар. Мозг борттехника работает удивительно четко:

³ АМГ - гидравлическое масло;

- Вращение НВ⁴ вправо, правая задняя дверь, только бы не поймать лопасть, высота 2200, скорость 250, купол должен наполниться. Только бы не поймать лопасть!

Он наваливается плечом на аварийную дверь, ищет красную держку – только ей можно отстрелить дверь. Парашют под коленями цепляет за откидное сиденье.

- Опять не подтянул ножные ремни, - проносится в голове.

Рывок за держку - и сильный пиропатрон отстреливает дверь. Он двумя ногами отталкивается от проема и проваливается в небытие. Умный КАП-3⁵ ровно через шесть секунд вырывает медузу вытяжного, а рывок основного купола возвращает ему сознание.

Ему повезло – чья-то ЛЮБОВЬ хранила его.

- «Духи» явно наблюдают мой купол, сейчас они разделятся на две группы –одна пойдет за обломками, другая за куполом. Расстреливать в воздухе не будут – за пленного в банде заплатят больше. Надо тянуть передние стропы – со скольжением снижение быстрее. Хотя он готовился и ждал землю, она пришла неожиданно и ударила каменной осыпью в правый бок. Его протащило немного по крутому склону и остановило-запутало в стропях. Купол намертво зацепился за острый клык скалы. Он дотянулся до ножного кармашка с кнопкой – там был нож. Беспорядочно, слева направо и сверху вниз, так удобней, полосуюя купол, превратил его в груды тряпья. Тут же под обломком скалы он обнаружил глубокую, очевидно, оставленную когда-то другим крупным и затем сорвавшимся вниз обломком.

Ему опять повезло – чья-то ЛЮБОВЬ хранила его.

Лихорадочно работая сбитыми в кровь ладонями и локтями сначала расширил углубление, потом затолкал туда то, что когда-то было парашютом, свалился сам и стал нагребать на себя сыпучее крошево. И тут самообладание изменило ему – руки и ноги стали ватными и противно дрожали. Он стал бояться, что не успеет, он приказывал себе, он до крошева в резцах стискивал зубы, он выламывал уже и так сбитые в кровь пальцы - противная дрожь не отступала. Тогда он прямо через камуфляж комбеза почти на пол-лезвия всадил стропорез в икру левой ноги. Острая жгучая боль сразу вернула ему самообладание. Понимая, что проигрывает во времени, нащупал в кармане-кобуре индивидуальный пакет, зажав зубами угол резко рванул обертку. Сложив вдвое бинт, туго перетянул раненую ногу, остатками

⁴ НВ - несущий винт;

⁵ КАП – 3 - прибор, автоматически приводящий в действие вытяжной парашют

кое-как сверху комбеза забинтовал рану. Щебень посыпался неожиданно споро и быстро.

- Теперь слушать шаги и не дышать, - приказал он себе.

- Стоп, а граната?

В левом нагрудном кармане он всегда носил «Ф»жу⁶. Любой вертолетчик знал, что мгновенная смерть в тысячу раз лучше плена. Он осторожно на ощупь разогнул усы чеки и, продев палец в кольцо, намертво согнул его.

- Только бы у «духов» не было собаки, - шептал он обескровленными губами.

Собака у «духов» была, кавказская овчарка, которая до войны охраняла овец, но с приходом «шурави» была натаскана и на людей. А вчера утром собака оценилась и сейчас мирно облизывала в кошаре шесть пушистых черно-рыжих комочков. «Духи» прошли метров на сорок выше.

Ему опять повезло. Опять чья-то ЛЮБОВЬ хранила его.

Он продвигался только ночью, днем отлеживался в расщелинах, неглубоких пещерках под размытыми берегами, когда-то бурных, но давно пересохших горных речушек. Пить ему хотелось с первых же минут после приземления. От волнения, первого стресса и жары, как наждаком, скоблило в горле. Фляга с настоем из верблюжьей колючки сгорела с бортом. НАЗ⁷ был кем-то разграблен еще раньше. На вторые сутки он попробовал слизывать пот с подлоктевых сгибов, но соленая горечь только усиливала жажду. Если сначала он не испытывал сильного голода – очевидно, сказывались какие-то внутренние запасы, благо в летной столовой кормили как на убой, - то к ночи в желудке противно-тягуче и, невероятно быстро усиливаясь, потянуло куда-то вниз. Попытался осторожно массировать место схождения ребер. Боль немного утихла.

На третью ночь он уже не шел, а волочился по каменистому дну высохшего ручья. На песчаные полосы он наступать себе не позволял – следы выдали бы его с первыми же лучами солнца. Жажда и сухая режущая боль в горле стали настолько невыносимыми, что совсем заглушили чувство голода и боль в ноге. На четвертые сутки он валялся за вывороченным взрывом кустом на опушке начавшейся «зеленки». Эти сутки он решил отдохнуть, обдумывая любые варианты и способы, чтобы добыть хоть глоток воды. Но в голову не приходило ничего, кроме одного способа, которому учили инструктора на двухнедельных курсах в Судане перед Афганом. Этот

⁶ Ф - ручная граната «Ф-1»;

⁷ НАЗ - носимый аварийный запас

способ заключался в натягивании полимерной пленки сверху выкопанной в песке ямки. Но для этого нужны пленка и стакан.

На пятые сутки он брел по опушке «зеленки», почти не таясь...

Шестые сутки он полз, помогая себе тем, что кое-как цеплялся за траву и корни руками. В какое-то время ему стало все равно: свои, плен, или смерть – лишь бы дали глоток воды, но воды не было, и он опять вытащил гранату, медленно перевалился с бока на живот, подсунув под себя кулак с гранатой. Слизывая с губ соленые слезы, вертолетчик поднял голову, чтобы в последний раз взглянуть на небо, и неожиданно замер – слух уловил едва слышимое журчание, нет шелест. В мозг лениво вдавливалось: га-лю-ци-на-ци-я, и он опять разогнул усики на зачекованном запале. Но шелест-журчание почему-то не прекращался, а наоборот, приобретал вполне осязаемый звук бегущего ручейка. Он, не глядя, вытянул вперед свободную от гранаты руку. И тут он заплакал по-настоящему, как когда-то, уткнувшись в колени мамы, давясь слезами обиды на дворовых мальчишек, - *ладонь была мокрой.*

И опять ему повезло – чья-то ЛЮБОВЬ хранила его.

Он подтянулся к маленькому, размером с чайное блюдце озерку, приблизил к нему глаза и увидел микроскопические струйки кристально-чистой родниковой воды и поднимаемые ею песчинки. Осторожно, боясь нарушить хрупкое равновесие неожиданного дара *природы*, погрузил в него растрескавшиеся губы и сделал

ПЕРВЫЙ самый сладкий, возвращающий его к жизни глоток;

ВТОРОЙ был, как *святая вода из Православного храма* своими золочеными куполами возвышающегося над вековыми соснами, как бы символизируя Святую Русь, Веру, Православие;

ТРЕТИЙ он разделил на несколько микроскопических глотков, стараясь как можно дальше отодвинуть неизбежное расставание с РОДНИКОМ;

ЧЕТВЕРТЫЙ он смаковал, медленно втягивая и впитывая в себя в себя силу, которую давала ему встреча с РОДНИКОМ;

ПЯТЫЙ был жадным и быстрым, несмотря на ломящую боль в зубах, он вдруг необычайно ярко и реально ощутил всю неотвратимость разлуки с РОДНИКОМ, он видел, что это глоток пос-лед-ний....

Он поднял глаза в чужое сизо-серое от пятидесятиградусной жары небо и взгляд его уловил на горизонте две маленькие, но почему-то нереально быстро увеличивающиеся точки, знакомый стрекот от которых объемно заполнял все пространство вокруг.

В который раз ему повезло – чья-то ЛЮБОВЬ хранила его.

Часть 2

После прыжка Вертолётчику был положен профилакторий – медицинский реабилитационный центр «Дурмень», где после подобных происшествий лётный состав ставили на крыло и снова отправляли в афганское пекло.

Он записался на приём к командиру и упросил заменить профилакторий на две недели любого дома отдыха в России, где среди русских деревьев, травы, полевых цветов, водной глади заросшего пруда, просто чирикания воробьёв он смог бы забыть тот афганский кошмар.

Сейчас он удобно устроился в кресле первого салона ТУ-154, следующего по маршруту Ташкент-Пулково. Дальше ему после каких-то трёх часов электрички предстояло окунуться в рай под названием «Приозерский военный санаторий».

Формальности в приёмном отделении заняли около часа. На нём была гражданская одежда, никто не знал откуда он, почему он здесь. После общения с прежде окружающим его миром и, окунувшись в волны простых человеческих отношений, на душе было необычайно радостно и легко. Он был готов обнять и дежурного врача приёмного отделения – строгую средних лет и постоянно задающую ненужные, как ему казалось, вопросы женщину, и двух хохотушек-медсестричек, ежеминутно требующих у него какие-то документы, и даже бабулю - божий одуванчик, усердно тягавшую современный пылесос по ковровой дорожке приёмного отделения.

Ему предоставили отдельный номер на первом этаже терапевтического отделения. Он бросил свою «адидасовскую» сумку на аккуратно застеленную кровать и, не снимая кожаной лётной куртки, тяжело опустился в кресло. Несколько минут пытался осмыслить то, что произошло с ним там, за речкой, и то, что происходит сейчас. Вертолётчик встал, расстегнул полукружье молнии на сумке и достал плоскую стеклянную фляжку с коньяком. Возле традиционного гостиничного графина приютились два не менее традиционных гранёных стакана. Медленно сорвал и открутил пробку с фляжки, и, резко перевернув её вверх дном, до краёв наполнил один стакан. Второй медленно и аккуратно наполнил на треть и накрыл тут же отрезанным ломтем хлеба. Зажав свой стакан в кулаке, он вытянулся по стойке «смирно», прошептал:

- За ребят.

И, судорожно мешая сладкий коньяк с солёными слезами, выпил.

Вот уже несколько лет Вертолётчик каждый новый день начинал с лёгкой пробежки. На интуитивно-подсознательном уровне приходило: всё свободное от полётов время надо чем-то занимать полностью, без остатка, иначе его займёт ужасное по своей структуре и объёму болото из крови, пота, водки, наркотиков, контрабанды, продажной любви в женском модуле – то болото, которое давно поглотило в себя весь ограниченный контингент войск в Афганистане, а вместе с ним и высокое когда-то понятие «интернациональный долг». И Вертолётчик заполнял это время физическими упражнениями: 1,5 – 2 километра – бег трусцой, разминка и ОФП – общая физическая подготовка, как когда-то в юности учил тренер детской спортшколы.

Сегодняшнее утро он тоже решил начать с пробежки по всему периметру санатория. Асфальтовая дорожка, мостик, ручей, осока, в ней утки, едва не столетняя липа. И вдруг бледно-розовый, с ярко очерченным контуром по кругу диск солнца медленно выползает из-за маковки средневековой крепости. Тут же над спокойной гладью озера поднимается еле видимая дымка, сквозь которую начинают явственно проступать плоские зелёные круги лопухов с полураспустившимися молочно-белыми бутонами лилий.

Асфальтовую дорожку вдруг быстро пересёк какой-то пушистый комочек, вскарабкался на вековую ель и принялся таскать сухарики из оборудованной на их ветвях кормушки. И только рассмотрев пушистый хвост, кисточки стоящих торчком ушек, сложенные, как у суслика, на груди маленькие лапки он понял – это же белка. Перевёл взгляд чуть дальше: прямо у обреза воды на парковой скамейке чинно расположилась пара – он и она. Почтенная седина и орденские планки на груди подчёркивали – это участники Великой Отечественной. Он медленно отламывал кусочки от краюхи хлеба и бережно, видно в полной мере познал истинную цену хлеба, крошил в воду. Утки быстро и глубоко погружались в воду, смешно дрыгая перепончатыми лапами, и вылавливали уже размокшие комочки. Другие, завидев издали людей на скамейке у воды, быстро-быстро замахав крыльями, едва касаясь воды, перелетали к месту кормления.

Вертолётчик стоял заворожённый и очарованный увиденным, и всё это: и садовый мостик, и ракита, печально склонившая ветви к воде, и спокойная гладь озера, и звёзды кувшинок, и ручная белка, и пенсионеры на скамейке – говорили, они во весь голос кричали:

- Зачем ты там, среди жёлтых песков, среди чужих гор, среди серого неба, среди раскалённого железа, среди гари разрывов, среди пропитавшего всё

вокруг запаха смерти? Почему ты не здесь, в русском поле пшеницы, в Подмосковном бору, у подёрнутой зеленоватой ряской воды деревенского пруда? Почему не прячешь лицо в огромном букете полевых ромашек, почему не спишь в копне свежескошенного сена?

В мозг тупо и неубедительно, будто скальная осыпь в горах, билось: «Партия», «Долг», «Родина», «Интернациональная помощь», «Южные рубежи» ...

Он понимал, что ответы на эти вопросы будет искать всю оставшуюся жизнь.

* * *

Время в санатории протекало по строго определённом распорядку: подъём, зарядка, завтрак, лечебные процедуры, обед, отдых.

Всё свободное время первых дней Вертолётчик посвятил экскурсиям по Карелии. Как тогда, в пустыне Эль-Регистан, замученный смертельной жаждой, глотая кристальную родниковую воду, он и сейчас жадными большими глотками, словно боясь, что не успеет насытиться величественным зрелищем озёр, островов, рек и мелких речушек Вуоксы, величавым простором и гладью Ладоги, своеобразной красотой редутов, крепостных стен и укреплений карельских островов впитывал в себя завораживающую красоту этих мест.

И вдруг его что-то остановило и, словно ударило, как тогда в Афганском небе, - он увидел Её. На первый взгляд простая, ничем не выделяющаяся молодая женщина: длинное, до самой земли, в цветных складках свободное платье и широкий платок, скрывающий лоб и шею. Гордая, величавая осанка и поступь, все движения и манеры настолько поразили его, что он не смог понять, что с ним. Но главное – лицо, в нём было какое-то просветление: лёгкая улыбка и в то же время грусть говорили, казалось, о том, что она знает то, чего не знаем все мы, смертные, что она общается с Богом.

Экскурсовод очень интересно рассказывала о борьбе карелов за свободу, об узниках крепости – декабристах, о двух жёнах Емельяна Пугачёва, пожизненно заточённых Екатериной в этой же крепости. А Вертолётчик думал об одном – надо подойти, надо как-то заговорить с ней, ведь она может пропасть, исчезнуть, раствориться, как мираж в пустыне. Он отрешённо смотрел на пушки, доспехи, кольчуги, мечи, а в витринах экспонатов отражалось её лицо. Наконец он решился, вернее, случай помог ему. Девушка неуверенно перебирала книги и проспекты с описанием

исторических мест Карелии. Она то набирала в руки по несколько брошюр, то аккуратно раскладывала их на стенде.

- Я могу Вам чем-то помочь? Вы уже выбрали? – наконец решился Вертолётчик.

- Да, вот это.

В руках у неё была книга, точнее брошюра – рассказ о крепости Корела.

- Но я не могу её купить – у меня денег только на обратную электричку до Москвы.

- Боже, разве это проблема, я дарю Вам её.

- Спасибо, но ... не поминайте Господа всуе.

- Хорошо, думаю, что мы еще поговорим об этом.

- Вам нравится здесь?

- Да, я давно, очень давно мечтала о путешествии по Карелии, Валааму, Ладоге.

На них стали оглядываться.

- Может, выйдем во двор? – предложил он. Она молча опустила голову и пошла к выходу.

- Ну, давайте знакомиться.

- Лина, - протянула руку она.

- Это мирское имя, и оно мне не нравится. В нашем храме меня зовут Валя, я пою в церковном хоре.

- Вертолётчик, - представился он.

- А разве есть такое имя?

- У нас есть.

- А можно полюбопытствовать, где это «у нас»?

Вертолётчик помолчал, раздумывая, стоит ли открываться каждой встречной. Но что-то в груди говорило – она не каждая встречная, она другая, и она поймёт.

- У нас – это в Афганистане.

Она остановилась и как-то медленно и растерянно посмотрела ему в глаза.

- Правда, Вы там, в этой стране?

- Да, это правда, мы там, в этой стране, - словно эхо откликнулся он.

- Нам приказали, и мы обязаны выполнить приказ.

Они молча шли по двору крепости, думая каждый о своём.

- Валя, можно Вас спросить? – первым нарушил молчание Вертолётчик.

- Да, спрашивайте.

- Я понял, что Вы человек глубоко верующий, и мне хотелось бы узнать Ваше мнение. Война, убийство, кровь – это всегда грех? Ведь я выполняю приказ. И ещё: я лично и мои товарищи никого не убиваем, убивает то

оружие, которое мы поставляем для Народной Армии ДРА. Всё остальное пусть будет на совести бесконечно меняющих друг друга правителей Афганистана.

- Война, праведная война, защита Отечества с оружием в руках – священный долг каждого Христианина.

- Но в Афганистане нет моего Отечества, и мне хотелось бы знать, почему мы отправляем в Союз цинковые ящики с прибитыми фуражками.

И они опять молча брели по двору средневековой крепости Корела.

* * *

Следующим утром на пробежке в отдалённом уголке крепостного сада Вертолётчик опять встретил её.

- Доброе утро, сударыня, - замедлил бег он.

- Здравствуйте, - после долгой паузы ответила она. – Простите, но сейчас я должна побыть одна, а вот после завтрака, если Вам не трудно, проводите меня к Православному Храму. Это Валаамское подворье, и расположено оно на другой окраине Приозерска. Ведь сегодня большой праздник – Успенье Божьей Матери, дорóгой я расскажу Вам об этом.

- В армии запрещена религиозная пропаганда и я, к моему великому сожалению, ничего не знаю об этом празднике, но Ваш рассказ я послушаю с большим удовольствием.

- Ну, до встречи, - протянула руку она.

- Не прощаемся, - кивнул Вертолетчик и с юношеской лёгкостью продолжил бег по асфальтовой дорожке.

Их номера в корпусе оказались почти рядом. После лёгкого стука дверь сразу же отворилась, будто Валентина стояла за дверью.

- Ой, Вы меня напугали, я только собралась выходить, и тут стук, - она опять протянула руку. И он здесь же на пороге гостиничного номера приложился губами к этой протянутой молодой и смуглой ладони, и она не отдёрнула её. Когда-то он читал, что целовать руку даме нужно не издали и ничуть не притягивая к себе, а строго сверху, легко касаясь губами. Высшим же изыском считалось остановиться в миллиметре от кожи и как бы обозначить поцелуй. Этого у него, конечно, не получилось – не так часто в авиации приходится целовать дамам руки, но даже простое касание губами этой мягкой, тёплой и податливой ладони опять ударило его откуда-то изнутри, как тогда ракетой в Афганском небе.

Он стоял, молча глядя в её бездонные зелёные глаза, не выпуская из рук её ладони, и какая-то необыкновенная лёгкость разливалась по всему телу – такое состояние приходило к нему в его детских цветных снах, когда он, словно птица, парил над землёй.

- Ну, пойдёмте, - тихо, почти шёпотом сказала она.

- Да, да, только я, кажется, забыл зонт, а на улице дождь, но возвращаться – плохая примета.

- Какие могут быть приметы, - с укором посмотрела она. – В жизни нет, да и быть не может никаких примет. Спасение от всех напастей – это молитва Господу нашему.

- Вы, наверное, правы, - чуть помедлив, произнёс он. – Но я в авиации вот уже почти 20 лет и нигде: ни в училище, ни в Аэрофлоте, ни в авиационных полках не встречал летательного аппарата с бортовым номером «13». Просто я заметил, что все люди рискованных профессий суеверны, - сам ответил Вертолётчик на вопрос.

- Ой, да Вы же совсем промокли.

Он и не заметил, что держит зонт у неё над головой, а сам громко рассуждает и жестикует свободной рукой под проливным дождём.

- А дождь то тёплый, - перевернул он ладонью вверх руку. И они, не сговариваясь и смеясь, как дети, побежали прямо по мелким прозрачным на мокром асфальте болотцам сквозь косые струи тёплого летнего дождя.

* * *

Дождь окончился также быстро, как и начался.

- Валя, расскажите о себе, - попросил Вертолётчик.

- Да, конечно, - быстро согласилась она.

- Замужем, мой муж – офицер КГБ, двое детей – мальчик и девочка. По сложившимся обстоятельствам я живу в Туле, работаю в церковном хоре. Муж служит в Нижнем Новгороде. Мы обвенчаны в церкви.

Валя, а можно я задам Вам один непростой вопрос, если он покажется бестактным, - не отвечайте.

- Хорошо, спрашивайте.

- Как Вы пришли к Вере?

- Всё просто. Это, конечно, от бабушки и ещё, - она немного замялась, - болезнь...

- Простите.

- А Вы?

- У меня жена, дочь. Сложнее в отношениях, мы живём в разных измерениях и, естественно, в разных мирах. Помните, у фантаста Беляева в рассказе, кажется «Альфа Центавра», люди, прилетевшие на незнакомую планету, обнаружили там гигантские в несколько сотен метров неподвижные статуи, внешним видом ничем не отличающиеся от людей. Обследовав эту часть планеты, люди вернулись на Землю. Расстояние между планетами измерялось световыми годами. Прошли века, на Земле сменились поколения, и люди опять отправились на ту планету. Их встретили те же статуи, только каждая из них сделала по неполному шагу вперёд, да чуть изменилось положение рук. Они жили во времени, измеряемом десятками и сотнями наших лет! О каком-либо контакте или общении с ними не могло быть и речи. Что-то подобное происходит и в нашей семье, мы уже давно перестали понимать друг друга.

- Вам надо обязательно обвенчаться в церкви, - негромко, но как-то проникновенно и, отвергая все сомнения в сказанном, произнесла Валентина.

- Я и сам понимаю, что это единственный выход, - задумчиво, глядя куда-то вдаль, произнёс Вертолётчик, - но как я объясню это статуе с планеты «Альфа Центавра»? И давайте больше не будем об этом. Валентина, Вы обещали рассказать о празднике Успенья Богородицы.

- Ну, слушайте, да не вздумайте смеяться. Описание этого праздника Вы не найдёте ни в Библии, ни в Евангелии. Сохранились, правда, какие-то воспоминания в Православных летописях. Мария, Божья Мать объявила о своей за несколько дней. Святой апостол Федот опоздал к этой дате, придя через три дня, он открыл гроб и обнаружил его пустым. И никто не видел Марию мёртвой. С тех пор у православных принято считать, что Божья Мать ходит по земле и помогает людям, а день смерти называют Успеньем, как бы усыплением Божьей Матери.

- Какая красивая легенда, - искренне удивился Вертолётчик.

- Это не легенда...

Дальше их путь пролегал через городской парк: аккуратные прямые аллеи, чисто убранные асфальтированные дорожки, коротко стриженный декоративный кустарник. Они медленно брели по аллее и каждый опять думал о своём.

И вдруг с дальней скамейки поднялись и двинулись им навстречу трое. Это были современные «акселераты», не вполне трезвые, развязные и уверенные в своей безнаказанности парни лет 18-20. Один из них, по виду и поведению главарь, накручивая вокруг пальца цепочку выдвинулся вперёд и, лениво сплюнув Вертолётчику под ноги, процедил:

- Сигареты и спички.

- Ребята, я не курю, - пытался мирно разрешить проблему Вертолётчик.

- Я не спрашиваю, куришь ты или нет, я говорю: «Сигареты и спички», если не имеешь, бегом в ларёк, а мы пока развлечём твою монашку, - парень дёрнул женщину за платок. Компания дружно заржала.

- Немедленно извинись, - ровно, без интонаций произнёс Вертолётчик.

- Чего-чего? – парень снова протянул к Вале руку.

Закончить движение он не успел. Левый кулак Вертолётчик точно впечатал ему в живот, в место схождения рёбер, - это был удар не в полную силу, но он парализовал и на несколько секунд согнул противника, и тут Вертолётчик, отступив на полшага, длинным крюком правой снизу в челюсть, как учил когда-то тренер в спортшколе, опрокинул подонка на землю. Не давая ни секунды на размышления провёл серию коротких, но мощных двойных ударов в корпус и голову второго парня. Третий прыжками рванул через кустарник. Валентина молча смотрела на происходящее широко раскрытыми глазами, и в них отражалась вся гамма чувств: и ужас, и страх, и одновременно уважение и восхищение.

- Валюша, нам, наверное, пора, - ласково, чтобы хоть как-то успокоить позвал Вертолётчик.

- А как же они?

- Я никогда, наверное, не пойму женщин. Вы знаете, что они хотели сделать с Вами? А Вы продолжаете заботиться о них. Валентина, я очень прошу, уйдём отсюда, мне никак нельзя иметь проблем с милицией.

Они пересекли парк, прошли вдоль длинного из строганных досок забора какой-то стройки.

- Валя, можно Вас ещё спросить? – тронул он за плечо женщину.

- Конечно, спрашивайте.

- Как это объясняет Православие? Сейчас меня ударили по щеке, я, согласно религиозным канонам, должен был подставить вторую. Ну и Вы представляете, что было бы потом?

- Всё в руках Божьих, - опять тихо и как-то бесцветно произнесла она.

- Нет, у меня другой закон – это **Закон** справедливости. **Добро** всегда должно быть вознаграждено, а **Зло** – наказано и я ношу в себе это как догму, величайшую **Догму** справедливости, догму Жизни.

- Мы не знаем, что есть Добро, а что Зло – это знает только Господь.

* * *

Подворье Валаамского монастыря поразило Вертолётчика и своеобразной архитектурой собора, и скорбным величием вековых могильных плит на территории, и замысловатым узором кованых решёток ограждения.

К началу службы они опоздали. Валентина, чуть наклонив голову к Вертолётчику, пояснила, сколько свечей и какой иконе надо поставить. Он поставил одну свечу «О здравии» и почему-то мучительно долго мысленно перечислял всех родных и близких. Зато, когда загорелась «Заупокойная» свеча, перед глазами, словно кадры кинохроники, быстро замелькали лица погибших товарищей – всех тех, кого ему довелось провожать в последний путь за свои неполные 20 лет службы в авиации. К своему стыду он не знал ни одной молитвы и прочитал ту, которая была размещена под иконой. Старославянские буквы читались с трудом, зато содержание, а главное, смысл прочитанного ясно и чётко отпечатывались в сознании.

Валентина тем временем помолилась каждой иконе храма, остановилась на левой его половине и теперь читала молитвы, крестилась и клала то поясные, то совсем низкие, до пола, поклоны. Ему оставалось только креститься, следуя за своим церковным гидом. А в сознание приходило:

- Как же глубоко надо уверовать в Бога, чтобы столько знать и так понимать Православие.

И в этом храме на Валаамском подворье во время церковного служения в честь Успенья Богородицы в голове Вертолётчика стали рождаться мысли:

- Так уж обоснованно справедливы догмы Атеизма и Марксистского Материализма?

- Зачем нужно регулярно вдалбливать Ленинские идеи в головы офицеров на занятиях по Марксистско-Ленинской подготовке?

- Как устроен Мир и Вселенная и какой Высший Разум руководит всем этим?

Обратная дорога к санаторию заняла около сорока минут. Они не спешили, - каждому было о чём подумать.

* * *

Утром после завтрака Вертолётчик намеренно задержался у высокого крыльца столовой, где отдыхающие кормили хлебом голубей и чаек. Он хотел обязательно встретить её и выполнить, наконец то, о чём мучительно думал все дни и ночи после встречи с ней. Она появилась на крыльце в своём

неизменном длинном до пят платье, лёгкой улыбкой поприветствовала его и не спеша и как-то торжественно спустилась по ступенькам. Вертолётчик подошёл и вполголоса произнёс:

- Доброе утро, сударыня.

Она ещё раз улыбнулась ему.

На них стали оглядываться старики и старушки, которые кормили чаек. Она заметила это и как-то сразу погрузилась. И тогда Вертолётчик решил: я сделаю это сегодня, сейчас.

- Лина, то есть простите, Валя, - заволновался он, - мне надо с Вами серьёзно поговорить.

- Хорошо, - как-то сразу согласилась она.

На входе в корпус от мгновенно-лихорадочных раздумий – не обидит ли он её своим предложением – даже забыл пропустить женщину вперёд.

- Пойдёмте ко мне? – предложил Вертолётчик.

Она остановилась, как-то мягко и понимающе посмотрела ему в глаза и тихо вполголоса произнесла:

- Лучше здесь, в холле.

Он прекрасно осознавал, что сделанное им сейчас предложение напрочь перечеркнёт все возможные формы отношений, кроме дружбы, потому что оно, это предложение, как бы поставит её в материальную зависимость. И хотя у него вот уже полтора года не было близости с женщиной и, чего греха таить, он очень хотел её, всё-таки он делал это предложение, потому что ещё больше он хотел ПОМОЧЬ ей. Они присели на стоящие рядом кресла.

- Валя, скажите, Православные должны помогать друг другу?

- Конечно, мы же все братья и сёстры.

- Тогда дайте мне руку.

Она робко протянула к нему ладонь.

- Вы только, ради Бога, не обижайтесь.

И он вложил в эту ладонь деньги. Она как-то потерянно опустила глаза и пыталась выдернуть руку, но Вертолётчик крепко сжал её ладонь и, глядя в её широко раскрытые глаза, неожиданно для себя перейдя на «ты», заговорил:

- Ты только не обижайся, ты ничем не должна мне платить, тебе ни в чём не будет стыдно признаться своим близким, слово офицера. Да и до Тулы доедешь без ограничений, - уже как-то спокойно и рассудительно закончил он.

С минуту они так и сидели: он, крепко сжав её кулачок с деньгами и глядя ей прямо в медленно наполнявшиеся слезами глаза, и сердце его сжималось от нахлынувших и никогда им ранее не изведанных чувств,

которые сейчас слились воедино. Это были и жалость, и любовь, и нежность, и сострадание; она, как-то сразу размякшая от сознания того, что необходимо взять эти деньги, потому что до встречи с этим странным парнем она почти всё истратила на поездку в Валаамский монастырь, чтобы поклониться святым мощам, которые должны излечить её от страшного диагноза.

- Хорошо, - наконец произнесла она, - только при одном условии: Вы сходите в церковь и попросите благословения у батюшки.

- Обещаю, - радостно согласился он и тут же быстро, не давая ей вставить и слова, продолжил, - возьмите ещё, Вам они нужнее, у меня полторы тысячи, в Афгане не ходят русские деньги, да и на таможне отберут.

- Нет, только это, - твёрдо сказала она, и то при моём условии, остальное отправьте жене и дочери. Кстати, как их зовут?

- Жена – Галина, дочь – Мария.

- Я буду молиться за Вас.

* * *

Весь следующий день они посвятили экскурсии по городу. Заходили во все магазины, кинотеатр, где по причине какого-то мероприятия фильмов не демонстрировали, гуляли по парку, забегали в кафе «Мороженное», весело болтали обо всём и в то же время ни о чём. Обоим было легко, как будто они вчера сбросили с себя какой-то груз. Перед проходным санаторием она попросила зайти в магазин, долго выбирала фрукты и, купив один апельсин, направилась к выходу.

- Опять экономит, - подумал Вертолётчик.

- Валя, подождите, я сейчас, - бросил он на ходу, а сам уже набирал пакет в отделе фруктов. Она неожиданно загрустила и всю дорогу до корпуса шла молча. Его вообще удивляла неожиданная и резкая смена настроений у этой женщины. В холле она остановилась и произнесла:

- А теперь мне надо поговорить с Вами.

Они разместились на тех же креслах.

- Завтра я уезжаю, - отдельно и твёрдо произнесла она. – Провожать меня не надо, так будет лучше и для Вас, - помедлила и, вздохнув, произнесла, - и для меня. И спасибо за книгу в крепости Корела в день нашей встречи – это был мой день рождения.

Вертолётчик молчал, он неожиданно понял всю логику и целесообразность её поведения. Он понял, что между ними – пропасть, у обеих семьи, она человек глубоко верующий, не способный на измену и ещё – её болезнь. Перед дверью номера он вручил ей пакет с фруктами и произнёс:

- Я не прощаюсь.

Она удивлённо подняла глаза, но он уже открывал свою дверь. В номере Вертолётчик быстро переоделся в спортивный костюм и кроссовки – так легче добежать до крепости. В крепостном музее он купил дорогую, больше ста рублей, книгу по истории этих мест, красочный буклет-путеводитель по крепости, сувенирную авторучку, большую открытку – поздравление с днём рождения.

В номере он сел за стол и задумался, как и что написать в открытке. Неожиданно его осенило. Он встал, закрыл дверь на ключ, настежь открыл окно, чтобы прохладный лёгкий ветерок с Вуоксы не дал ему задремать. Потом он достал из сумки пачку стандартных для пишущей машинки листов, подумал немного и написал в верхней части листа:

Родник. Пять глотков.

И посвящение:

Святому источнику Православия.

За эту ночь он написал рассказ о том, что ему довелось пережить в знойной пустыне Регистан.

Вложив листы в открытку, на оборотной стороне написал:

Валентина, Вы удивительная женщина, наверное, именно такую я и ждал в своей жизни, только не знал, что встретимся так неожиданно. Прощайте. И дай Вам Бог!

Сложив всё в заранее купленную папку, мягкими, чтобы не разбудить шагами, подошёл к её двери и легонько постучал – никто не ответил. Тогда он осторожно толкнул дверь – она открылась. Сердце радостно прыгнуло в груди: его ждали. Вертолётчик тихонько поставил папку на стол, секунду поколебался, сделал шаг назад и тихо прикрыл за собой дверь.

В номере он прихватил полотенце и выбежал на свой обычный кросс. Пробежку закончил на пляже, где быстро разделся и одним рывком бросил тело в прохладную утреннюю воду. С громким кряканьем из прибрежной осоки в разные стороны кинулись потревоженные дремлющие утки. Широким размашистым брассом доплыл до ближайшего малого острова, не выходя на берег повернул обратно. Утренняя прохлада взбодрила. Наскоро растёршись махровым полотенцем, быстро оделся и лёгкой трусцой побежал в корпус. У автобусной остановки уже стоял санаторский автобус с пассажирами. Вертолётчик, пробегая, поднял вверх правую руку – ему надо было знать, ждут ли его появления, как ждали ночью в гостиничном номере. С переднего сиденья быстро поднялась знакомая фигура в глухом замотанном вокруг шеи платке и отчаянно замахала руками. Словно по этому

сигналу с шипением закрылась передняя дверь и автобус, набирая скорость, двинулся по аллее.

Вертолётчик, не оглядываясь на уходящий автобус, опустился на ближайшую скамейку.

Минуты три он сидел, скрестив руки между колен, ни о чём не думая.

Неожиданно поднявшийся ветер погнал по асфальту большие в жёлто-бурых пятнах кленовые листья. Приближалась осень.

*Приозерск.
24-25 августа 2008.
Вертолетчик.*

Любовь и верность.

«Афганистан...Седой Афганистан...

Тысячелетняя страна песков, высоких гор и горя».

Так начинается одно из стихотворений главного героя повести Евгения Михалёва «Зимняя сказка». И, действительно, сказка будет, но только в конце повествования. А с первых же строк читатель оказывается в боевой афганской действительности, когда ограниченный контингент советских войск помогал афганскому правительству в борьбе с оппозицией, поливая кровью неприветливую чужую землю.

Тридцать лет прошло с момента вывода советских войск из Афганистана. Неважно, сколь долго автор находился в пекле этой войны, но пережитое там, никогда не станет забытым прошлым, оно стучится в сердце, напоминает о себе. И Евгений Алексеевич пишет повести и стихи так, как будто он только что после боевого вылета заносит в свой дневник события минувшего дня – так динамично, полно деталей и эмоций его повествование.

Автор погружает читателя в самую гущу воздушного боя, показывает высокий профессионализм советских вертолётчиков, их силу духа, готовность пожертвовать собой ради спасения боевых товарищей. Вместе с тем, автор показывает непривлекательные стороны армейской службы. Если он готов понять и простить вертолётчика, который не смог помочь товарищу в бою, то солдафонство и низость отдельных военных чиновников не вызывают у автора никакого снисхождения.

И всё-таки, главная сюжетная линия - это любовь. Не много страниц отведено взаимоотношениям героев повести Александра Пеневина и Арины Семёновой. Но чистота любви, зародившейся в такое непростое время, показывает насколько автору дорого это чувство, как высоко он ценит его. Не случайно оба героя пишут стихи.

«Здесь, в горячих песках, есть одна лишь награда:
Долгожданная встреча с тобой.
Обниму и почувствую – снова ты рядом –
Во спасенье наша любовь»

-пишет Арина.

«Я только глаза на мгновенье закрою
И образ твой милый возникнет вдали»

- вторит Александр.

И после неожиданного расставания Александра и Арины, читая о дальнейших перипетиях жизни Пеневина, невольно ждёшь новой встречи героев. И не ошибаешься. «Из разных концов зала по ковровой дорожке шли два человека. Весь огромный зал Окружного Дворца офицеров аплодировал им стоя. И это был ГИМН, Гимн самым великим и светлым чувствам на земле ВЕРНОСТИ и ЛЮБВИ». Такими словами Евгений Михалёв заканчивает свою повесть.

Нет малых войн. Память нашего народа хранит немало великих побед и поражений. Только опираясь на богатый опыт прошлого, можно двигаться вперёд.

*Ирина Антонова,
член Союза Писателей России.*

Зимняя сказка.

ПОВЕСТЬ

Глава 1

- 628, повнимательней, там идет высадка.

- 628, следи за правой полусферой, там бородатые бегают. Как понял?

Прием!

- «Вахтенный», я 628, Вас понял, работаю по краю «зеленки».

И тут же оператору:

- Паша, давай с первого захода отработай по правой группе РСами. На второй – пушки, пулеметы по тем, кто останется и отсекай их от основной группы. Восьмерки ведут высадку на левом склоне, мы им не помешаем.

- Понял, командир, давай на боевой.

Камуфлированная двадцатьчетверка, высоко задрав балку, разгоняется в пикировании и, вспыхнув вначале оранжево-красным пламенем под пилонами, а затем, скручиваясь в плотные дымные жгуты, к земле устремились РСы. И сразу же внизу среди бородатой, орущей и бестолково размахивающей руками толпы взметнулись зловеще черные султаны разрывов. Остатки разношерстной своры залегли, спрятались в складках пустыни.

- Что, господа мусульмане, не понравилось? Командир, давай на второй заход.

Тут же от кого-то из восьмерок:

- 628, усиль осмотрительность, по тебе огонь открывают!

И почти сразу удар в правый борт, страшный скрежет и мгновенная тишина. Лишь речевой информатор приятным женским голосом шелестел:

- Борт 628, пожар! Борт 628, пожар!

Второй удар в хвостовую балку завалил и перевернул пятнисто-лягушачью двадцатьчетверку вверх колесами. Сбоку и чуть внизу ослепительно-белым вспыхнул одиночный купол. С земли к нему сразу же потянулись пунктиры трассеров. Ведомый «крокодил» и находящиеся в воздухе две восьмерки стали в круг, отгоняя «духов» и ведя по ним огонь из всех видов оружия. Боковым ветром купол тащило в сторону «зеленки» прямо в чадающий оранжево-черным костер от горевшей на земле ведущей машины. Неуправляемый купол, видно летчик был без сознания, стал гаснуть чуть правее разлившегося горящего керосина. Ведомая восьмерка с группой ПДГ⁸

⁸ ПДГ – парашютно-десантная группа

вышла из круга и стала резко снижаться. С края «зеленки» по ней огрызаясь, рокотнул ДШК⁹. Двадцатьчетверка резким разворотом, почти

валясь на бок, уткнула нос в сторону «зеленки». С ее брюха сорвалось белое пламя и разлилось по опушке, ДШК захлебнулся. Восьмерка тем временем примостилась левым колесом прямо на погасший купол. С ее борта веером рассыпалась горстка десантников. Часть из них тут же залегла, короткими очередями отсекая обнаглевших «духов». Двое, кое-как прикрываясь руками от пламени, тащили из костра упавшего с бортом оператора. Третий, отстегнув лямки подвесной, взвалил на спину командира.

Приняв на борт десантников и экипаж сбитого МИ-24, восьмерка, вспухнув лепестками лопастей вверх, ушла в сторону «зеленки». Остальные борта прошли правым пеленгом за двадцатьчетверкой над полем недавнего боя на предельно малой.

Глава 2.

Боль вернула ему сознание. Она зарождалась в голени правой ноги, поднималась выше, затем обволакивала грудную клетку и разливалась по всему телу. Когда боль начала сверлить мозг и, казалось, черепная коробка сейчас взорвется, чья-то мягкая теплая ладонь легла на лоб и боль вначале притупилась, а затем и ушла вовсе.

Он открыл глаза. Над ним мутным пятном склонилось чье-то лицо. Приятный женский голос сообщил:

- Ну вот, капитан, мы и проснулись. Все самое страшное уже позади. Вы легко отделались – после такой катастрофы всего лишь перелом правого бедра и четырех ребер, до свадьбы заживет. Но Вы потеряли много крови и Вам нужен покой. Все остальное сделаем мы. А боль – это после наркоза, это пройдет.

Постепенно очертания пятна, склонившегося над, ним прояснились и превратились в симпатичное женское лицо. Высокий открытый лоб, прямой, чуть вздернутый на кончике носик, приоткрытые чувственные губы и глаза, словно два бездонных озера постоянно подпитываемые земными родничками.

Он разлепил спекшиеся губы и произнес:

- Не уходите, прошу Вас. А еще... не убирайте руку.

Девушка улыбнулась:

- Хорошо, я побуду с вами.

- Доктор, а нога у меня, это серьезно? Я буду летать?

⁹ ДШК – крупнокалиберный пулемёт

Девушка опять улыбнулась:

- И ходить будете, и бегать, и плясать ну и, конечно же, летать. Видите, даже в рифму получилось.

- Спасибо. Доктор, а как Вас зовут?

- Я не доктор, я старшая медсестра хирургического отделения, а зовут меня Арина.

- Капитан Пенева, нет, просто Саша.

- Вот и познакомились. А сейчас я сделаю Вам укольчик и спать. Сон – это лучшее лекарство.

Глава 3

-Товарищи офицеры!

Все присутствующие в классе предполетных указаний дружно встали.

-Товарищи офицеры. Прошу садиться.

Разбор полетов проводит сам командир отдельной боевой эскадрильи подполковник Деев.

- Ну, что, господа офицеры, долетались? Уже белым днем «духи» стали нас валить? Кто прикрывал Пенева от «зеленки»? Почему не пользуемся отстрелом АСО¹⁰? Где согласованность с наземной группой? Шалаев, кто планировал борта на прикрытие?

Из-за первого стола встает строгий, подтянутый, с проседью в висках майор – заместитель командира эскадрильи.

- Товарищ подполковник, группа прикрытия – пара Федорчука в это время обеспечивала высадку десантников на Южном склоне. Кроме того, из «зеленки» работал неизвестный нам тип ПЗРК¹¹ противника. Ручаюсь, что это не «Игла» и не «Стрела».

В разговор опять вступает командир:

- Капитан Федорчук, а ты что там скромно пристроился? Вставай, дорогой, да объясни нам, непонятливым. Что, не судьба тебе было стать в большой круг со своим ведомым, да прикрывать одновременно и высадку, и работу Пенева?

- Виноват, командир.

- Я вижу, что виноват и это ты в рапорте «особняку» укажешь. А сейчас ты нам, своим боевым товарищам объясни, почему ты прикрытие построил по малому кругу? Что, к «зеленке» прижиматься боязно было? Опасался, как бы самого не грохнули? А это уже трибуналом пахнет.

¹⁰ АСО – тепловые ловушки для ракет

¹¹ ПЗРК – переносной зенитно-ракетный комплекс

В классе повисла могильная тишина. Минуты три ее никто не мог нарушить. Первым опять заговорил командир:

- Ты, Виктор, подумай, ведь завтра и тебя кому-то придется прикрывать. Будешь ли ты спокоен в бою, когда товарища нет рядом?

- Виноват, товарищ подполковник.

Командир отмахнулся от него, как от надоедливой мухи:

- Да, что ты заладил «виноват», да «виноват»! Пойми, дорогой, в любой ситуации по жизни надо оставаться Человеком. А кто ты по специальности летчик, или слесарь на кроватной фабрике – это уже дело десятое. И чем твоя жизнь дороже жизни лейтенанта Левина, которого ты подставил под ракету? Ну, борт, хрен с ним, железа еще наклепают, а что мы матери Левина скажем? Ждала, поди, когда сын офицером, да летчиком станет.

Из зала кто-то обронил:

- Война, командир...

- Вот, мои соколы, я и поставлен на этой войне командиром, чтобы не отправлять в Союз цинковые ящики.

Класс опять на время затих.

- Майор Шалаев, организовать работу по проводам в последний путь нашего боевого товарища лейтенанта Левина. Отработать список группы сопровождения в Союз для захоронения. Старший группы капитан Федорчук. И после паузы:

- Прошу почтить память нашего погибшего товарища минутой молчания.

Весь класс мгновенно встал и замер по стойке «смирно».

Глава 4.

Распорядок дня боевого вертолетного полка продуман до мелочей и отличается своей, где – то даже суровой размеренностью. Кто – то выполняет парковый день и характерные для этого вида подготовки целевые осмотры, другие вводят в строй поврежденную авиатехнику, третьи заняты предварительной подготовкой к полетам.

После катастрофы, связанной с потерей вертолета и гибелью члена экипажа на аэродроме запланированы показательные полеты. Цель – закрепить у летного состава уверенность в надежности авиационной техники и средств спасения (парашютов). Первый прыжок с высоты 3000 м – затяжной, его выполняет мастер спорта прапорщик Борисов Коля. У него около 4000 прыжков и вообще это простой, общительный и контактный парень. Служит он в группе ПДГ и вытаскивает экипажи с места вынужденной посадки. Сейчас он тянет затяжным и раскроется только на

800м – это 50 сек. свободного падения. ПО-9 раскрывается, и это хорошо слышно, с громким хлопком. Купол вытягивается полосатым разноцветным матрасом, под ним на пучке строп каплевидная точка – это и есть наш Коля. Он сразу начинает чудить, то по гигантской спирали устремляется к земле, то раскачивается словно гигантский маятник, то на мгновение зависает в воздухе. Даже у стоящих на твердой земле от этого зрелища захватывает дух. Уже перед самым касанием парашютист легким движением подтягивает клеванты и носками обеих ног, обутых в кроссовки, бьет в самый центр выложенного на земле креста. В авиации это признается высшим шиком.

На втором заходе восьмерка рассеивает целую цепочку парашютистов на «дубах» - Д-4У, прозванных так за свою неуправляемость. Тех попутным ветром плавно уносит за полосу в район госпитальных модулей.

Но вся аэродромная братия ждет третьего захода. Восьмерка, высоко задрав балку, на бешеной скорости проносится над грунтовкой на предельно малой. Из раскрытой двери грузовой кабины вдруг вываливается какой – то тюк, из которого с громким хлопком чуть ли не выпрыгивает купол. Почти сразу следует касание, на сей раз это далеко от креста, выложенного полотнищами парашютных столов. Тут уж не до точности – успел бы наполниться купол. Экстремал поднимается с земли и отряхивает песок с цветного комбеза. Затем снимает очки и широко улыбается, это опять Коля. Все собравшиеся, заглушая молотящую лопастью на малом газе восьмерку, аплодисментами приветствуют своего кумира.

Глава 5

По узкому коридору хирургического отделения Кабульского госпиталя быстро шли трое в белых халатах. Возглавлял группу высокий подтянутый, спортивного вида мужчина. Он обернулся к медсестре:

- Арина Максимовна, с какой палаты начнём обход?

- С седьмой, товарищ полковник.

- Кто у нас там из лётного состава?

- Капитан Пеневин, со сбитой двадцатьчетвёрки. Ну тот, которого вы сами оперировали, - вступил в разговор лечащий врач.

- Да, да, помню – перелом бедра и ребра.

Девушка открыла дверь палаты.

- Здравствуйте товарищи.

- Здравия желаем, - не очень дружно, но бодро ответила палата.

Группа приблизилась к кровати у окна. Начальник отделения улыбнулся Пеневину как старому знакомому:

- Ну рассказывай, герой неба, как наши дела?

- Да всё нормально, Николай Иванович, давно снимать пора, - постучал костяшками пальцев по гипсу Александр.

- Сестра, снимок.

Доктор подошёл к окну, разглядывая на свет рентгеновскую плёнку:

- Ну, лётчик, ты даёшь! Мумиё с молочком друзья привозили? Признавайся, признавайся. И уже медикам:

- Обратите внимание, коллеги, какое мощное нарастание костной ткани. И это за каких-то тридцать суток! Вот верь после этого в чудодейственную силу афганского мумиё. Сестра, утреннее давление и температура?

- 140/84, температура 36,8.

- Молодцом, командир, так держать! Если так пойдёт и дальше, в следующем месяце будем готовить к выписке. Потом адаптация в профилактории, затем в отпуск к семье, ВЛК и снова покорять просторы пятого океана!

- Так точно, товарищ полковник! Спасибо!

- Сестра, и ослабьте вы нашему герою давящую повязку на грудную клетку, а то ему второй месяц не вздохнуть полной грудью. Да, медикаментозно пока всё оставляем.

- Выздоровливайте товарищи, - уже на ходу пожелали медики всей палате.

Глава 6.

Его разбудил знакомый голос и мягкая, снимающая боль, ладонь:

- Ну как мы себя чувствуем, больной?

- Да я, вроде, не больной, а раненый. А точнее просто капитан Пеневин Александр.

- Хорошо, капитан Пеневин, сейчас мы меряем давление, температуру и исполняем все процедуры. И быстренько идём на поправку, правда?

- Конечно Арина Родионовна, - открыто улыбнулся раненый.

- Вот, Вы даже моё имя вспомнили. Только отчество не как у няни Пушкина, а просто Максимовна. Запомнили?

- Так точно, запомнил!

- Александр, а можно Вас спросить?

- Почему нет, спрашивайте.

- Тогда, под Кабулом взорвали МИ-6 с отдельной эскадрильи советников, а в некрологе было стихотворение «Бессмертный экипаж».

- Это Ваше?

- Да, моё.

- А у Вас ещё есть? Вы не могли бы дать мне полистать? Я очень люблю поэзию, это от мамы – она преподавала русский и литературу в школе.

Капитан смутился:

- Арина, там почти одна война, будет ли Вам это интересно?

- Будет, будет, поправляйтесь скорее и мы продолжим наш разговор.

Девушка вышла из палаты, а капитан наклонился к тумбочке и вытащил толстую тетрадь в коленкоровом переплёте. К нему обратился сосед – седой майор с загипсованной и поднятой на грузике ногой:

- Саня, почитай, а? Разгони госпитальную тоску.

Майора поддержала вся палата:

- Читай, капитан, чего там. Не первый день в Афгане, поймём.

Александр начал было отнекиваться, но быстро сдался, решив, что скрывать от братьев по оружию ему нечего и объявил:

- «Афганистан»

Афганистан...Седой Афганистан...

Тысячелетняя страна песков, высоких гор и горя

Ты ближе и понятней стал,

Когда с историей веков поспорил.

Ты снял с лица чадру,

Отвел детей ты в школу,

И первый трактор рано по утрам

Ты в первый раз увидел в поле

Ты в первый раз за парту сел,

Ты взял винтовку в руки,

Ты жить так больше не хотел

Трубы свободы протрубили звуки.

И русские парни - простые ребята

В лихую годину тебе помогли,

И чуть оперившись орлята

В годах и ущельях твоих полегли.

А сколько честной русской кровью

Орошено песков твоих,

Ты вспоминай о них с любовью

Будь памяти достоин их!

И сразу без паузы:

- «Бессмертный экипаж»

Такой же рассвет золотистый,
И неба бездонная синь,

Такая же дымка струится,
И низко склонилась полынь.

Усталые спят вертолеты,
Свесив лопасти вниз,
Их скоро разбудят пилоты
И неба обнимет высь.

Спокойно места занимает
В кабине своей экипаж,
И все земное тает,
Как утренний мираж.

С гулом винтов пробудился
Дремлющий аэродром,
На взлет командир запросился -
Первым взлетает он.

В воздухе было спокойно,
Нормально полет проходил,
Но среди груза заложен
Вражьей рукой тротил.

Вспыхнули бочки с бензином,
Ужас застыл в глазах,
Надо помочь пассажирам,
Но как им поможешь, как?!

Пылает от взрывов "АИшка",
Прыгай! - кричит эфир,
И молит вчерашний мальчишка,
Спасите нас, командир...

Рвутся в кабину душманы,
За горло хватает врач,
И кровью набухли раны,
И руки не держат "Шаг".

Шнур СПУ оборван,
А губы кричат: - За борт, -
Мной уже выбор сделан -
Я сам посажу вертолет.

Нет, командир, не дело
Друга бросать в беде
Ты же учил нас, помнишь, -
Вместе всегда и везде.

Спокойно, выбрал площадку,
Заходим, садимся, и вдруг,
Пламя рвануло сзади
И солнца чернеет круг...

Мы место помним это,
Качнем вам крылом с высоты,
Штурман - салютовал ракетой,
А в блистер - живые цветы.

Память о подвиге вашем
В наших сердцах жива
Мы допоем ваши песни -
Помним мы их слова.

Вся шестиместная палата какое-то время молчала и вдруг тишина взорвалась аплодисментами. Нет, это не было рукоплесканием огромного зала, это были аплодисменты понимания и признания братьев по оружию, людей, которые по приказу Родины выполняют свой воинский дог в чужой далёкой стране.

- Капитан, ты молодец!
- Здорово!
- Как тебе удаётся?
- Давно пишешь?

Пеневин смутился. Не часто приходит понимание в суровые будни войны. Ребята объединены совсем другими чувствами. Это братство, товарищество, взаимовыручка. А ещё каждодневное, связанное со смертельным риском стремление выполнить боевую задачу. Здесь, конечно, не до лирики.

- Ну что вы, ребята, это получается как-то само собой. Что-то пишу после боевого вылета вечером, а что-то приходит даже ночью. А писать я начал ещё в школе. В спортивных секциях мне достались хорошие тренеры. Они

каждое лето выводили нас в спортивные лагеря и походы. Вот там среди тенистых лесов, лугов покрытых бархатной травой, широких полноводных рек, стало приходить желание обобщить и выразить всю красоту Российской природы сначала в мыслях, а потом и на бумаге. А что может быть прекраснее стихов?

Глава 7.

Утром в палату забежала медсестра.

- Так герои Афгана, температуру все меряли? Сдаём термометры. Товарищ лейтенант Иванов, почему таблетки на тумбочке? Быстренько принимаем и пустую мензурку дежурной на пост.

Арина присела на кровать Пеневина.

- А как у Вас, Александр Алексеевич?

- Всё в ТУ сударыня.

- И что это за ТУ?

- В пределах технических условий, по авиационному.

- Ну и славно. А моя просьба? Я о стихах.

- Арина, все мои стихи в этой тетради. Там ещё много незаконченного, что-то ещё сыровато, в сущности это только мои мысли, и я не люблю, что бы кто-то читал их. Обещайте читать только то, что я отметил галочками.

- Обещаю и торжественно клянусь, - Арина шутливо отдала пионерский салют.

- Ну вот и договорились, - и Александр пожал протянутую руку медсестры.

Арина прошла в сестринскую комнату и задумавшись, уже в который раз. Почему госпиталь переполнен молодыми, весёлыми, жизнерадостными ребятами? Им бы работать у станков, на полях, летать в своём родном небе, любить жён, растить детей. Зачем они здесь? Какие и кому отдают долги? И как они в свои 18 – 30 лет успели так задолжать? Хирурги спят по 2 – 3 часа в сутки и буквально валяются с ног прямо у операционных столов после боёв. А что будет с покалеченными? Как встретит их Родина? Кому они будут нужны кроме матерей и жён?

- Эти мысли, наверное, будут преследовать меня всю жизнь, - вслух размышляла девушка.

- Так, а что со стихами?

Арина стала листать тетрадь.

- Вот «Афганистан», «Моё поколение», «Бессмертный экипаж», «Русский солдат».

Девушка читала стихи и удивлялась всё больше и больше.

- Ну, капитан Пеневин, а называется вы только воевать умеете. Молодец Саша. На обходе непременно скажу ему. А может быть и поцелую.

Глава 8.

Время в госпитале проходило по строго установленному распорядку: подъём, завтрак, обход, процедуры, обед, личное время, ужин, медикаменты и отбой. Молодой тренированный организм лётчика быстро шёл на поправку и уже к концу лета Пеневин гулял по территории госпиталя. Отношения с Ариной как-то незаметно перешли в разряд дружеских. Лётчику нравилась эта девушка своей простотой, непосредственностью, какой-то внутренней чистотой свойственной, казалось, только ей одной. А ещё её руки – они каким-то чудесным, совершенно необъяснимым образом умеют снимать боль.

Сегодня он совершенно случайно встретил её у входа в главный корпус.

- Добрый день, сударыня, и куда это Вы запропалились, позвольте полюбопытствовать?

- Добрый день героям неба! А запропалаюсь я с девочками в Кундузский госпиталь. Там после Ханабадской операции очень потребовалась помощь хирургических медсестёр. Работы, конечно, было очень много – полостные операции, ампутации, трепанации, словом впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь.

- Ну вот, своих медсестёр отправили в Кундуз, а нас лечат незнакомые тётки.

- Это не тётки, а медсёстры инфекционки. На операциях они не имеют права ассистировать, а на суточных дежурствах с ранеными вполне. Я смотрю, капитан, Вы уже довольно резво передвигаетесь по территории – дело идёт на поправку, молодцом.

- Ну с такими Светилами Советской медицины мудрено не поправится, - пошутил Пеневин. А если серьёзно, сегодня в гарнизонном клубе «Москва слезам не верит». Разрешите Вас пригласить, сударыня.

- С удовольствием, - ответила Арина, - сегодня дежурит молодой доктор, он только из Союза, из Академии, думаю он Вас отпустит. Вообще он любит лётчиков.

- Ну, увидим, а кто здесь не люби вертолётчиков? Мы же мотаемся по всему Афганистану и возим не только своих, и «демократов» тоже. Колонной-то засады, то подрывы, а с бортом – час, полтора и в охраняемой зоне.

- Всё верно, только афганцев вы возите без проблем, а своих, как говорят в медицине, с большим потугами.

- Сударыня, так это же для вашей же безопасности. От своих мы требуем наличие средств спасения, парашютов то бишь. Получайте в ПДСке и добро пожаловать на борт. Ведь в аварийной ситуации экипаж не имеет права прыгать, если на борту пассажиры без парашютов – таков приказ. Пример – катастрофа МИ-6 с экипажем майором Трабо. Тогда они не прыгали из-за того, что у сопровождающих не было парашютов. Как выяснилось позже, эти пассажиры-смертники и заминировали вертолёт. Экипаж сгорел в воздухе, выжил один правак¹², он то и рассказал, как всё было.

Глава 9.

В лётном кинотеатре для воинов-афганцев – арочном довольно просторном помещении, обшитом сверху гофрированной оцинковкой, Пеневин занял места в конце зала. Арина появилась за пять минут до начала киносеанса. На ней была ладно подогнанная по фигуре камуфлированная форма, на погонах сержантские лычки, на груди, - вот это да, - медаль «За боевые заслуги».

- Здравия желаю, товарищ сержант медицинской службы, - приветствовал девушку Александр, - наконец-то вижу Вас не в белом халате, а военной форме, да ещё боевая награда. Ну, вы, медицина, даёте. За Пандшер?

- Точно, за первую победу над Шах Масудом. Тогда раненых приходилось вытаскивать из ущелья прямо на вертолётную площадку.

- Помню, тогда с вами работала отдельная эскадрилья МИ – зелёных подполковника Декрессова из Кундуза. А наши двадцатьчёрки постоянно уходили на удар, и ударов этих было по 4 – 5 в сутки.

С первыми кадрами, замелькавшими на экране, он замолчали, а когда герои Баталова и Алентовой встретились в электричке, капитан положил руку на ладонь Арины, и она не отёрнула руку, а наоборот прижалась к его плечу. И на протяжении всего фильма эти две соединившиеся ладони как бы передавали друг другу всю гамму чувств героев фильма – и встречи, и расставания, и предательство, и любовь...

После кино Александр проводил Арину до самого женского модуля.

- Ну что, сударыня, будем прощаться?

- Да, наверное... и спасибо за прекрасный вечер.

- А кофе?

- Будет, будет кофе, мой капитан, только не сейчас, слишком много положительных эмоций за один вечер. Да и девочки уже спят наверное.

¹² Правак – правый лётчик

И вдруг она как-то легко и быстро коснулась губами его щеки, будто бабочка порхнула в ночи.

- Арина, Аринушка, подожди.

Но входная дверь, громко хлопнув, уже закрылась за девушкой.

- Что, капитан, не пустили? – мимолётом бросил какой-то проходивший офицер.

- Наоборот, впустил в самое сердце, а это гораздо важнее, - зачем-то ответил Александр.

Глава 10.

После двухнедельной реабилитации в Ташкентском профилактории Дурмень Пеневин снова приступил к полётам. Вообще по авиационным законам после серьёзных лётных происшествий любой член экипажа имел право перейти на более спокойную должность наземного специалиста. Но, благодаря стараниям политработников, в головы офицеров усилено вдалбливались такие понятия как: интернациональный долг (кому?), защита южных рубежей (от кого?), обязанность перед партией (какая?).

Лётные экипажи выполняли различные задачи: сопровождение воинских колонн, поддержка наземных операций с воздуха, перевозка личного состава и воинских грузов, поиск караванов с оружием.

Редкие часы отдыха Александр проводил с Ариной. Молодые люди нашли много общего: в юности оба занимались лёгкой атлетикой, ходили в спортивные походы, принимали участие в КВНах и диспутах. Эти встречи вносили какое-то разнообразие в суровые будни войны.

Сегодня ходили на караван. Отработали до обеда, а после душа Александр обнаружил в модуле на своей тумбочке записку:

«Тов. Капитан! Сегодня у нас в 5 комнате небольшое торжество. Ждём Вас не позднее 16 часов.

Боевые подруги»

По этому случаю Пеневин вместо камуфлированного лётного комбеза надел повседневную форму – на плечах капитанские погоны, на груди орден Красной звезды. Подошёл к коменданту модуля прапорщику Тарасову:

- Тарас, организуй букет – очень надо.

- Всем очень надо, - ворчит прапор, - а Тарас один.

- Да ладно при раздаче фронтовых сто граммов, думаю, не забудете мою доброту.

- Ой, ну как тебя забудешь? Ты же целый военный комендант нашей общаги, без тебя ну куда.

Вокруг офицерского модуля по всему периметру прапорщиком были разбиты цветочные клумбы. По особым случаям и торжествам Тарас снабжал лётчиков роскошными розовыми букетами по им же самим установленному тарифу – 100 грамм спирта за букет. И уже через десять минут капитан держал в руке роскошный букет ало-пунцовых роз.

Александр постучал в дверь пятой комнаты женского модуля.

- Входите, входите, давно ждём боевых лётчиков.

За празднично накрытым столом уже сидели три парня и четыре девушки. Двоих ребят, авианаводчиков, Александр знал – это отчаянные сорви головы на операциях находились между позициями бандформирований и нашими войсками. Они давали целеуказания для бомбовых и ракетных ударов авиации. Находясь практически на линии огня своих и духов, редко кто у них доживал до четырёх – пяти выходов. И очень нужную работу выполняли ребята на той войне. Третий парень тоже капитан, тот самый доктор из госпиталя, который недавно прибыл из Союза из ВМА¹³.

- Друзья, и по какому поводу торжество?

- А вы разве не знаете?

- Сегодня у нашей Арины день рождения! – наперебой зашебетали девушки.

- Вот это новость, а я и не знал. Ну тогда цветы по адресу, - Александр вручил букет и приложил губы к протянутой девушкой руке.

Его место оказалось рядом с Ариной, и он постоянно ощущал тепло её плеча. Первый тост как принято в Афгане «За друзей» - они всегда спасут. Второй «За любимых» - они всегда ждут, третий – «За тех, кого с нами нет», четвёртый – «Чтобы за нас не пили третий», и лишь потом принялись поздравлять именинницу. Хотя на завтра был назначен парковый день – осмотр наиболее ответственных узлов и агрегатов вертолётки и полётов не планировали, Пеневин пил совсем немного, на доньшке – в любое время могли объявить тревогу.

- А теперь вечер поэзии, - встала одна из девушек, - слово имениннице.

- Валя, ну зачем, я же просила, - стала отговариваться Арина.

- А ты не скромничай, сегодня твой праздник, вот и сделай дебют.

- Ариночка, Ариночка, мы все тебя просим, - поддержали гости.

- Понимаете, я совсем недавно начала, что-то писать, и... Ну я не уверена, что у меня всё хорошо с рифмой, размером...

- Читай, девочка, читай, мы поймём.

- Ну тогда слушайте, да не смейтесь.

¹³ ВМА – военно-медицинская академия

Ностальгия.

Опять пески дымятся,
Словно зимой позёмка,
Стебли травы клонятся,
Да ветер свистит тонко.

А горизонт где-то
В мареве сизом струится,
Солнца круг ошалелый
Мчит по небу жар-птицей.

Льет расплавленный воздух
В тучи песка и пыли
Неудержимой лавиной
Огненное светило.

И суховея дыханье
Лицо опалает мне
И будит воспоминанья
О милой родной стороне.

Я слышу дубрав шум зеленый
Грачиной весенней порой
И трель соловья в поле
Над старой уснувшей ветлой.

Я вижу, как море пшеницы
Волнами куда-то бежит
И ручеек голосистый
В лесу на полянке журчит.

И сердце до боли сжалось,
И так захотелось к тебе,
Родная моя Россия,
Одна ты в моей судьбе.

- И второе, оно о войне, только не об этой, а о той, когда наши отцы защищали Родину. Об интернациональном долге тогда не говорили, его просто не было. Был другой долг по защите своей семьи, своих близких, своего Отечества.

Эхо войны

Снова май торжествует – Победы печать,
Про войну только в книгах читала,
Но ведь это не грех на войне не бывать –
Это счастье, что в мире росла я.

Острой болью в душе отозвались моей
Те бои, что в войну прогремели,
Через годы доносятся стоны людей,
Запах гари солдатской шинели.

Под обстрелами корчилось тело Земли,
И калечились судьбы людские,
Своей кровью и потом Отчизны сыны
Исцеляли те раны земли.

Много шрамов осталось от этой войны,
Память в сердце хранится годами,
Только дух наш не сломишь – мы духом сильны,
Потому и Победа за ними!!!

- Аринка, ну просто поэт, какая же ты молодчина. Только это всё война, да война, а может что-нибудь другое, ну о любви, например.

- Ну хорошо, вот недавно написала:

- «Ты рядом»

Мне совсем не хватает тебя,
Твоих рук и твоей улыбки,
Твоих губ, что целуют любя,
Не хватает и это пытка.

Твоих глаз – в них сиянье и блеск,
Море нежности, обаянья
И любви твоей яркий всплеск,
В них читаю без слов признанья.

Не хватает всего тебя,
Каждой клеточки до миллиметра.
Неужели нельзя, уходя,
Возвращаться быстрее ветра?

Чтоб дыханье и сердца стук
Были рядом, когда в разлуке.
Невозможно... но знаешь, вдруг,
Мы сумеем назло науке.

И однажды, услышу слова,
Ты прошепчешь мне их по ветру,
А в мерцании звёзд глаза
Я узнаю твои по свету.

Солнце жарко обнимет меня –
Это руки твои, как награда.
Оглянулась – так много тебя,
Ты повсюду, во всём, ты рядом!

Арина закончила, смущённо замолчала, но быстро справилась с собой и произнесла:

- Вот, на завершение ещё одно и танцы:

«Не стреляйте в белых лебедей...»

«Не стреляйте в белых лебедей»,
Не убивайте грацию и нежность,
Не истребляйте истинную верность,
Не становитесь мельче и грубей.

Невежеством не трогайте души,
И крыльев лебединых не ломайте,
Не терпит Красота фальшивых мантий,
Бездушия, предательства и лжи.

- И ещё одно, без названия:

Чужая страна и чужой обжигающий ветер...
И есть лишь одно, что избавит от горькой тоски:
В родимом краю – будет дом наш уютен и светел
Пусть память о страшных потерях заносят пески.

Я издали слышу стрекочущий звук вертолёта,
И радостно сердце, взмывая, на крыльях парит
С волнением жду возвращения из трудных полётов,
Пусть вера моя – тебя в жизни надёжно хранит.

Здесь в горячих песках есть одна лишь награда:
Долгожданная встреча с тобой.
Обниму и почувствую – снова мы рядом –
Во спасенье наша любовь!

Мы сумеем пройти сквозь лишения и горе,
Возвратиться в Россию – домой,
Где поют соловьи... Где у тёмного моря
Берег нежно ласкает прибой.

На зелёном лугу, где цветы полевые,
Соберу я ромашек букет...
Мы вернулись, страна! Мы вернулись живые,
Мирной жизни встречаем рассвет.

- Ой, Аринка, ты же настоящий поэт, нет поэтесса. Ребята, а как правильно?

- Да как ни назови, какая разница. Ведь красиво и здорово.

- Аринка, читай ещё, нам очень нравится, ну пожалуйста!

- Нет, нет, на сегодня хватит и не уговаривайте, вот пусть лётчик, Саша, сделает мне подарок, сегодня же мой день.

- Ну если подарок, я готов.

И Пеневин стал читать этим, ставшим ему такими близкими всего за несколько часов ребятам, те свои стихи, которые он читал совсем недавно в госпитальной палате. И опять, как тогда его наградили аплодисментами.

Глава 11.

Когда включили двухкассетный «ШАРПП» и перешли к танцам Александр танцевал только с Ариной. Причём он заметил, что она предпочитает медленные и плавные танцы, легко отдаваясь волнам музыки, доверчиво положив руки на плечи партнёра. Спокойная домашняя обстановка без выстрелов, разрывов, сполохов ДШК¹⁴ благотворно действовала на лётчика, и он решил – сейчас, надо обо всём сказать Арине сейчас. Не надо больше её обманывать, она это не заслужила.

- Арина, давай погуляем, смотри какая ночь, а небо! Посмотри на звёзды в окне, правда красиво?

¹⁴ ДШК – крупнокалиберный пулемёт

Они спустились с крыльца модуля и медленно побрели по центральной алее в сторону штаба.

- Аринушка, мне надо тебе сказать, - Александр положил руку на плечо девушки.

- Саша, не надо я всё знаю из твоей медкнижки. У тебя семья, а лёгких мимолётных отношений я не хочу. Давай останемся просто друзьями. Ты веришь в дружбу между мужчиной и женщиной?

- Нет, Арина, не верю. И что ты знаешь о моей семье? Мы поженились в Саратове, когда ещё я был курсантом. Тогда я поступил очень опрометчиво и необдуманно. А моему легкомысленному созданию по имени Маргарита оказывается ничего не было нужно, кроме свободного диплома после пединститута. Да и после моего распределения в отдалённый гарнизон Забайкалья она вместо работы в школе предпочла ежедневные посиделки с местными кумушками за графинчиком брусничной настойки. Да и жили мы перед Афганом по разным комнатам, детей у нас нет, разве это семья?

- И всё равно, Саша, я не хочу строить своё счастье на осколках чужого. Разве так трудно меня понять?

- А я? кто поймёт меня? Но ты всё-таки постарайся. Аринушка, дорогая моя, с первого взгляда, как только увидел тебя, я начал мечтать, что мы станем друзьями. У меня такое чувство будто мы давно знакомы, что мы нужны друг другу. Наверное, именно тебя я искал в своей жизни, только не знал, что встретимся так неожиданно.

- Сашенька, - девушка остановилась и, как в танце положила руки на плечи Пеневина, - спасибо тебе просто за то, что ты появился в моей жизни. Но дай мне время подумать, я очень скоро тебе отвечу, здесь на войне невозможно солгать, ты знаешь.

Глава 12.

Сегодня сопровождали колонну. Работали до самых сумерек, а вечером в дверь комнаты постучали – это был дневальный по модулю.

- Товарищ капитан, Вам письмо.

Пеневин вскрыл конверт, - от кого бы это?

«Саша, я уезжаю – эта война не для меня. Решила не прощаться, так будет лучше. Милый, постарайся меня понять и прощай.»

На ходу застёгивая форменную рубашку Пеневин бросился в женский модуль. Соседка Арины к счастью оказалась на месте.

- Валя, Валюша, что случилось, где Арина?

- Александр, вначале успокойтесь, Вы же мужчина.

- Я спокоен и, как мужчина спрашиваю Вас: что случилось и где Арина?

- А случилось товарищ капитан то, что нередко случается на этой войне. У нас работала комиссия из Союза. И председатель – старикашка в полковничьих погонах пытался затащить нашу подругу в постель, за что получил прямо по своей сморщенной физиономии. Как результат – досрочная отправка во внутренний округ. Официальная формулировка: «За халатное отношение к своим служебным обязанностям и профнепригодность». Вот как получилось, вернее не получилось у неё. Арина после гибели родителей одна воспитывала брата, трудно ей было. Хотела в Афгане заработать на кооператив в Выборге...

- Как фамилия этого докторишки? Я же его из-под земли достану.

- Вряд ли, комиссия уже улетела в Союз.

- А Аришка-то где сейчас?

- Не знаю. Сразу же после обеда собрала сумку – какие у нас вещи? – и на попутном УАЗике на аэродром.

- Ну она-то понятно, а вы, почему, почему никто мне не сообщил?

- Арина не разрешила. А ваш комендант сказал, что вы на задании.

- А-а-а, чего от вас добьёшься, - и Пенева побежал на вахту к телефону.

- Диспетчер? Капитан Пенева. Скажи, дорогой, после обеда были борта на Союз? Знаю, что не уполномочен, но посмотри открытый лист, пожалуйста. Фамилия Семёнова Арина. Хорошо, жду.

- Да, Пенева на связи. Кабул – Ташкент, 15.20 Москвы, понял. Так, а дальше? Открытый лист только до Ташкента? Аэропорт Тузель? Да знаю, что Тузель. А дальше-то куда? Понял, только до Тузеля. Спасибо, дорогой! Я твой должник, конец связи.

Глава 13.

На караван, как правило, ходили двумя парами – пара двадцатьчетвёрок (крокодилов) и пара восьмёрок (МИ-8). Работали по давно отработанной схеме: агент ХАДа¹⁵ докладывал время и место прохождения каравана – цепочки верблюдов и ишаков навьюченных поклажей. Выявить нет ли среди этого груза оружия и боеприпасов и было задачей вертолётчиков. «Крокодил», работая на предельно-малой высоте, давал короткую очередь из пушки. В нескольких метрах перед головным верблюдом – это и являлось сигналом к остановке и началом досмотра. Дальше восьмёрки высаживали досмотровую группу и если запрещённых предметов обнаружено не было, караван спокойно продолжал путь.

¹⁵ ХАД – госбезопасность Народной Армии ДРА

Сегодня ведомым у Пеневина был его однокашник по училищу Серёга Муравьёв. После предупредительной очереди, караван не остановился, а наоборот ускорил движение. Откуда-то из середины каравана заработал ДШК по восьмёркам досмотровой группы. «Крокодилы» же ушли на второй круг выйдя из крена, ударили по каравану РСами¹⁶ из подпилонных блоков. Разрывы снарядов сломали и разбросали стройную цепочку каравана, сверху это было хорошо видно. Восьмёрки подсели на выбранную площадку, из грузовой кабины тут же высыпали десантники – досмотровая группа. Действуя чётко и слажено, несколько солдат заняли оборонительную позицию возле вертолётов, остальные, пробираясь между поваленными животными, воронками от снарядов и разбросанными мешками с поклажей, приступили к досмотру. Прямо на песок вывалилось всё: от сантехники до японской радио и видео аппаратуры. Среди этой довольно безобидной и мирной поклажи было обнаружено несколько ящиков с патронами, гранатами и комплектами ПЗРК, которые вместе с тут же связанными погонщиками были немедленно загружены на восьмёрки. Двадцатьчетвёрки, встав в круг над местом недавнего прохождения каравана, вели огонь и не давали бандитам расползаться по пустыне. Закончив работу, четвёрка вертолётов попарно правым пеленгом ушла в сторону аэродрома.

На стоянке борта встречал сам ЧВС¹⁷ – генерал-майор Красавин.

- Старший группы, ко мне!

- Товарищ член Военного Совета, полётное задание выполнено без замечаний. Потерь личного состава и авиатехники нет. Старший группы капитан Пеневин.

- Молодец, сынок! – генерал протянул лётчику руку.

- Давно в Афгане? Боевые награды имеешь? – и тут же, не дожидаясь ответа:

- Коли дырку под «Красную звезду», заслужил.

Глава 14.

Уже через день работали на сопровождение колонны. Надо заметить что основная часть грузов: продовольствие, боеприпасы, ГСМ¹⁸ и различная техника доставлялись в Афганистан автомобильным транспортом. Колонны формировались в Узбекском Термезе, потом мост через Амур-Дарью, затем уже Афганский Хайратон и далее по всей территории Афганистана.

¹⁶ РС – реактивный снаряд.

¹⁷ ЧВС – член Военного Совета

¹⁸ ГСМ - горюче-смазочные материалы

Во главе колонны, как правило, шла бронетехника, затем КАМАЗы, наливняки с керосином и солярой. Замыкали колонны опять танки и БТРы¹⁹. Бандиты же практиковали такую тактику: когда колонна втягивалась на серпантин, поджигали из гранатомёта головную машину, затем замыкающую, ну и потом расстреливали весь внутриидущий транспорт. Передвижение колонны таким образом блокировалось. Пытались сталкивать повреждённый транспорт в пропасть. Но в море пылающего керосина это редко удавалось. Командование ограниченным контингентом конечно принимало контрмеры против подобных диверсий – это моторизованные патрули, засады, блокпосты. Но наиболее эффективным оказалось прикрытие колонны с воздуха. Душманы панически боялись боевых вертолётчиков и заслуженно называли их «шайтан арба».

- «Вахтенный», 628 контрольное выполнил, разрешите взлёт парой.

- 628, взлёт парой с основным курсом разрешаю. Пара двадцатьчетвёрок: ведущий Пеневин, ведомый Муравьёв, взлетали с ВПП²⁰ Кабульского аэродрома. Задание – сопровождение воинской колонны по маршруту Пули – Хумри – Кабул.

- «Вахтенный», 628 безопасную занял, разрешите отход, задание.

Получив разрешение РП²¹ на следование в район прохождения колонны, пара боевых вертолётчиков уходит на задание. Ведущий подаёт команду:

- Вошли в зону, Экипажам усилить осмотрительность.

- Командир, наблюдаю ленточку, - докладывает Муравьёв.

- Принял, наблюдаю так же, без происшествий.

Экипажи контролировали пока свободную трассу. И вдруг – доклад бортехника по СПУ²²:

- Командир, справа под девяносто «духи», вон за тремя валунами.

И тут же от ведомого:

- Точно, командир, вон чалма торчит.

И спокойный голос Пеневина:

- Работаем орлы! Первый заход РСы, на втором – пушки.

Разрывы РСов покорёжили, разметали две позиции ДШК оборудованных за валунами и вовремя – колонна втягивалась на серпантин.

Пеневин командует:

¹⁹ БТР – Бронетранспортёр

²⁰ ВПП – Взлётно-посадочная полоса

²¹ РП – руководитель полётов

²² СПУ – самолётное переговорное устройство.

- Внимание, сопровождаем колонну на всём пути следования методом барражирования²³ на предельно малой.

Вертолёты парой проходят над горным серпантинном, возвращались и вновь повторяли манёвр.

Наконец голова колонны дошла до конечного пункта и, словно гигантская гусеница, заползла в охраняемую зону.

- Так, славяне, гасим скорость и контрольный проход.

Пара снижается до тридцати метров и, покачивая крыльями (точнее пилонами), проходит над машинами. Водители – пацаны 18-19 лет вылезли из кабин и благодарно машут панاماми – вот оно, боевое братство! И эта благодарность за спасённые жизни для вертолётчиков – самая высокая награда.

Глава 15.

После двух дней отдыха пара Пеневинов – Муравьёв вновь приступила к боевой работе. Полётное задание на сегодня – разведка и поиск караванов в районе Гардез – Матун – Ургун. На маршруте ничего необычного: внизу, на сколько хватает глаз, – жёлто-бурый океан пустыни, кое-где бугрятся одинокие горюшки, местами они переходят в причудливо извивающиеся цепи скальных образований, перечёркнутые стремительными горными потоками.

Склоны покрыты бурой растительностью, на равнине она переходит в кажущуюся сверху оазисом, зелёнку²⁴. Предельно малая высота 20-50 метров требует от экипажа максимальной собранности., внимания, пространственной ориентировки. Поэтому все – и командир, и оператор, и борттехник-стрелок вертят головами, что называется на 360 градусов.

И вот на связь выходит ведомый:

- 628 перейди на УКВ²⁵.

- Понял, выполняю.

И обрывки радиообмена открытым текстом:

- ... «духи», гады, прут со всех сторон... осталось по два рожка... две гранаты на подрыв. Вертушки, мы вас видим, заберите, погибаем!

- Серёга, где они?

- Вон, у подножья скалы, в начале склона. Вон, вон, дымы!

- А не ловушка?

- Вроде нет, радиообмен без акцента.

²³ Барражирование -

²⁴ Зелёнка – лесной массив.

²⁵ УКВ – ультракороткие волны

- Запрашиваем РП.

- «Вахтенный», 628, район Гордеза, пехота передаёт SOS, разрешите посадку, помощь.

- 628, посадку запрещаю, выполняй своё задание.

- Понял, запретили.

А по СПУ оператору:

- Паша, выключай связные – имитируем отказ связи.

И снова ведомый:

- Саня, вон бородатые бегают, а ребята за камнями и на склоне.

- Экипаж, заходим на посадку. 629 в круг, прикрывай! И вырубая все связные – режим радиомолчания.

Уступ, на который «духи» загнали наших ребят с высоты кажется неприступным и совершенно непригодным для посадки. По миллиметру прибирая «Шаг-Газ»²⁶ Пневин кое-как удерживает и выравнивает вертолёт. Та-а-к, одно колесо приткнулось на уступ, лопасти молотят едва ли не в метре от скалы. Борtach, выпрыгнув из вертолёта, отчаянно машет руками двоим еле волочившимся по склону парням. По фюзеляжу защёлкали автоматные пули. И вдруг страшной силы удар стал заваливать машину на левый борт. Заработал речевой информатор: «Борт 41, пожар левого двигателя», «Борт 41, отказ гидросистемы». Пневин резко рванул стоп-кран, а в СПУ:

- Экипаж, аварийное покидание!

И тут же отстрелил дверь и вывалился из кабины. Прячась за клубами дыма, отполз в сторону.

- Командир, командир, сюда!

Из-за камня показались два ЗШ²⁷ – оператора и борттехника.

- Слава Богу, живы, - промелькнуло в голове.

Ребята видели – ведомый круто пикирует к месту катастрофы, не прекращая вести огонь из бортовых пушек. Экипаж и двое примкнувших к ним десантников отползли в сторону небольшой площадки более или менее пригодной для посадки борта.

Борттехник подсевшего вертолёта помог лётчикам забраться в кабину для десантников, а два спасённых солдата огнём своих автоматов прикрывали ребят.

- А вот вам напоследок!

²⁶ Шаг – Газ – рычаг совместного управления двигателем и воздушным винтом

²⁷ ЗШ – защитный шлем

И запустили в подбегавших «духов» две оставленные на подрыв РГДшки²⁸.

Грузовая дверь закрыта, Муравьёв тянет «Шаг-Газ» вверх до упора, лепесток несущего винта вспухает колоколом вверх. Командир валит чуть оторвавшийся борт в левый крен – так легче уйти от губительных очередей с земли. Спасённый экипаж трясёт руки и обнимается с десантниками. Взлетели, будем жить!

На стоянке в Кабуле борт встречали: командир полка, командир эскадрильи, руководитель полётов и начальник особого отдела.

Глава 16.

Лётное происшествие обсуждалось на Военном Совете 40ой Армии. Решение: дело капитана Пеневина передать в Военный трибунал.

Трибунал заслушал сторону обвинения - прокурора полковника юстиции Фёдорова, свидетеля обвинения – руководителя полётов майора Саморукова, а также свидетелей защиты: капитана Муравьёва, старшего лейтенанта Григорьева, рядовых Абрамова и Семёнова.

Заседание трибунала длилось целый день. После перерыва был зачитан приговор:

«За невыполнения приказа руководителя полётов во время ведения боевых действий, и приведшее к угрозе потери двух лётных экипажей, а также к потере дорогостоящей авиационной техники капитана Пенвина Александра Алексеевича лишить Правительственных наград, лишить воинского звания «капитан», документы направить в Главное Управление кадрами Вооружённых Сил на увольнение из рядов Советской Армии».

На следующий день полёты не планировались – были назначены углубленные осмотры на технике и предварительная подготовка. На утреннем построении Пеневин объявил:

- Мужики, вечером жду всех в комнате психологической разгрузки на рюмку чая. Честь имею!

И приложил раскрытую ладонь к лётной фуражке. После работы на технике в столовую не пошли. В модуль притащили солдатский термос с чаем и сухой паёк: колбасу, сыр, галеты. Инженер выделил банку спирта – боевые сто грамм со Вреён Великой Отечественной ещё никто не отменял.

Первым слово взял комэска:

²⁸ РГД – ручная граната.

- Саня, во-первых, от имени всей эскадрильи я хочу попросить у тебя прощения, что не смогли отстоять тебя на суде. Для нас ты был и будешь боевым товарищем, настоящим офицером. Многие из нас в бою были обязаны тебе жизнью. Желаем тебе удачи на гражданке и безаварийной лётной работы, а что ты не уйдёшь из авиации я не сомневаюсь. Спасибо тебе сынок!

За этот вечер Александр услышал столько добрых слов, сколько не слышал за всю свою жизнь.

- Спасибо, боевые друзья! – поблагодарил ребят Пенева на прощанье, - и боевое братство не забывается!

Глава 17.

Командиры транспортных ИЛов знали практически всех вертолётчиков, базировавшихся в Кабуле. Боевые вертолёты прикрывали своими бортами транспортники, заходящие на посадку в Кабульском аэропорту от ПЗРК душманов.

Наутро командир ИЛ-76 спросил у подошедшего Пенева:

- Позывной?

- 628.

- Саня, Пенева! Здравствуй, дорогой, - протянул руку майор.

- Куда, дружище?

- В Союз, брат, отвоевался.

- Ладно, потом расскажешь. Запишись у правака в полётный лист сопровождающим и занимай место в гермокабине. В 12.30 колёса в воздухе.

Александр удобно расположился в мягком кресле и постепенно погрузился в глубокий сон, пропустив даже взлёт – сказывалось напряжение прошедших дней. Проснулся он только от мерного постукивания амортизаторов на полосе Ташкентского аэропорта. Таможню прошли на удивление быстро – Александр сдал документы вместе с экипажем.

- Дальше-то куда? – поинтересовался командир.

- До Укурей, брат. Сейчас узнаю у диспетчера, когда борта на Забайкалье.

- Чего узнавать-то. В 17.10 борт на Укурей. Командир экипажа - наш комэска, мой однокашник, пошли пристрою.

Вот так лётчики ВВС помогали друг другу не только на территории Союза, но и за её пределами.

Укурейский ИЛ-76 набирает эшелон 9 500 метров и ложится в горизонт. Командир, подполковник Знаменский включил автопилот и пригласил Пенева в кабину:

- Ну, капитан, давай рассказывай, что у тебя стряслось-то в Афгане.
- Да рассказывать-то, товарищ подполковник, особенно нечего.
- Ну что ты заладил: подполковник, да подполковник. Альберт я, Знаменский Альберт – протянул руку командир. А Пневин продолжал:
- Пытался я вытащить двух пацанов из пекла, да сам нарвался на очередь ДШК. Борт потерял, а меня с экипажем и теми пацанами вытащил ведомый.
- Так тебя по боевым меркам к ордену представлять надо!
- И представили бы, если бы не садился вопреки запрету РП. Да и борт «духи» сожгли. Ну а теперь я по всем статьям бывший: бывший командир, бывший лётчик и бывший капитан.
- Бывших офицеров, Саня, не бывает! И ещё не лишён ты самого высокого звания, да и даётся оно не на земле, а на небесах. И звание это – «Человек», при чём с большой буквы. И я безмерно рад, что есть ещё такие мужики в авиации!
- Ладно, закрыли тему. Теперь-то куда?
- Буду пытаться куда-нибудь в ГВФ. Только возьмут ли теперь с моим волчьим билетом?
- Слушай, Сань, а в Воронеж хочешь? Там командиром мой друг детства – Володя Баринов. Это отдельный отряд УГА и ЦА, т. е. Управление Гражданской Авиации Центрального района и Антарктиды. Позвоню, уверен – примет, думаю ему нужны такие боевые ребята.
- Буду очень признателен, Альберт Антонович.
- Ну, до связи, - протянул руку командир.

Глава 18.

В отделе кадров Воронежского отряда Пневина встретила строгая дама Бальзаковского возраста:

- Ваши документы, молодой человек.
 - Вот, пожалуйста, - Пневин протянул ей паспорт и военный билет.
- Дама долго и пристально изучала документы.
- Значит, сбежал с войны, капитан?
 - А вы что, были на той войне? Что-то я Вашу личность не припоминаю.
 - Ладно, ладно, не кипятись. Сразу видно – боевой лётчик, заводисься с пол оборота. Да сам командир отряда за тебя хлопочет, а он, поверь, редко просит свой отдел кадров о чём-либо. На АХР пойдёшь?
 - А что за зверь – АХР?
 - Это авиахимработы, весной – удобрения, летом – борьба с вредителями по сельхоз угодьям Воронежской области.

- В общем как в нашей песне: нынче здесь, а завтра там... И кружится голова от этой шири.

- Да, где-то так. Легкомоторная авиация – это АН-2. И не «кукурузник», а «ласточка», сам поймёшь со временем. Да и кроме всего прочего на АН-24 и ИЛ-18 у меня вакансий нет, да и профиль твой- вертолётчик, переучиваться придётся. Готов?

- Всегда готов, лишь бы летать! – и Пенвин шутливо отдал пионерский салют.

- Ну вот и повеселел, - закончила разговор дама.

После трёх месяцев переучивания в Кировоградской ШВЛП²⁹ Пеневин вновь прибыл в Воронежский отряд. Александр был назначен на должность второго пилота на самолёт АН-2 в экипаж командира пилота II класса Бессонова.

По прибытии лётчик представился командиру:

- Товарищ командир, второй пилот Пеневин прибыл в Ваше распоряжение.

Командир, на вид парень лет тридцати, ровесник Александра, радостно пожал протянутую руку:

- Ну, наконец-то у меня появился второй, да какой – боевой лётчик!

- Командир, давай не будем об этом, я твой помощник и точка.

- Хорошо, убедил. С жильём-то определился?

- Да, в аэропортовской общаге. Я холостяк и квартира мне не положена.

Когда Александр переучивался в Кировограде, к нему неожиданно прикатила жена, адрес узнала в Военкомате. Она сама подала на развод – опальный офицер в её жизненные планы не входил. Детей у них не было и их быстро, за один день, развели. Никаких чувств к этой женщине Александр не испытывал и жалеть, естественно, было не о чём.

- Так, Саша, - продолжал командир, - законы в аэрофлоте такие: после переучивания тебе положена вывозная программа на своём авиапредприятии. А чтобы было понятно – летаешь с инструктором на грузовых рейсах, без пассажиров.

- И как долго?

- До начала АХР, практически до весны. А вот и инструктор твой появился – вон женщина в форме с дежурной по перрону беседует, увидел?

²⁹ ШВЛП – школа высшей лётной подготовки

Тебе для информации: дама непростая, и к нам пришла из ДОСААФа, сразу, как порт переехал с Хальзунова. Да, раньше МВЛ был в старом городе.

Дама сразу завела нужные знакомства в управлении, кстати, и до сих пор мотается с этими ребятами, по границам – ГДР, Венгрия, Чехия, и т. д. по профкомовским путёвкам. Ну и вместо медали за БЗ₃₀ – инструкторская должность. Вся аэродромная братия толкует, что именно за эти заслуги муж её из дома и выпроводил. А вот и она, на подходе.

- Мальчики, здравствуйте. Инструктор по лётной подготовке Логинова Галина Николаевна. А твой товарищ, наверное, тот самый вертолётчик? Очень рада знакомству, - протянула руку дама.

- Итак, Александр Алексеевич, завтра работаем на Эртиль. Почтовый рейс. Встречаемся в 7.00 на медосмотре у доктора, а дальше будем ломать всё, чему вас учили в Кировограде! Ну, мальчики, пока, хорошего дня, да, не проспите завтра.

- Что дама не простая заметил? – как бы между прочим обронил Роман.

- Я заметил больше, мне кажется, что эта особа имеет два лица – одно для всех, и другое для нужных людей.

- Ну ты, Саня психолог. Попадание в десятку, в жизни она так себя и ведёт, хотя по слухам имеет дворянское происхождение. Ладно, завтра увидишь её в воздухе. А сегодня по моим прикидкам она не летает.

- Да, а как ты узнал?

- Всё просто, видишь она в юбке? И как же по-твоему она будет работать педалями? На полёты она придёт в брюках, завтра сам увидишь.

- Ром, а чего она собралась ломать по ШВЛП?

- А ты не понял? Да любой инструктор хочет показать, что теория – это игра, а практика, которой он якобы владеет в совершенстве – это всё!

Глава 19.

- «Бегония», борт 1721 на исполнительном, разрешите взлёт?

- 1721, взлёт с основным курсом разрешаю.

Сразу после взлёта инструктор отдала управление Пеневиноу и Александр все полтора часа вёл машину. Самолёт АН-2 нравился лётчику за лёгкость и чувствительность в управлении и ещё он прощал некоторые ошибки в технике пилотирования. Кроме того, в отличие от тесной кабины двадцатьчетвёрки в пилотской кабине «Аннушки», как бы присутствовало свободное пространство, а рядом – твой товарищ, который всегда готов прийти на помощь.

Полторы тонны почтового груза – посылки, мешки с газетами и письмами на Эртильском аэродроме разгрузили быстро – за каких-то десять минут, потом заправка и подготовка к повторному вылету и уже через час самолёт был готов к обратному рейсу.

Весь маршрут самолёт опять пилотировал Пенева. Усталости он не чувствовал – напряжение на штурвал от элеронов легко снималось триммерами. Да, хороший аппарат изобрёл дедушка Антонов! АН-2 вошёл в серию ещё в далёком 1949 году, а полноценную замену ему не смогли придумать даже современные технологии.

При подходе к четвёртому развороту Александр почувствовал какой-то рывок в районе правой стойки, выглянул в форточку и, – о ужас! – увидел, что правая лыжа свободно болтается в набегающем потоке.

- Командир, разрешите осмотр правой стойки из грузовой кабины?

- Что тебе приспичило? Иди смотри! – взяла управление.

При осмотре лыжи в иллюминатор Пенева увидел, что два задних троса лыжи оборваны и она болтается, задрал нос. «Хорошо, что оборваны задние, при обрыве передних скапотировали бы сразу при первом же касании», – пронеслось в голове.

- Командир, оборваны задние троса правой лыжи, докладывай на «Бегонию».

После доклада, экипаж получил команду:

- Проход над точкой.

После прохода стали поступать инструкции:

- На глиссаде максимально загасить скорость.

Посадка на грунт, в начале полосы.

На пробеге штурвал влево, левый крен.

В конце полосы экстренное торможение.

После этого с инструктором стали твориться «непонятки».

- Саня поддержи, Саня поддержи – и бросила штурвал.

У Пенева промелькнуло, – трусит, баба за штурвалом – не лётчик! Это тебе не по курортам мотаться!

- Не кишишуй, поса-а-адим, прикрикнул в СПУ Пенева.

Чтобы максимально загасить скорость, закрылки выпустил ещё на дальнем приводе. В самом начале полосы хвостом правой лыжи едва коснулся грунтовок – лыжа стала в нормальное положение, дальше прижал к полосе левую лыжу и максимально ударил по тормозам.

На стоянке уже встречала техническая бригада для выявления причины дефекта и ремонта.

А Галина долго трясла руку Пеневина и тараторила: «Ну молодец, вертолётчик!»

- Да уже и не вертолётчик, а самолётчик-извозчик. Ладно, проехали.

И плавно покатались лётные будни в мирном небе России.

Грузовые рейсы в Борисоглебск, почтовые в Эртиль и Поворино, санзадания по всей Воронежской области. Первое время Александр не мог понять почему ему так спокойно в небе. Но вскоре понял, что всё очень просто – в Российском небе тебя не преследует дымный след «Стингера», тебя не слепит сварочный всполох ДШК, в твою голову не целит душманский снайпер.

В Афгане нет входных, а здесь ты можешь в свободное от полётов время бродить по старому городу, по Чернавскому мосту, уехать на левый берег, искупаться на водохранилище, сходить в новый цирк в городском парке, да наконец просто побродить по лесу здесь же в Аэропорту.

И лишь одно с невероятной силой тянуло в то время, когда он воевал в Афгане – где рядом была та, за которую он отдал бы жизнь, не задумываясь. «Аришка, милая, отзовись, приди ко мне, как в сказке.» Он часто ловил себя на том что произносит это вслух.

Глава 20

Накануне, 15 февраля 2009 г., - двадцатилетней годовщины вывода Советских войск из Афганистана он получил приглашение на слет воинов-афганцев в Санкт-Петербург.

В устланном коврами и залитом ярким светом хрустальных люстр, просторном холле Окружного Дворца офицеров было празднично и торжественно. Синие парадные, зеленые и пятнисто-камуфлированные мундиры украшало сияние боевых орденов и медалей. Стоял умеренно-монотонный гул, который всегда сопровождает такие собрания. По темно-бордовой ковровой дорожке, покрывавшей мраморные ступени он спустился к буфету. Здесь он занял очередь за небольшой группой, как он понял из их разговора, это были врачи из военно-медицинской Академии. Он повернулся к залу, надеясь, может повезет, отыскать знакомых среди общей толпы. Но подходила его очередь и на долгое пристальное рассматривание попросту не было времени. Он сделал полшага к впередистоящей группе и вдруг его ударило, как тогда «Стингером» в афганском небе – он увидел ее. Ноги вдруг стали ватными и приросли к полу. Он жадно всматривался в ее лицо:

высокий открытый лоб, прямой чуть вздернутый нос, усталые губы. Каждую клеточку этого лица он так хорошо знал и помнил. Она тоже сразу узнала его и её голубые бездонные, словно два родника глаза медленно наполнялись слезами.

- Арина...

Ему казалось, что он кричит, но это был лишь еле слышный шёпот. Несколько мгновений они почти в упор смотрели друг на друга и вдруг женщина, чуть отступив, произнесла:

- Вы ошиблись, простите.

Приглашая всех в зал, прозвенел первый звонок. Толпа разъединила их. Повинуясь её течению, он прошёл и занял место в одном из первых рядов. Звучит гимн, зал замер по стойке смирно. Торжественная часть. Избитые фразы об интернациональном долге и необходимости защиты Южных рубежей. Они проходят сквозь сознание монотонным еле слышным звоном. Он все время вытягивает голову и в который раз пристально всматривается в зал в надежде отыскать родное лицо. Тщетно, ни в первом отделении, ни в перерыве Арину отыскать не удалось.

Она сама вышла на сцену, когда объявили номинацию «Поэзия боевого братства». Она долго молча стояла перед микрофоном, безвольно опустив руки перед собой, пока не встретилась с ним глазами. С этого мгновенья она преобразилась. Она то бурлила горным водопадом, то взрывалась вулканом, то затихала лесным ручейком, то разливалась широкой рекой по равнине. Она словно волшебная фея царила над огромным залом. Опять в зеленке грохотали взрывы, снова сварочным сполохом сверкал ДШК, опять кромсали броню и человеческую плоть противотанковые мины и опять дымный след «Стингера» переворачивал беззащитные в небе вертушки...

Острая боль пронзила раненую ногу, нестерпимый жар растекаясь по голени, поднимался все выше. И когда уже, казалось, терпеть эту боль не хватит сил, ласковая прохладная ладонь медсестры Арины накрыла рану. И боль отступила, она исчезла, как будто ее и не было вовсе. Он очнулся от шквала аплодисментов, зал аплодировал афганской поэтессе стоя. А она поблагодарила всех, чуть склонив голову из-за огромной охапки цветов, и скрылась за кулисами.

В поэтической номинации он заявил два стихотворения. Первое он написал в Афганистане после знакомства с Ариной. Он назвал его «Трудное счастье».

Трудное счастье...

А что это значит?

Значит, наверное,
Путь чей-то начат
Путь сквозь метель,
Сквозь пургу,
Сквозь невзгоды,
Через бесцельно прожитые годы...
Через паутину сплетен
Путь, где мир
Огромный тесен.
Путь через
Молву людскую...
Как я в пути
Бесконечно тоскую!
Через душманские
Пули и ветер,
А выйти отсюда смогу?
Кто ответит?
Путь через ужас разлуки,
Только упасть
Не дают твои руки.
Путь через
Топа болот,
Сквозь леса,
Где лишь один маяк -
Твои глаза.
Если в пути
Мне вдруг станет темно,
Светит вдали
Мне любимой окно.
А если я вдруг
И споткнусь на пути,
Наша любовь
Мне поможет дойти!

Второе он написал, когда его любимая улетела в Союз, не попрощавшись.
Он так и назвал его «Любимой»

Когда мне совсем уж невмочь от полетов,
Когда в СПУ застревают слова,

Когда шлемофон набухает от пота,
Когда – только в блистер летит синева

Когда одурею от гари разрывов,
Когда снизу сваркой слепит ДШК
Когда всем смертям мы уж бросили вызов
Когда с автоматом немеет рука,

Устало откинусь я в тесной кабине,
Дрожащей рукой отстегну парашют,
А губы уж шепчут любимое имя
И вслух твое имя произнесут

Я только глаза на мгновение закрою
И образ твой милый возникнет вдали
Ты знаешь, что здесь я живу лишь тобою –
- И руки твои через бури вели

Я сразу увижу улыбку родную,
И лоб, и прическу, морщинки у глаз
И кажется мне, будто снова целую
Любимые губы, в который уж раз!

Я тотчас же вспомню любимые плечи,
Твой голос, походку, наклон головы
Я сразу же вспомню бессонные ночи,
Когда мы сгорали с тобой от любви

И сердцу вдруг станет легко и спокойно,
Куда-то невзгоды волной уплывут
Переносюсь я в твой город невольно,
Ведь я же уверен- там любят и ждут.

Третье родилось здесь сейчас в этом огромном зале через двадцать лет после той войны, когда он вновь услышал свою любимую. Он назвал его «Зимняя сказка».

Мне наша встреча кажется случайной
Тогда Вы робко в зал вошли
Мне показалось, Вы окружены какой-то тайной
И эту тайну Вы с собой внесли.

Звучат стихи и Вы преобразились

Вы словно Феникс воспарили над землей
Вселенной тайны нам открылись,
Воспоминания нахлынули волной.

Я снова молод и опять летаю,
Как птица в лучезарной синеве,
А прожитые годы быстро тают
И исчезают где-то в глубине.

Я вновь люблю, и мне любовью отвечает
Прекрасная из женщин на земле
И провиденье нам судьбу гадает,
А прошлое скрывается во мгле.

Ваш светлый образ снится мне ночами
И на душе становится теплей,
Но он окутан грустью и печалью
И от того он краше и милей.

Ну, вот и все, закончено четверостишье
Я ничего Вам не успел сказать,
Но почему же все так вышло
И почему слезами наполняются глаза...

Летят мгновенья, блекнут краски
Ваш образ растворяется во тьме
Спасибо Вам за красивую сказку,
Что в зимний вечер рассказали мне.

На огромную, залитую ярким светом софитов сцену, поднимается бывший член Военного Совета 40 Армии генерал-майор Красавин.

- Мои боевые друзья! Двадцать лет минуло со времени тех событий, участниками которых нам довелось быть. Приближается двадцать первое столетие, уже нет той партии, нет того правительства, да и самого государства, интересы которого мы защищали, когда вошли в Афганистан. Одно лишь осталось неизменным – мы не струсили и не отступили, мы честно выполнили приказ Родины.

Я вышел сюда, чтобы сказать вам то, что не успел сказать в торжественной части. Там на нашей войне были не только кровь и смерть, там еще была и любовь. Как и на всякой войне встречались одинокие сердца, две половинки, дополняли друг друга, помогали друг другу, жили друг другом. На войне все

предельно открыты, здесь нельзя лукавить и лгать. Тогда и рождается настоящая любовь.

Сейчас в этом зале присутствуют два человека, два любящих сердца. На их долю выпали очень нелегкие испытания, но их любовь прошла через эти испытания. Наши герои пронесли это светлое чувство через два десятилетия. И они победили! Капитан Пеневин реабилитирован, восстановлен в воинском звании, ему возвращены правительственные награды – ордена «Красной звезды» и «За службу Родине». Бывшей служащей Советской Армии, а ныне подполковнику медицинской службы Семёновой Арине за выполнение задания Коммунистической партии и Советского правительства вручается льготное удостоверение воина-интернационалиста. Прошу на сцену, дорогие мои.

Из разных концов зала по ковровой дорожке к сцене шли два человека. Весь огромный зал Окружного Дворца офицеров аплодировал им стоя. И это был Гимн, Гимн самым великим и светлым чувствам на земле – ВЕРНОСТИ и ЛЮБВИ.

*п. Глебычево
18 августа 2010 – 21 ноября 2018
Автор*

СОДЕРЖАНИЕ:

Повесть о вертолётчиках.....	7
Родник. Пять глотков	126
Часть I	127
Часть II.....	131
Зимняя сказка	145

Евгений Алексеевич Михалёв

РАБОЧИЕ ВОЗДУШНЫЕ ВОЙНЫ

Проза

Издательство и типография «Гамма»
СПб., наб. Обводного канала, 87
2018 – 181стр. Тираж 100экз.